

ЛИТЕРАТУРА

В. Я. Коровина В. П. Журавлев В. И. Коровин

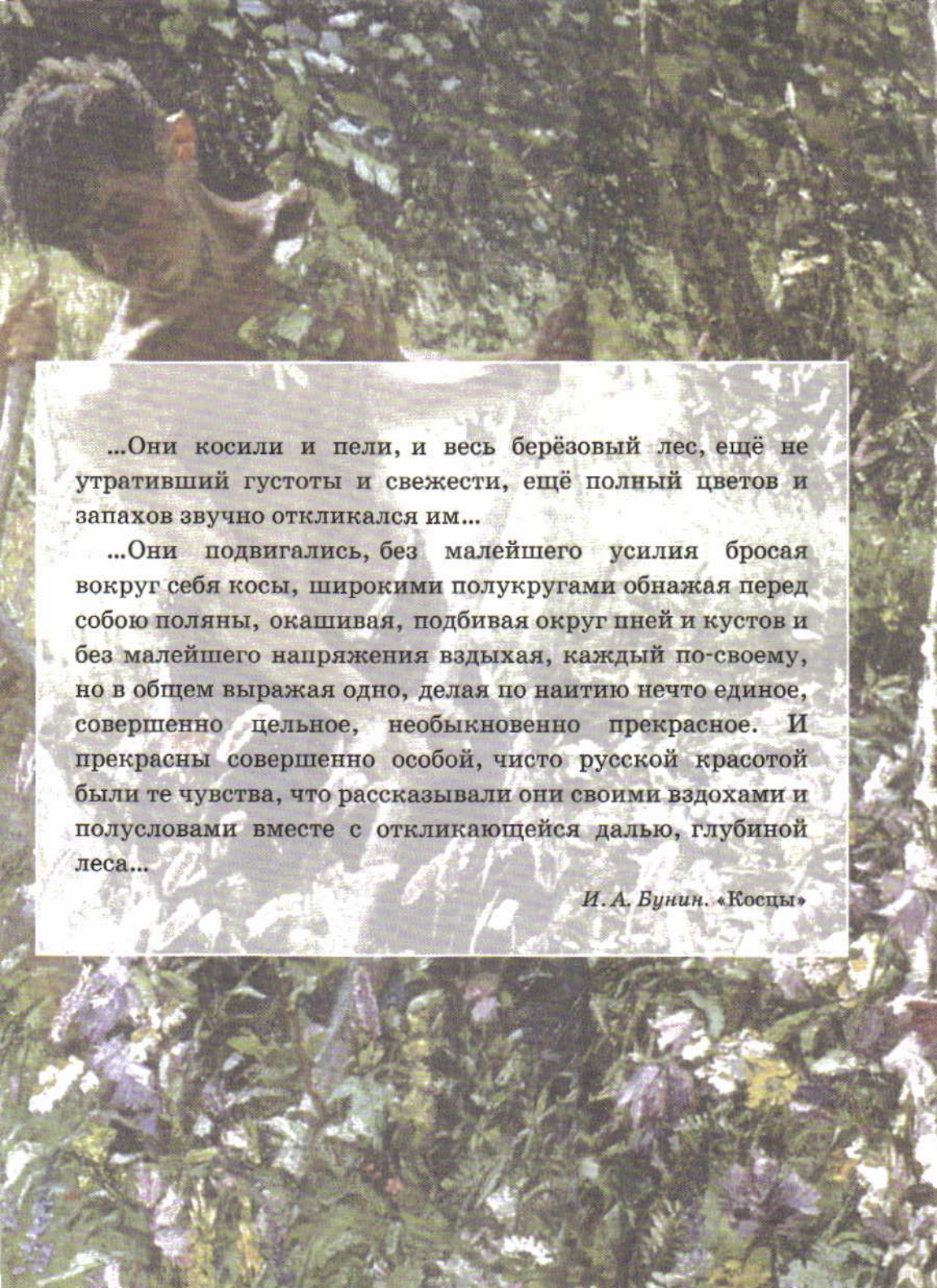

Часть 2

5

ПРОСВЕЩЕНИЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

A person is seen from the side, mowing a field in a forest. The background is filled with dense green foliage and trees. The scene is captured in a slightly grainy, vintage-style photograph.

...Они косили и пели, и весь берёзовый лес, ещё не утративший густоты и свежести, ещё полный цветов и запахов звучно откликался им...

...Они подвигались, без малейшего усилия бросая вокруг себя косы, широкими полукругами обнажая перед собою поляны, окашивая, подбивая округ пней и кустов и без малейшего напряжения вздыхая, каждый по-своему, но в общем выражая одно, делая по наитию нечто единое, совершенно цельное, необыкновенно прекрасное. И прекрасны совершенно особой, чисто русской красотой были те чувства, что рассказывали они своими вздохами и полусловами вместе с откликающейся далью, глубиной леса...

И. А. Бунин. «Косцы»

В. Я. Коровина, В. П. Журавлев, В. И. Коровин

ЛИТЕРАТУРА

5 класс

Учебник

для общеобразовательных
учреждений с приложением
на электронном носителе

В двух частях

Часть 2

Рекомендовано Министерством
образования и науки
Российской Федерации

2-е издание

Москва «Просвещение» 2013

УДК 373.167.1:82.09
ББК 83я72
К68

На переплёте: репродукция картины «Лель (Весна)».
Художник М. В. Нестеров.

Портреты писателей — художник *И. И. Пчелко.*

Учебник получил положительные заключения
Российской академии наук (№ 10106-5215/647 от 14.10.2011)
и Российской академии образования (№ 01-5/7д-278 от 17.10.2011)

Условные обозначения:

Фонохрестоматия

Проверьте себя

Обогащаем свою речь.
Совершенствуем свою
речь

Размышляем
о прочитанном.
Будьте внимательны
к слову

Литература
и изобразительное искусство

Проект. Творческое задание

Учимся читать выразительно

Вопросы и задания
повышенной сложности

Коровина В. Я.
К68 Литература. 5 класс. Учеб. для общеобразоват. учреждений
с прил. на электрон. носителе. В 2 ч. Ч. 2 / В. Я. Коровина,
В. П. Журавлев, В. И. Коровин. — 2-е изд. — М. : Просвещение,
2013. — 303 с. : ил. — ISBN 978-5-09-029736-3.

Учебник переработан в соответствии с требованиями Федерального го-
сударственного образовательного стандарта, Примерных программ основного
общего образования и Рабочих программ по литературе под ред. В. Я. Кори-
виной.

УДК 373.167.1:82.09
ББК 83я72

ISBN 978-5-09-029736-3(2)
ISBN 978-5-09-029738-7(общ.)

© Издательство «Просвещение», 2012
© Художественное оформление.
Издательство «Просвещение», 2012,
Все права защищены

ИЗ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XX ВЕКА

**Иван Алексеевич
БУНИН**
1870—1953

Решением Шведской академии от 9 ноября 1933 года Нобелевская премия по литературе за этот год была присуждена Ивану Бунину за строгий артистический талант, с которым он воссоздал в литературной прозе типичный русский характер.

*(Из официального сообщения
о присуждении И. А. Бунину
Нобелевской премии)*

Иван Алексеевич Бунин принадлежал к старинному дворянскому роду. Сам Бунин отмечал, что его род дал России «немало видных деятелей как на поприще государственном, так и в области искусства, где особенно известны два поэта прошлого века: Анна Бунина и Василий Жуковский, один из корифеев русской литературы, сын Афанасия Бунина...».

Раннее детство будущий писатель провёл в небольшом фамильном поместье (хутор Бутырки Елецкого уезда Орловской губернии). Десяти лет от роду был отдан в Елецкую гимназию, где проучился четыре с половиной года, был исключен (в связи с неуплатой денег за обучение) и вернулся в деревню. Получил домашнее образование, в основе которого лежало прежде всего страстное чтение. Уже в детстве проявилась необычайная впечатлительность и восприимчивость Бунина, качества, которые легли в основу его художественной личности и вызвали

дотоле невиданное в русской литературе по остроте и яркости, а также по богатству оттенков изображение окружающего мира. Бунин вспоминал: «Зрение у меня было такое, что я видел все семь звёзд в Плеядах, слухом за версту слышал свист сурка в вечернем поле, пьянел, обоняя запах ландыша или старой книги».

В 1891 году вышла его первая книга стихов. В последние годы жизни Бунин создал прекрасные книги воспоминаний.

По С. Ю. Ясенскому

Проверьте себя

1. Что лежало в основе домашнего образования Бунина? Какие черты характера писателя проявились в детстве?
2. Расскажите, что вы знаете о жизни И. А. Бунина. При подготовке сообщения используйте дополнительную литературу и ресурсы Интернета.

Косцы

Мы шли по большой дороге, а они косили в молодом берёзовом лесу поблизости от неё — и пели.

Это было давно, это было бесконечно давно, потому что та жизнь, которой все мы жили в то время, не вернётся уже вовеки.

Они косили и пели, и весь берёзовый лес, ещё не утративший густоты и свежести, ещё полный цветов и запахов, звучно откликался им.

Кругом нас были поля, глушь срединной, исконной России. Было предвечернее время июньского дня. Старая большая дорога, заросшая кудрявой муравой, изрезанная заглохшими колеями, следами давней жизни наших отцов и дедов, уходила перед нами в бесконечную русскую даль. Солнце склонялось на запад, стало заходить в красивые легкие облака, смягчая синь за дальними извалами полей и бросая к закату, где небо уже золотилось, великие светлые столпы, как

«Страдная пора (Косцы)». Худ. Г. Мясоедов

пишут их на церковных картинах. Стадо овец серело впереди, старик-пастух с подпаском сидел на меже, навивая кнут... Казалось, что нет, да никогда и не было, ни времени, ни деления его на века, на годы в этой забытой — или благословенной — Богом стране. И они шли и пели среди её вечной полевой тишины, простоты и первобытности с какой-то былинной свободой и беззаветностью. И берёзовый лес принимал и подхватывал их песню так же свободно и вольно, как они пели.

Они были «дальние», рязанские. Они небольшой артелью проходили по нашим, орловским, местам, помогая нашим сенокосам и подвигаясь на низы, на заработки во время рабочей поры в степях, ещё более плодородных, чем наши. И они были беззаботны, дружны, как бывают люди в дальнем и долгом пути, на отдыхе от всех семейных и хозяйственных уз, были «охочи к работе», неосознанно радуясь её красоте и спорости. Они были как-то стариннее и добротнее, чем наши, — в обычае, в повадке, в языке, — опрятней и красивей одеты,

своими мягкими кожаными бахилками¹, белыми, ладно увязанными онучами², чистыми портками и рубашками с красными, кумачовыми воротами и такими же ластовицами.

Неделю тому назад они косили в ближнем от нас лесу, и я видел, проезжая верхом, как они заходили на работу, пополудновавши: они пили из деревянных жбанов родниковую воду, — так долго, так сладко, как пьют только звери да хорошие, здоровые русские батраки, — потом крестились и бодро сбегались к месту с белыми, блестящими, наведёнными, как бритва, косами на плечах, на бегу вступали в ряд, косы пустили все враз, широко, играючи, и пошли, пошли вольной, ровной чередой. А на возвратном пути я видел их ужин. Они сидели на засвежевшей поляне возле потухшего костра, ложками таскали из чугуна куски чего-то розового.

Я сказал:

— Хлеб-соль, здравствуйте.

Они приветливо ответили:

— Доброго здоровья, милости просим!

Поляна спускалась к оврагу, открывая ещё светлый за зелёными деревьями запад. И вдруг, приглядевшись, я с ужасом увидел, что то, что ели они, были страшные своим дурманом грибы-мухоморы. А они только засмеялись:

— Ничего, они сладкие, чистая курятина!

Теперь они пели: «Ты прости, прощай, любезный друг!» — подвигались по берёзовому лесу, бездумно лишая его густых трав и цветов, и пели, сами не замечая того. И мы стояли и слушали их, чувствуя, что уже никогда не забыть нам этого предвечернего часа и никогда не понять, а главное, не высказать вполне, в чём такая дивная прелесть их песни.

¹ *Бахилы* — крестьянская обувь в виде кожаных или плетёных из бересты полусапожек, спереди стягивающиеся ремешками.

² *Онучи* — куски полотна, предназначавшиеся для обёртывания ног; обычно носились с лаптями.

Прелесть её была в откликах, в звучности берёзового леса. Прелесть её была в том, что никак не была она сама по себе: она была связана со всем, что видели, чувствовали и мы, и они, эти рязанские косцы. Прелесть была в том несознаваемом, но кровном родстве, которое было между ими и нами — и между ими, нами и этим хлебородным полем, что окружало нас, этим полевым воздухом, которым дышали и они, и мы с детства, этим предвечерним временем, этими облаками на уже розовеющем западе, этим свежим, молодым лесом, полным медвяных трав по пояс, диких несметных цветов и ягод, которые они поминутно срывали и ели, и этой большой дорогой, её простором и заповедной далью. Прелесть была в том, что все мы были дети своей родины и были все вместе и всем нам было хорошо, спокойно и любовно без ясного понимания своих чувств, ибо их и не надо, не должно понимать, когда они есть. И ещё в том была (уже совсем не сознаваемая нами тогда) прелесть, что эта родина, этот наш общий дом была — Россия, и что только её душа могла петь так, как пели косцы в этом откликающемся на каждый их вздох берёзовом лесу.

Прелесть была в том, что это было как будто и не пение, а именно только вздохи, подъёмы молодой, здоровой, певучей груди. Пела одна грудь, как когда-то пелись песни только в России и с той непосредственностью, с той несравненной лёгкостью, естественностью, которая была свойственна в песне только русскому. Чувствовалось — человек так свеж, крепок, так наивен в неведении своих сил и талантов и так полон песнью, что ему нужно только легонько вздыхать, чтобы отзывался весь лес на ту добрую и ласковую, а порой дерзкую и мощную звучность, которой наполняли его эти вздохи. Они подвигались, без малейшего усилия бросая вокруг себя косы, широкими полукругами обнажая перед собою поляны, окашивая, подбивая округ пней и кустов и без малейшего напряжения вздыхая, каждый по-своему, но в общем выражая одно, делая по наитию нечто единое, совершенно цельное, необыкновенно пре-

красное. И прекрасны совершенно особой, чисто русской красотой были те чувства, что рассказывали они своими вздохами и полусловами вместе с откликающейся далью, глубиной леса.

Конечно, они «прощались, расставались» и с «родимой сторонешкой», и со своим счастьем, и с надеждами, и с той, с кем это счастье соединялось:

Ты прости, прощай, любезный друг,
И родимая ах да прощай, сторонешка! —

говорили, вздыхали они каждый по-разному, с той или иной мерой грусти и любви, но с одинаковой беззаботно-безнадежной укоризной.

Ты прости, прощай, любезная, неверная моя,
По тебе ли сердце черней грязи сделалось! —

говорили они, по-разному жалуясь и тоскуя, по-разному ударяя на слова, и вдруг все разом сливались уже в совершенно согласном чувстве почти восторга перед своей гибелью, молодой дерзости перед судьбою и какого-то необыкновенного, всепрощающего великодушия, — точно встряхивали головами и кидали на весь лес:

Коль не любишь, не мил — Бог с тобою,
Коли лучше найдёшь — позабудешь! —

и по всему лесу откликалось на дружную силу, свободу и грудную звучность их голосов, замирало и опять, звучно гремя, подхватывало:

Ах, коли лучше найдёшь — позабудешь,
Коли хуже найдёшь — пожалеешь!

В чём ещё было очарование этой песни, её неизбывная радость при всей её будто бы безнадежности? В том, что человек всё-таки не верил, да и не мог верить, по своей силе и непочатости, в эту безнадежность. «Ах, да все пути мне, молодцу, заказаны!» — говорил он, сладко оплакивая себя. Но не плачут сладко и не поют своих скорбей те, которым и впрямь нет нигде ни

пути, ни дороги. «Ты прости, прощай, родимая сторо-нушка!» — говорил человек — и знал, что всё-таки нет ему подлинной разлуки с нею, с родиной, что, куда бы ни забросила его доля, всё будет над ним родное небо, а вокруг — беспредельная родная Русь, гибельная для него, балованного, разве только своей свободой, простором и сказочным богатством. «Закатилось солнце красное за тёмные леса, ах, все птишки приумолкли, все садились по местам!» Закатилось моё счастье, вздыхал он, тёмная ночь с её глушью обступает меня, — и всё-таки чувствовал: так кровно близок он с этой глушью, живой для него, девственной и преисполненной волшебными силами, что всюду есть у него приют, ночлег, есть чьё-то заступничество, чья-то добрая забота, чей-то голос, шепчущий: «Не тужи, утро вечера мудренее, для меня нет ничего невозможного, спи спокойно, дитятко!» — И из всяческих бед, по вере его, выручали его птицы и звери лесные, царевны прекрасные, премудрые и даже сама Баба-Яга, жалевшая его «по его младости». Были для него ковры-самолёты, шапки-невидимки, текли реки молочные, таились клады самоцветные, от всех смертных чар были ключи вечно живой воды, знал он молитвы и заклятия, чудодейные опять-таки по вере его, улетал из темниц, скинувшись ясным соколом, о сырую Землю-Мать ударившись, заступали его от лихих соседей и ворогов дебри дремучие, чёрные топи болотные, пески летучие — и прощал милосердный Бог за все посвисты удалые, ножи острые, горячие...

Ещё одно, говорю я, было в этой песне — это то, что хорошо знали и мы, и они, эти рязанские мужики, в глубине души, что бесконечно счастливы были мы в те дни, теперь уже бесконечно далекие — и невозвратимые. Ибо всему свой срок, — миновала и для нас сказка: отказались от нас наши древние заступники, разбежались рыскающие звери, разлетелись вещие птицы, свернулись самобраные скатерти, поруганы молитвы и заклятия, иссохла Мать-Сыра-Земля, иссякли животворные ключи — и настал конец, предел Божьему прощению.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ МОИХ РАССКАЗОВ

Из заметок И. А. Бунина

Когда мы с моим покойным братом Юлием возвращались из Саратова на волжском пароходе в Москву и стояли в Казани, грузчики, чем-то нагружавшие наш пароход, так восхитительно и дружно пели, что мы с братом были в полном восторге... и всё говорили: «Так... могут петь свободно, легко, всем существом только русские люди». Потом мы слышали, едучи на беговых дрожках с племянником и братом Юлием по большой дороге... как в берёзовом лесу рядом с большой дорогой пели косцы — с такой же свободой, лёгкостью и всем существом.

Написал я этот рассказ в Париже, в 1921 году, вспоминая Казань и этот берёзовый лес.

Размышляем о прочитанном

1. В чём была «дивная прелесть» и «очарование» песен косцов?
2. Что роднит стихотворения раздела о Родине и родной природе из первой части учебника с этим небольшим рассказом Бунина?
3. Впоследствии жена Бунина Вера Николаевна неоднократно рассказывала, что она многое почерпнула для себя из разговоров с писателем о деревне и её проблемах. Что вспоминает Бунин о деревне в рассказе «Косцы»?

Литература и изобразительное искусство

Рассмотрите репродукции картин художников Г. Мясоедова и А. Пластова в тексте и на форзаце учебника. Какая из репродукций ближе к тексту рассказа «Косцы»? Составьте по одной из них свой рассказ. Включите в подготовленное вами сообщение слова из рассказа «Косцы», например: *берёзовый лес, былинная свобода и беззаветность, родниковая вода, широко, играючи, дерзкая и мощная звучность, откликающаяся даль, глубина леса, всепрощающее великодушие* и т. д.

Совершенствуем свою речь

Подготовьте выразительное чтение и пересказ этого произведения, используя характерные для него слова и выражения.

Фонохрестоматия (« Слушаем актёрское чтение »)

И. А. Бунин. «Косцы»

1. Каким общим настроением окрашено всё произведение Ивана Алексеевича Бунина?
2. Как вы думаете, почему у писателя было особенно обострено чувство любви к Родине в тот период его жизни, когда был написан рассказ «Косцы»?
3. Как меняется интонация актёра, когда он читает описание внешности рязанских мужиков; когда он передает воспоминание автора о прелести их песни; когда звучат мысли И. А. Бунина о неизбывной, неиссякаемой любви к Родине?
4. В чём же была прелесть песни косцов? Попробуйте пересказать размышления автора об этом близко к тексту, используя те речевые обороты, повторы, риторические вопросы, которые использует автор.
5. Как вы думаете, почему в мыслях писателя о Родине воедино сливаются песни, сказки, предания, животворные ключи, дремучие леса, высокие травы?
6. Напишите небольшое сочинение о том, что для вас значит мир сказки с его необыкновенными приключениями, храбрыми и мудрыми героями, коварными колдунами, чудесными помощниками, дремучими лесами, высокими горами, синими морями, травами-муравами.

Обогащаем свою речь

Сопоставьте слова синонимических рядов из рассказа «Косцы». Какие из них вы предпочли бы использовать в своей речи и почему? Например:

Прелесть — красота... —

Продолжите этот ряд, придумайте собственные предложения со словами этого ряда.

Владимир Галактионович КОРОЛЕНКО

1853—1921

...Через все произведения Короленко — большие и малые... проходит вера в человека, вера в бессмертие, непобедимое и побеждающее благородство его натуры и разума.

А. Платонов

Владимир Галактионович Короленко родился в Житомире в семье уездного судьи, известного кристальной честностью. Матери своей будущий писатель обязан впечатлительностью и религиозными чувствами. Детство прошло в Житомире и Ровно. В семье мирно уживались две религии, две национальности и три языка. Дети знали русский, польский и украинский языки, посещали православный и католический храмы, часто затруднялись с ответом на вопрос о национальности. Окончив гимназию с серебряной медалью, Короленко приехал в Петербург и подал прошение о приёме в Технологический институт. Нужда заставляла перебиваться случайными заработками: рисованием географических карт, раскрашиванием ботанических атласов, корректурой и переводами. Материальные трудности вынудили его перебраться в Москву, где он был принят на первый курс лесного отделения Петровской академии. В 1878 году состоялась первая публикация заметки «Драка у Апраксина двора».

Современники не раз отмечали уникальность личности Короленко, называя его «нравственным гением», праведником русской литературы.

Проверьте себя

1. Почему дети в семье Короленко затруднялись ответить на вопрос о национальности?

2. Расскажите о Короленко, подчеркнув уникальность личности писателя, о которой говорили его современники.

В дурном обществе¹

1. Развалины

Мать моя умерла, когда мне было шесть лет. Отец, весь отдавшись своему горю, как будто совсем забыл о моём существовании. Порой он ласкал мою маленькую сестру Соню и по-своему заботился о ней, потому что в ней были черты матери. Я же рос, как дикое деревцо в поле, — никто не окружал меня особенною заботливостью, но никто и не стеснял моей свободы.

Местечко, где мы жили, называлось Княжье-Вено или, проще, Княж-городок...

Если вы подъезжаете к местечку с востока, вам прежде всего бросается в глаза тюрьма, лучшее архитектурное украшение города. Самый город раскинулся внизу, над сонными, заплесневевшими прудами. Серые заборы, пустыри с кучами всякого хлама понемногу перемежаются с подслеповатыми, ушедшими в землю хатками. Деревянный мост, перекинутый через узкую речушку, крихтит, вздрагивая под колёсами, и шатается, точно дряхлый старик. Вонь, грязь, кучи ребят, ползающих в уличной пыли. Но вот ещё минута — и вы уже за городом. Тихо шепчутся берёзы над могилами кладбища, да ветер волнует хлеба на нивах и звенит унылою, бесконечною песней в проволоках придорожного телеграфа.

С севера и юга городок ограждался широкими водяными гладами и топями. Пруды год от году мелели, зарастали зеленью, и высокие, густые камыши волновались, как море, на громадных болотах. Посредине одного из прудов находится остров. На острове — старый, полуразрушенный замок. О нем ходили предания и рассказы один другого страшнее.

¹ Произведение публикуется в адаптированном (сокращённом) варианте.

В западной стороне, на горе, среди истлевших крестов и провалившихся могил, стояла давно заброшенная часовня. У неё кое-где провалилась крыша, стены осыпались, и вместо гулко-го медного колокола совы заводи-ли в ней по ночам свои зловещие песни.

Было время, когда старый замок служил даровым убежищем всякому бедняку без малейших ограничений... Все эти бедняки терзали внутренности дряхлого здания, обламывая потолки и полы, топили печи, что-то варили и чем-то питались — вообще как-то поддерживали своё существование.

Однако настали дни, когда среди этого общества, ютившегося под кровом седых развалин, пошли раздоры. Старый Януш, бывший некогда одним из мелких графских служащих, выхлопотал себе нечто вроде звания управляющего и приступил к преобразованиям... Януш оставил в замке преимущественно бывших слуг или потомков слуг графского рода.

Привлечённые шумом и криками, которые во время этой революции неслись с острова, я и несколько моих товарищей пробрались туда и, спрятавшись за толстыми стволами тополей, наблюдали, как Януш во главе целой армии красноносых старцев и безобразных старух гнал из замка последних подлежавших изгнанию жильцов. Наступал вечер. Туча, нависшая над высокими вершинами тополей, уже сыпала дождиком. Какие-то несчастные тёмные личности, запахиваясь изорванными до-нельзя лохмотьями, жалкие и сконфуженные, совались по острову, точно кроты, выгнанные из нор мальчиш-ками, стараясь вновь незаметно шмыгнуть в какое-ни-будь из отверстий замка. Но Януш и старые ведьмы с криком и ругательствами гоняли их отовсюду, угрожая кочергами и палками, а в стороне стоял молчаливый будочник¹, тоже с увесистой дубиной в руках.

...С того вечера и замок, и Януш явились передо мной в новом свете... Замок стал мне противен... Я не мог за-

¹ Будочник — полицейский.

быть холодной жестокости, с которой торжествующие жильцы замка гнали своих несчастных сожителей, а при воспоминании о тёмных личностях, оставшихся без крова, у меня сжималось сердце. Несчастные изгнанники нашли приют где-то на горе, около часовни, но как они ухитрились пристроиться там, никто не мог сказать в точности. Все видели только, что с той стороны, с гор и оврагов, окружавших часовню, спускались в город по утрам самые невероятные и подозрительные фигуры, которые в сумерки исчезали в том же направлении. Ходили слухи, что эти бедняки, окончательно лишённые всяких средств к жизни со времени изгнания из замка, составили дружное сообщество и занимались, между прочим, мелким воровством в городе и окрестностях.

Организатором и руководителем этого сообщества несчастливцев был пан Тыбурций Драб, самая замечательная личность из всех не ужившихся в старом замке.

...Наружность пана Тыбурция не имела в себе ничего аристократического¹. Роста он был высокого, крупные черты лица были грубовыразительны. Короткие, слегка рыжеватые волосы торчали врозь; низкий лоб, несколько выдававшаяся вперёд нижняя челюсть и сильная подвижность лица напоминали что-то обезьянье; но глаза, сверкавшие из-под нависших бровей, смотрели упорно и мрачно, и в них светились вместе с лукавством острая проницательность, энергия и ум. В то время как на его лице сменялся целый ряд гримас, эти глаза сохраняли постоянно одно выражение, отчего мне всегда было безотчётно жутко смотреть на кривлянье этого странного человека. Под ним как будто струилась глубокая постоянная печаль.

Никто не знал, откуда у пана Тыбурция явились дети: мальчик лет семи, но рослый и развитый не по летам, и маленькая трёхлетняя девочка.

Мальчик по имени Валек, высокий, тонкий, черноволосый, угрюмо шатался иногда по городу без особенно-

¹ *Аристократический* — здесь: свойственный аристократам (дворянской знати).

го дела, заложив руки в карманы и кидая по сторонам взгляды, смущавшие калачниц¹. Девочку видели только один или два раза на руках пана Тыбурция, а затем она куда-то исчезла, и где находилась — никому не было известно.

Поговаривали о каких-то подземельях на горе около часовни. Гора, изрытая могилами, пользовалась дурной славой. На старом кладбище в сырые осенние ночи загорались синие огни, а в часовне сычи кричали так пронзительно и звонко, что сжималось сердце...

II. Я и мой отец

С тех пор как умерла моя мать, а суровое лицо отца стало ещё угрюмее, меня очень редко видели дома. В последние летние вечера я прокрадывался по саду, как молодой волчонок, избегая встречи с отцом, отворял посредством особых приспособлений своё окно, полузакрытое густой зеленью сирени, и тихо ложился в постель. Если маленькая сестрёнка ещё не спала в своей качалке в соседней комнате, я подходил к ней, и мы тихо ласкали друг друга и играли, стараясь не разбудить ворчливую старую няньку.

А утром, чуть свет, когда в доме ещё спали, я уж прокладывал росистый след в густой, высокой траве сада, перелезал через забор и шёл к пруду, где меня ждали с удочками такие же сорванцы-товарищи, или к мельнице, где сонный мельник только что отодвинул плюзы² и вода, чутко вздрагивая на зеркальной поверхности, кидалась в лотки³ и бодро принималась за дневную работу...

Я шёл далее. Мне нравилось встречать пробуждение природы; я бывал рад, когда мне удавалось вспугнуть заспавшегося жаворонка или выгнать из борозды трусливого зайца. Капли росы падали с верхушек трясушки, с головок луговых цветов, когда я пробирался полями

¹ *Калачницы* — торговки калачами.

² *Шлюзы* — здесь: ворота в плотине для пропуска воды.

³ *Лоток* — лопасти мельничного колеса.

к загородной роще. Деревья встречали меня шёпотом ленивой дремоты.

Все меня звали бродягой, негодным мальчишкой и так часто укоряли в разных дурных наклонностях, что я наконец и сам проникся этим убеждением. Отец также поверил этому и делал иногда попытки заняться моим воспитанием, но попытки всегда кончались неудачей. При виде строгого и угрюмого лица, на котором лежала суровая печать неизлечимого горя, я робел и замыкался в себе. Я стоял перед ним, переминаясь, теребя свои штанишки, и озирался по сторонам. Временами что-то как будто подымалось у меня в груди, мне хотелось, чтоб он обнял меня, посадил к себе на колени и приласкал. Тогда я прильнул бы к его груди, и, быть может, мы вместе заплакали бы — ребёнок и суровый мужчина — о нашей общей утрате. Но он смотрел на меня отуманенными глазами, как будто поверх моей головы, и я весь сжимался под этим непонятным для меня взглядом.

— Ты помнишь матушку?

Помнил ли я её? О да, я помнил её! Я помнил, как, бывало, просыпаясь ночью, я искал в темноте её нежные руки и крепко прижимался к ним, покрывая их поцелуями. Я помнил её, когда она сидела больная перед открытым окном и грустно оглядывала чудную весеннюю картину, прощаясь с нею в последний год своей жизни.

И теперь часто, в глухую полночь, я просыпался, полный любви, которая теснилась в груди, переполняя детское сердце, просыпался с улыбкой счастья. И опять, как прежде, мне казалось, что она со мною, что я сейчас встречу её любящую, милую ласку.

Да, я помнил её!.. Но на вопрос высокого, угрюмого человека, в котором я желал, но не почувствовал родную душу, я съёживался ещё более и тихо выдёргивал из его руки свою ручонку.

И он отворачивался от меня с досадою и болью. Он чувствовал, что не имеет на меня ни малейшего влия-

ния, что между нами стоит какая-то стена. Он слишком любил её, когда она была жива, не замечая меня из-за своего счастья. Теперь меня закрывало от него тяжёлое горе.

И мало-помалу пропасть, нас разделявшая, становилась всё шире и глубже... Порой, спрятавшись в кустах, я наблюдал за ним; я видел, как он шагал по аллеям, всё ускоряя походку, и глухо стонал от нестерпимой душевной муки. Тогда моё сердце загоралось жалостью и сочувствием. Один раз, когда, сжав руками голову, он присел на скамейку и зарыдал, я не вытерпел и выбежал из кустов на дорожку, повинувшись пламенному желанию кинуться на шею отцу. Но, услышав мои шаги, он сурово взглянул на меня и осадил холодным вопросом:

— Что нужно?

Мне ничего не было нужно. Я быстро отвернулся, стыдясь своего порыва, боясь, чтобы отец не прочёл его в моём смущённом лице. Убежав в чащу сада, я упал лицом в траву и горько заплакал от досады и боли.

С шести лет я испытывал уже ужас одиночества.

Сестре Соне было четыре года. Я любил её страстно, и она платила мне такую же любовью; но установившийся взгляд на меня, как на отпетого маленького разбойника, воздвиг и между нами высокую стену. Всякий раз, когда я начинал играть с нею, по-своему шумно и резво, старая нянька, вечно сонная и вечно дравшая, с закрытыми глазами, куриные перья для подушек, немедленно просыпалась, быстро схватывала мою Соню и уносила к себе, кидая на меня сердитые взгляды; в таких случаях она всегда напоминала мне включенную наседку, себя я сравнивал с хищным коршуном, а Соню — с маленьким цыплёнком. Мне становилось очень горько и досадно. Немудрено поэтому, что скоро я прекратил всякие попытки занимать Соню моими преступными играми, а ещё через некоторое время мне стало тесно в доме и в садике, где я не встречал ни в ком привета и ласки. Я начал бродяжить.

Мне всё казалось, что где-то там, в этом большом и неведомом свете, за старую оградой сада, я найду что-то; казалось, что я что-то должен сделать и могу что-то сделать, но только не знал, что именно. Я притерпелся к упрекам и выносил их, как выносил внезапно налетавший дождь или солнечный зной. Я хмуро выслушивал замечания и поступал по-своему. Шатаясь по улицам, я всматривался детски-любопытными глазами в незатейливую жизнь городка с его лачугами, вслушивался в гул проволок на шоссе, стараясь уловить, как вести несутся по ним из далёких больших городов, или в шелест колосьев, или в шёпот ветра на высоких гайдамацких могилах...¹

Когда все углы города сделались мне известны до последних грязных закоулков, тогда я стал заглядываться на видневшуюся вдаль, на горе, часовню. Мне захотелось осмотреть её всю, заглянуть внутрь, чтобы убедиться, что и там нет ничего, кроме пыли. Но так как одному было бы и страшно, и неудобно предпринимать подобную экскурсию, то я собрал на улицах города небольшой отряд из трёх сорванцов, привлечённых обещанием булок и яблоков из нашего сада.

III. Я приобретаю новое знакомство

Мы вышли в экскурсию после обеда. Солнце начало склоняться к закату. Косые лучи мягко золотили зелёную мураву старого кладбища, играли на старых, покосившихся крестах, переливались в уцелевших окнах часовни. Было тихо, веяло спокойствием и глубоким миром брошенного кладбища.

Мы были одни; только воробьи возились кругом да ласточки бесшумно влетали и вылетали в окна старой часовни, которая стояла, грустно понурясь, среди поросших травой могил, скромных крестов, полуразвалившихся каменных гробниц, на развалинах которых

¹ *Гайдамацкие могилы* — могилы украинских казаков, участников восстания против польских помещиков.

стлалась густая зелень, пестрели разноцветные головки лютиков, кашки, фиалок.

Дверь часовни была крепко заколочена, окна — высоко над землею; однако при помощи товарищей я надеялся взобраться на них и заглянуть внутрь часовни.

— Не надо! — вскрикнул один из моих спутников, вдруг потерявший всю свою храбрость, и схватил меня за руку.

— Пошёл ко всем чертям, баба! — прикрикнул на него старший из нашей маленькой армии, с готовностью подставляя спину.

Я храбро взобрался на неё, потом он выпрямился, и я стал на его плечи. В таком положении я без труда достал рукой раму и, убедясь в её крепости, поднялся к окну и сел на него.

— Ну, что же там? — спрашивали меня снизу с живым интересом.

Я молчал. Перегнувшись через косяк, я заглянул внутрь часовни. Внутренность высокого узкого здания была лишена всяких украшений. Лучи вечернего солнца, свободно врываясь в открытые окна, разрисовали ярким золотом старые, ободранные стены. Углы были затканы паутиной. От окна до пола казалось гораздо дальше, чем до травы снаружи. Я смотрел точно в глубокую яму и сначала не мог разглядеть каких-то предметов, еле выделявшихся на полу странными очертаниями.

Между тем моим товарищам надоело стоять внизу, ожидая от меня известий, и потому один из них, проделав то же, что и я раньше, повис рядом со мною, держась за оконную раму.

— Что там такое? — с любопытством указал он на тёмный предмет, видневшийся рядом с престолом¹.

— Поповская шапка.

— Нет, ведро.

— Зачем же тут ведро?

¹ Престо́л — высокий стол, стоящий в передней части церковного алтаря.

— Может быть, в нём когда-то были угли для кадила¹.

— Нет, это действительно шапка. Впрочем, можно посмотреть. Давай привяжем к раме пояс, и ты по нём спустишься.

— Да, как же, так и спущусь!.. Полезай сам, если хочешь.

— Ну, что ж! Думаешь, не полезу?

— И полезай!

Действуя по первому побуждению, я крепко связал два ремня, задел их за раму и, отдав один конец товарищу, сам повис на другом. Когда моя нога коснулась пола, я вздрогнул; но взгляд на участливо склонившуюся ко мне рожицу моего приятеля восстановил мою бодрость. Стук каблука зазвенел под потолком, отдался в пустоте часовни, в её тёмных углах. Несколько воробьёв вспорхнули с насиженных мест на хорах² и вылетели в большую прореху в крыше.

Мне было жутко; глаза моего друга сверкали захватывающими дух любопытством и участием.

— Ты подойдёшь? — спросил он тихо.

— Подойду, — ответил я так же, собираясь с духом. Но в эту минуту случилось нечто совершенно неожиданное.

Сначала послышался стук и шум обвалившейся на хорах штукатурки. Что-то завозилось вверху, трянуло в воздухе тучею пыли, и большая серая масса, взмахнув крыльями, поднялась к прорехе в крыше. Часовня на мгновение как будто потемнела. Огромная старая сова, обеспокоенная нашей вознёй, вылетела из тёмного угла, мелькнула на фоне голубого неба в пролёте и шархнулась вон.

Я почувствовал прилив судорожного страха.

— Подымай! — крикнул я товарищу, схватившись за ремень.

¹ *Кади́ло* — сосуд на цепочках, в который кладут на горячие угли душистую смолу; кадило употребляется во время богослужения.

² *Хо́ры* — галерея или балкон внутри церкви.

— Не бойся, не бойся! — успокаивал он, приготовляясь поднять меня на свет дня и солнца.

Но вдруг лицо его исказилось от страха; он вскрикнул и мгновенно исчез, спрыгнув с окна. Я инстинктивно¹ оглянулся и увидел странное явление, поразившее меня, впрочем, больше удивлением, чем ужасом.

Тёмный предмет нашего спора, шапка или ведро, оказавшийся в конце концов горшком, мелькнул в воздухе и на глазах моих скрылся под престолом. Я успел только разглядеть очертания небольшой, как будто детской руки.

Трудно передать мои ощущения в эту минуту. Чувство, которое я испытывал, нельзя даже назвать страхом. Откуда-то, точно из другого мира, в течение нескольких секунд доносился до меня быстрою дробью тревожный топот трёх пар детских ног. Но вскоре затих и он. Я был один, точно в гробу, в виду каких-то странных и необъяснимых явлений.

Времени для меня не существовало, поэтому я не мог сказать, скоро ли услышал я под престолом сдержанный шёпот:

— Почему же он не лезет назад?

— Видишь, испугался.

Первый голос показался мне совсем детским; второй мог принадлежать мальчику моего возраста. Мне показалось также, что в щели старого престола сверкнула пара чёрных глаз.

— Что же он теперь будет делать? — слышался опять шёпот.

— А вот погоди, — ответил голос постарше.

Под престолом что-то сильно завожилось, он даже как будто покачнулся, и в то же мгновение из-под него вынырнула фигура.

Это был мальчик лет девяти, больше меня, худощавый и тонкий, как тростинка. Одет он был в грязной рубашонке, руки держал в карманах узких и коротких

¹ Инстинктивно — произвольно.

штанишек. Тёмные курчавые волосы лохматились над чёрными задумчивыми глазами.

Хоть незнакомец, явившийся на сцену столь неожиданным и странным образом, подходил ко мне с тем беспечно-задорным видом, с каким всегда на нашем базаре подходили друг к другу мальчишки, готовые вступить в драку, но всё же, увидев его, я сильно ободрился. Я ободрился ещё более, когда из-под того же престола, или, вернее, из люка в полу часовни, который он покрывал, сзади мальчика показалось ещё грязное личико, обрамлённое белокурыми волосами и сверкавшее на меня детски-любопытными голубыми глазами.

Я несколько отодвинулся от стены и тоже положил руки в карманы. Это было признаком, что я не боюсь противника и даже отчасти намекаю на моё к нему презрение.

Мы стали друг против друга и обменялись взглядами. Оглядев меня с головы до ног, мальчишка спросил:

— Ты здесь зачем?

— Так, — ответил я. — Тебе какое дело?

Мой противник повёл плечом, как будто намереваясь вынуть руку из кармана и ударить меня.

Я не моргнул и глазом.

— Я вот тебе покажу! — погрозил он.

Я выпятился грудью вперёд.

— Ну, ударь... попробуй!..

«В дурном обществе».
Валек и Маруся.
Худ. Г. Фитингоф

Мгновение было критическое; от него зависел характер дальнейших отношений. Я ждал, но мой противник, окинув меня тем же испытующим взглядом, не шевелился.

— Я, брат, и сам... тоже... — сказал я, но уже более миролюбиво.

Между тем девочка, упёршись маленькими ручонками в пол часовни, старалась тоже выкарабкаться из люка. Она падала, вновь приподымалась и наконец направила нетвёрдыми шагами к мальчишке. Подойдя вплоть, она крепко ухватила за него и, прижавшись к нему, поглядела на меня удивлённым и отчасти испуганным взглядом.

Это решило исход дела; стало совершенно ясно, что в таком положении мальчишка не мог драться, а я, конечно, был слишком великодушен, чтобы воспользоваться его неудобным положением.

— Как твоё имя? — спросил мальчик, глядя рукой белокурую головку девочки.

— Вася. А ты кто такой?

— Я Валеку... Я тебя знаю: ты живёшь в саду над прудом. У вас большие яблоки.

— Да, это правда, яблоки у нас хорошие... Не хочешь ли?

Вынув из кармана два яблока, назначавшиеся для расплаты с моею постыдно бежавшей армией, я подал одно из них Валеку, другое протянул девочке. Но она скрыла своё лицо, прижавшись к Валеку.

— Боится, — сказал тот и сам передал яблоко девочке.

— Зачем ты влез сюда? Разве я когда-нибудь лазал в ваш сад? — спросил он затем.

— Что ж, приходи! Я буду рад, — ответил я радушно. Ответ этот озадачил Валеку; он призадумался.

— Я тебе не компания, — сказал он грустно.

— Отчего же? — спросил я, искренне огорчённый грустным тоном, каким были сказаны эти слова.

— Твой отец — пан судья.

— Ну так что же? — изумился я чистосердечно. — Ведь ты будешь играть со мной, а не с отцом.

Валек покачал головой.

— Тыбурций не пустит, — сказал он, и, как будто это имя напомнило ему что-то, он вдруг спохватился: — Послушай... ты, кажется, славный хлопец, но всё-таки тебе лучше уйти. Если Тыбурций тебя застанет, будет плохо.

Я согласился, что мне действительно пора уходить.

— Как же мне отсюда выйти?

— Я тебе укажу дорогу. Мы выйдем вместе.

— А она? — ткнул я пальцем в нашу маленькую даму.

— Маруся? Она тоже пойдёт с нами.

— Как, в окно?

Валек задумался.

— Нет, вот что: я тебе помогу взобраться на окно, а мы выйдем другим ходом.

С помощью моего нового приятеля я поднялся к окну. Отвязав ремень, я обвил его вокруг рамы и, держась за оба конца, повис в воздухе. Затем, опустив один конец, я спрыгнул на землю и выдернул ремень. Валек и Маруся ждали меня уже под стеной снаружи.

Солнце недавно ещё село за гору. Город утонул в лилово-туманной тени, и только верхушки высоких тополей на острове резко выделялись червонным золотом, разрисованные последними лучами заката.

— Как хорошо! — сказал я, охваченный свежестью наступающего вечера и вдыхая полной грудью влажную прохладу.

— Скучно здесь... — с грустью произнёс Валек.

— Вы все здесь живёте? — спросил я, когда мы вторым стали спускаться с горы.

— Здесь.

— Где же ваш дом?

Я не мог себе представить, чтобы дети могли жить без «дома».

Валек усмехнулся с обычным грустным видом и ничего не ответил.

Пройдя меж камышей по высохшему болоту и переправившись через ручеек по тонким дощечкам, мы очутились у подножия горы, на равнине.

Тут надо было расстаться. Пожав руку моему новому знакомому, я протянул её также и девочке. Она ласково подала мне свою крохотную ручонку и, глядя снизу вверх голубыми глазами, спросила:

— Ты придёшь к нам опять?

— Приду, — ответил я, — непременно!..

— Что же, — сказал в раздумье Валек, — приходи, пожалуй, только в такое время, когда наши будут в городе.

— Хорошо. Я посмотрю, когда они будут в городе, и тогда приду. А пока прощайте!

— Эй, послушай-ка! — крикнул мне Валек, когда я отошёл на несколько шагов. — А ты болтать не будешь о том, что был у нас?

— Никому не скажу, — ответил я твёрдо.

— Ну вот, это хорошо! А этим твоим дуракам, когда станут приставать, скажи, что видел чёрта.

— Ладно, скажу.

— Ну, прощай.

— Прощай.

Густые сумерки залегли над Княжьим-Веном, когда я приблизился к забору своего сада. Над замком зарисовался тонкий серп луны, загорелись звёзды. Я хотел уже подняться на забор, как кто-то схватил меня за руку.

— Вася, друг! — заговорил взволнованным шёпотом мой бежавший товарищ. — Как же это ты?.. Голубчик!..

— А вот, как видишь... А вы все меня бросили!..

Он потупился, но любопытство взяло верх над чувством стыда, и он спросил опять:

— Что же там было?

— Что! — ответил я тоном, не допускавшим сомнения. — Разумеется, черти... А вы — трусы.

И, отмахнувшись от сконфуженного товарища, я полез на забор.

IV. Знакомство продолжается

С этих пор я весь был поглощён моим новым знакомством. Вечером, ложась в постель, и утром, вставая, я только и думал о предстоящем визите¹ на гору. По улицам города я шатался теперь с исключительной целью — высмотреть, тут ли находится вся компания, которую Януш характеризовал словами «дурное общество»; и, если тёмные личности шныряли по базару, я тотчас же бегом отправлялся через болото, на гору, к часовне, предварительно наполнив карманы яблоками, которые мог рвать в саду без запрета, и лакомствами, которые я сберегал всегда для своих новых друзей.

Валек, вообще очень солидный и внушавший мне уважение своими манерами взрослого человека, принимал эти приношения просто и по большей части откладывал куда-нибудь, приберегая для сестры, но Маруся всякий раз всплескивала ручонками, и глаза её загорались огоньком восторга; бледное лицо девочки вспыхивало румянцем, она смеялась, и этот смех нашей маленькой приятельницы отдавался в наших сердцах, вознаграждая за конфеты, которые мы жертвовали в её пользу.

Это было бледное, крошечное создание, напоминавшее цветок, выросший без лучей солнца. Несмотря на свои четыре года, она ходила ещё плохо, неуверенно ступая кривыми ножками и шатаясь, как былинка; руки её были тонки и прозрачны; головка покачивалась на тонкой шее, как головка полевого колокольчика; глаза смотрели порой так не по-детски грустно и улыбка так напоминала мне мою мать в последние дни, когда она, бывало, сидела против открытого окна и ветер шевелил её белокурые волосы, что мне становилось самому грустно и слёзы подступали к глазам.

Я невольно сравнивал её с моей сестрой; они были в одном возрасте, но моя Соня была кругла, как пышка, и упруга, как мячик. Она так резво бегала, когда, бы-

¹ Визит — посещение.

вало, разыграется, так звонко смеялась, на ней всегда были такие красивые платья, и в тёмные косы ей каждый день горничная вплетала алую ленту.

А моя маленькая приятельница почти никогда не бегала и смеялась очень редко; когда же смеялась, то смех её звучал, как самый маленький серебряный колокольчик, которого на десять шагов уже не слышно. Платье её было грязно и старо, в косе не было лент, но волосы у неё были гораздо больше и роскошнее, чем у Сони, и Валека, к моему удивлению, очень искусно умел заплетать их, что и исполнял каждое утро.

Я был большой сорванец. В первые же дни я внёс своё оживление и в общество моих новых знакомых. Едва ли эхо старой часовни повторяло когда-нибудь такие громкие крики, как в то время, когда я старался расшевелить и завлечь в свои игры Валека и Марусю. Однако это удавалось плохо. Валека серьёзно смотрел на меня и на девочку, и раз, когда я заставил её бегать со мной взапуски, он сказал:

— Нет, она сейчас заплачет.

Действительно, когда я растормошил её и заставил бежать, Маруся, слышав мои шаги, вдруг повернулась ко мне, подняв ручки над головой, точно для защиты, посмотрела на меня беспомощным взглядом захлопнутой пташки и громко заплакала.

Я совсем растерялся.

— Вот, видишь, — сказал Валека, — она не любит играть.

Он усадил её на траву, нарвал цветов и кинул ей; она перестала плакать и тихо перебирала растения, что-то говорила, обращаясь к золотистым лютикам, и подносила к губам синие колокольчики. Я тоже присмирел и лёг рядом с Валеком около девочки.

— Отчего она такая? — спросил я наконец, указывая глазами на Марусю.

— Невесёлая? — переспросил Валека и затем сказал тоном совершенно убеждённого человека: — А это, видишь ли, от серого камня.

— Да-а, — повторила девочка, точно слабое эхо, — это от серого камня.

— Серый камень высосал из неё жизнь, — пояснил опять Валек, по-прежнему смотря на небо. — Так говорит Тыбурций... Тыбурций хорошо знает.

— Да-а, — опять повторила тихим эхом девочка, — Тыбурций всё знает.

Я ничего не понимал в этих загадочных словах, убеждение Валека, что Тыбурций всё знает, произвело и на меня своё действие. Я приподнялся на локте и взглянул на Марусю. Она сидела в том же положении, в каком усадил её Валек, и всё так же перебирала цветы; движения её тонких рук были медленны; глаза выделялись глубокою синевой на бледном лице; длинные ресницы были опущены. При взгляде на эту крохотную грустную фигурку мне стало ясно, что в словах Тыбурция, хотя я и не понимал их значения, заключается горькая правда. Несомненно, кто-то высасывает жизнь из этой странной девочки, которая плачет тогда, когда другие на её месте смеются. Но как же может сделать это серый камень?

Это было для меня загадкой, страшнее всех призраков старого замка. Что-то бесформенное, неумолимое, твёрдое и жёсткое, как камень, склонялось над маленькой головкой, высасывая из неё румянец, блеск глаз и живость движений. «Должно быть, это бывает по ночам», — думал я, и чувство щемящего до боли сожаления сжимало мне сердце.

Под влиянием этого чувства я тоже умерил свою резвость. Применяясь к тихой солидности нашей дамы, оба мы с Валеком, усадив её где-нибудь на траве, собирали для неё цветы, разноцветные камешки, ловили бабочек, иногда делали из кирпичей ловушки для воробьев. Иногда же, растянувшись около неё на траве, смотрели в небо, как плывут облака высоко над лохматою крышей старой часовни, рассказывали Марусе сказки или беседовали друг с другом.

Эти беседы с каждым днём всё больше закрепляли нашу дружбу с Валеком, которая росла, несмотря на

резкую противоположность наших характеров. Моей порывистой резвости он противопоставлял грустную солидность и внушал мне почтение независимым тоном, с каким отзывался о старших. Кроме того, он часто сообщал мне много нового, о чём я раньше и не думал.

Слыша, как он отзывался о Тыбурции, точно о товарище, я спросил:

— Тыбурций тебе отец?

— Должно быть, отец, — ответил он задумчиво.

— Он тебя любит?

— Да, любит, — сказал он уже гораздо увереннее. — Он постоянно обо мне заботится, и, знаешь, иногда он целует меня и плачет...

— И меня любит, и тоже плачет, — прибавила Маруся с выражением детской гордости.

— А меня отец не любит, — сказал я грустно. — Он никогда не целовал меня... Он нехороший.

— Неправда, неправда, — возразил Валек. — Ты не понимаешь. Тыбурций лучше знает. Он говорит, что судья — самый лучший человек в городе... Он засудил даже одного графа... А ведь графа засудить не шутка.

— Почему?

— Почему? — переспросил Валек, несколько озадаченный. — Потому что граф — не простой человек... Граф делает что хочет, и потом... у графа деньги; он дал бы другому судье денег, и тот бы его не засудил, а засудил бы бедного.

— Да, это правда. Я слышал, как граф кричал у нас в квартире: «Я вас всех могу купить и продать!»

— А судья что?

— А отец говорит ему: «Подите от меня вон!»

— Ну, вот, вот! И Тыбурций говорит, что он не побоится прогнать богатого, а когда к нему пришла старая Иваниха, с костылём, он велел принести ей стул. Вот он какой!

Всё это заставило меня глубоко задуматься. Валек указал мне моего отца с такой стороны, с какой мне

никогда не приходило в голову взглянуть на него: слова Валека задели в моём сердце струну сыновней гордости; мне было приятно слушать похвалы моему отцу, да ещё от имени Тыбурция, который «всё знает»; но вместе с тем дрогнула в моём сердце и нота щемящей любви, смешанной с горьким сознанием: никогда отец не любил и не полюбит меня так, как Тыбурций любит своих детей.

V. Среди «серых камней»

Прошло ещё несколько дней. Члены «дурного общества» перестали являться в город, и я напрасно шатался, скучая, по улицам, ожидая их появления, чтобы бежать на гору. Я совсем соскучился, так как не видеть Валека и Марусю стало уже для меня большим лишением. Но вот, когда я однажды шёл с опущенною головою по пыльной улице, Валека вдруг положил мне на плечо руку.

— Отчего ты перестал к нам ходить? — спросил он.

— Я боюсь... Ваших не видно в городе.

— А-а... Я думал, тебе наскучило.

— Нет, нет!.. Я, брат, сейчас побегу, — заторопился я, — даже и яблоки со мною.

При упоминании о яблоках Валека быстро повернулся ко мне, как будто хотел что-то сказать, но не сказал ничего, а только посмотрел на меня странным взглядом.

— Ничего, ничего, — отмахнулся он, видя, что я смотрю на него с ожиданием. — Ступай прямо на гору, а я тут зайду кое-куда — дело есть. Я тебя догоню на дороге.

Я пошёл тихо и часто оглядывался, ожидая, что Валека меня догонит; однако я успел взойти на гору и подошёл к часовне, а его всё не было. Я остановился в недоумении: передо мной было только кладбище, пустынное и тихое.

Я оглянулся кругом. Куда же мне теперь идти? Очевидно, надо дожидаться Валека. А пока я стал ходить

между могилами, присматриваясь к ним от нечего делать и стараясь разобрать стёртые надписи на обросших мхом надгробных камнях. Шатаясь таким образом от могилы к могиле, я наткнулся на полуразрушенный склеп¹. Крыша его была сброшена или сорвана непогодой и валялась тут же. Дверь была заколочена. Из любопытства я приставил к стене старый крест и, взобравшись по нём, заглянул внутрь. Гробница была пуста, только в середине пола была вделана оконная рама со стёклами, и сквозь эти стёкла зияла тёмная пустота подземелья.

Пока я рассматривал гробницу, удивляясь странно-му назначению окна, на гору вбежал запыхавшийся и усталый Валек. В руках у него была большая булка, за паухой что-то оттопырилось, по лицу стекали капли пота.

— Ага! — крикнул он, заметив меня. — Ты вот где... Если бы Тыбурций тебя здесь увидел, то-то бы рассердился! Ну, да теперь уж делать нечего... Я знаю, ты хлопец хороший и никому не расскажешь, как мы живём. Пойдём к нам!

— Где же это, далеко? — спросил я.

— А вот увидишь. Ступай за мной.

Он раздвинул кусты жимолости и сирени и скрылся в зелени под стеной часовни; я последовал туда за ним. Между стволами черёмухи я увидел в земле довольно большое отверстие с земляными ступенями, ведущими вниз. Валек спустился туда, приглашая меня за собой, и через несколько секунд мы оба очутились в темноте, под землёй. Взяв мою руку, Валек повел меня по какому-то узкому сырому коридору, и, круто повернув вправо, мы вдруг вошли в просторное подземелье.

Я остановился у входа, поражённый невиданным зрелищем. Две струи света резко лились сверху, выделяясь полосами на тёмном фоне подземелья; свет этот прохо-

¹ Склеп — гробница.

дил в два окна, одно из которых я видел в полу sklepa, другое, подальше, очевидно, было пристроено таким же образом; стены были сложены из камня. Большие, широкие колонны массивно вздымались снизу и, раскинув во все стороны свои каменные дуги, крепко смыкались кверху сводчатым потолком.

Под окном сидела с кучкой цветов, перебирая их, по своему обыкновению, Маруся. Струя света падала на её белокурую голову, заливая её всю, но, несмотря на это, она как-то слабо выделялась на фоне серого камня странным и маленьким туманным пятнышком, которое, казалось, вот-вот расплывётся и исчезнет. Когда там, наверху, над землёй, пробегали облака, затеняя солнечный свет, стены подземелья тонули совсем в темноте, а потом опять выступали жёсткими холодными камнями, смыкаясь крепкими объятиями над крохотною фигуркой девочки. Я поневоле вспомнил слова Валека о «сером камне», высасывавшем из Маруси её веселье.

— Валеk! — тихо обрадовалась Маруся, увидев брата.

Когда же она заметила меня, в её глазах блеснула живая искорка.

Я отдал ей яблоки, а Валеk, разломив булку, часть подал ей. Я переминался и ёжился, чувствуя себя как будто связанным под гнетущими взглядами серого камня.

— Уйдём... уйдём отсюда, — дёрнул я Валека. — Уведи её...

И мы втроём поднялись из подземелья. Валеk был грустнее и молчаливее обыкновенного.

— Ты в городе остался затем, чтобы купить булок? — спросил я у него.

— Купить? — усмехнулся Валеk. — Откуда же у меня деньги?

— Ты, значит, украл?..

— Ну да!

— Воровать нехорошо, — проговорил я затем в грустном раздумье.

— Наши все ушли... Маруся плакала, потому что она была голодна.

— Да, голодна! — с жалобным простодушием повторила девочка.

Я не знал ещё, что такое голод, но при последних словах девочки у меня что-то повернулось в груди, и я посмотрел на своих друзей, точно увидел их впервые. Валек по-прежнему лежал на траве и задумчиво следил за парившим в небе ястребом. А при взгляде на Марусю, державшую обеими руками кусок булки, у меня заныло сердце.

— Почему же, — спросил я с усилием, — почему ты не сказал об этом мне?

— Я и хотел сказать, а потом раздумал: ведь у тебя своих денег нет.

— Ну так что же? Я взял бы булок из дому.

— Как, потихоньку?

— Д-да.

— Значит, и ты бы тоже украл.

— Я... у своего отца.

— Это ещё хуже! — с уверенностью сказал Валек. — Я никогда не ворую у своего отца.

— Ну, так я попросил бы... Мне бы дали.

— Ну, может быть, и дали бы один раз — где же заpastись на всех нищих?

— А вы разве... нищие? — спросил я упавшим голосом.

— Нищие! — угрюмо отрезал Валек.

Я замолчал и через несколько минут стал прощаться.

— Ты уже уходишь? — спросил Валек.

— Да, уйду.

Я уходил потому, что не мог уже в этот день играть с моими друзьями по-прежнему, безмятежно. Хотя любовь моя к Валеку и Марусе не стала слабее, но к ней примешалась острая струя сожаления, доходившая до сердечной боли. Дома я рано лёг в постель. Уткнувшись в подушку, я горько плакал, пока крепкий сон не прогнал своим веянием моего глубокого горя.

VI. На сцену является пан Тыбурций

— Здравствуй! А уж я думал, ты не придёшь более, — так встретил меня Валек, когда я на следующий день опять явился на гору.

Я понял, почему он сказал это.

— Нет, я... я всегда буду ходить к вам, — ответил я решительно, чтобы раз и навсегда покончить с этим вопросом.

Валек заметно повеселел, и оба мы почувствовали себя свободнее.

Около полудня небо насупилось, надвинулась тёмная туча, и под весёлые раскаты грома зашумел ливень. Сначала мне очень не хотелось спускаться в подземелье, но потом, подумав, что ведь Валек и Маруся живут там постоянно, я победил неприятное ощущение и пошёл туда вместе с ними. В подземелье было темно и тихо, но сверху слышно было, как перекачивался гулкий грохот грозы, точно кто ездил там в громадной телеге по мостовой. Через несколько минут я освоился с подземельем, и мы весело прислушивались, как земля принимала широкие потоки ливня.

— Давайте играть в жмурки, — предложил я.

Мне завязали глаза; Маруся звенела слабыми переливами своего жалкого смеха и плёпала по каменному полу непроворными ножонками, а я делал вид, что не могу поймать её, как вдруг наткнулся на чью-то мокрую фигуру и в ту же минуту почувствовал, что кто-то схватил меня за ногу. Сильная рука приподняла меня с полу, и я повис в воздухе вниз головой. Повязка с глаз моих спала.

Тыбурций, мокрый и сердитый, страшнее ещё оттого, что я глядел на него снизу, держал меня за ногу и дико вращал зрачками.

— Это что ещё, а? — строго спрашивал он, глядя на Валека. — Вы тут, я вижу, весело проводите время... Завели приятную компанию.

— Пустите меня! — сказал я, удивляясь, что и в таком необычном положении я всё-таки могу говорить,

но рука пана Тыбурция только ещё сильнее сжала мою ногу.

Пан Тыбурций приподнял меня и взглянул в лицо.

— Эге-ге! Пан судья, если меня не обманывают глаза... Зачем это изволили пожаловать?

— Пусти! — проговорил я упрямо. — Сейчас отпусти! — И при этом я сделал инстинктивное движение, как бы собираясь топнуть ногой, но от этого весь только забился в воздухе.

Тыбурций захохотал.

— Ого-го! Пан судья изволит сердиться... Ну, да ты меня ещё не знаешь. Я — Тыбурций. Я вот повешу тебя над огоньком и зажарю, как поросёнка.

Отчаянный вид Валека как бы подтверждал мысль о возможности такого печального исхода. К счастью, на выручку подросла Маруся.

— Не бойся, Вася, не бойся! — ободряла она меня, подойдя к самым ногам Тыбурция. — Он никогда не жарит мальчиков на огне... Это неправда!

Тыбурций быстрым движением повернул меня и поставил на ноги; при этом я чуть не упал, так как у меня закружилась голова, но он поддержал меня рукой и затем, сев на деревянный обрубок, поставил меня между колен.

— И как это ты сюда попал? — продолжал он допрашивать. — Давно ли?.. Говори ты! — обратился он к Валеку, так как я ничего не ответил.

— Давно, — ответил тот.

— А как давно?

— Дней шесть.

Казалось, этот ответ доставил пану Тыбурцию некоторое удовлетворение.

— Ого, шесть дней! — заговорил он, поворачивая меня лицом к себе. — Шесть дней — много времени. И ты до сих пор никому ещё не разболтал, куда ходишь?

— Никому.

— Правда?

— Никому, — повторил я.

— Похвально!.. Можно рассчитывать, что не разболтаешь и впредь. Впрочем, я и всегда считал тебя порядочным малым, встречая на улицах. Настоящий «уличник», хоть и «судья»... А нас судить будешь, скажи-ка?

Он говорил довольно добродушно, но всё-таки я чувствовал себя глубоко оскорблённым и потому ответил сердито:

— Я вовсе не судья. Я — Вася.

— Одно другому не мешает: и Вася тоже может быть судьёй, — не теперь, так после... Твой отец меня судит, — ну и ты когда-нибудь будешь судить... вот его!

— Не буду судить Валека, — возразил я угрюмо. — Неправда!

— Он не будет, — вступилась и Маруся, с полным убеждением отстраняя от меня ужасное подозрение.

Девочка доверчиво прижалась к ногам этого уродца, а он ласково гладил жилистой рукой её белокурые волосы.

— Ну, этого ты впредь не говори, — сказал странный человек задумчиво, обращаясь ко мне таким тоном, точно он говорил со взрослым. — Каждый идёт своей дорожкой, и кто знает... может быть, это и хорошо, что твоя дорога пролегла через нашу. Для тебя хорошо, потому что лучше иметь в груди кусочек человеческого сердца вместо холодного камня, — понимаешь?..

Я не понимал ничего, но всё же впился глазами в лицо странного человека; глаза пана Тыбурция пристально смотрели в мои.

— Запомни хорошенько вот что: если ты проболтаешься своему судье или хоть птице, которая пролетит мимо тебя в поле, о том, что ты здесь видел, то не будь я Тыбурций Драб, если я тебя не повешу вот в этом камине за ноги и не сделаю из тебя копчёного окорока.

— Я не скажу никому... я... Можно мне опять прийти?

— Приходи, разрешаю... под условием... Впрочем, я уже сказал тебе насчёт окорока. Помни!..

Он отпустил меня и сам растянулся с усталым видом на длинной лавке, стоявшей около стенки.

— Возьми вон там, — указал он Валеку на большую корзину, которую, войдя, оставил у порога, — да разведи огонь. Мы будем сегодня варить обед.

Теперь это был уже не тот человек, что за минуту пугал меня, вращая зрачками. Он распоряжался, как хозяин и глава семейства, вернувшийся с работы и отдающий приказания домочадцам¹.

Мы с Валеком живо принялись за работу. Затем Валек уже одним умелыми руками принялся за стряпню. Через полчаса закипело в горшке какое-то варево, а в ожидании, пока оно поспеет, Валек поставил на трёхногий столик сковороду, на которой дымились куски жареного мяса.

Тыбурций поднялся.

— Готово? — сказал он. — Ну, и отлично. Садись, малый, с нами: ты заработал свой обед...

Марусю Тыбурций держал на руках. Она и Валек ели с жадностью, которая ясно показывала, что мясное блюдо было для них невиданной роскошью; Маруся облизывала даже свои засаленные пальцы. Тыбурций ел с расстановкой, повинуюсь неодолимой потребности говорить. Из странной и запутанной речи я понял только, что способ приобретения был не совсем обыкновенный, и не удержался, чтоб не вставить вопроса:

— Вы это взяли... сами?

— Малый не лишён проницательности, — продолжал Тыбурций. — Впрочем, — повернулся он вдруг ко мне, — ты всё-таки ещё глуп и многого не понимаешь. А вот она понимает: скажи, моя Маруся, хорошо ли сделал, что принёс тебе жаркое?

— Хорошо! — ответила девочка, слегка сверкнув бирюзовыми глазами. — Маня была голодна.

Под вечер этого дня я с отуманенною головою задумчиво возвращался к себе. В тёмной аллейке сада я нечаянно наткнулся на отца. Он, по обыкновению, угрюмо

¹ Домочадцы — члены семьи.

ходил взад и вперёд. Когда я очутился подле него, он взял меня за плечо.

— Откуда ты?

— Я... гулял...

Он внимательно посмотрел на меня, хотел что-то сказать, но, махнув рукой, зашагал по аллее.

Я солгал чуть ли не в первый раз в жизни.

Я всегда боялся отца, а теперь тем более. Теперь я носил в себе целый мир смутных вопросов и ощущений. Мог ли он понять меня? Я дрожал при мысли, что он узнает когда-либо о моём знакомстве с «дурным обществом», но изменить Валеку и Марусе я был не в состоянии. Если бы я изменил им, нарушив данное слово, то не мог бы при встрече поднять на них глаза от стыда.

VII. Осенью

Близилась осень. В поле шла жатва, листья на деревьях желтели. Вместе с тем наша Маруся начала прихварывать.

Она ни на что не жаловалась, только всё худела, лицо её всё бледнело, глаза потемнели, стали больше, веки приподнимались с трудом. Девочка большую часть времени проводила в постели, и мы с Валеком истощали все усилия, чтобы развлечь её и позабавить, чтобы вызвать тихие переливы её слабого смеха.

Теперь грустная улыбка Маруси стала мне почти так же дорога, как улыбка сестры; но тут никто не ставил мне вечно на вид мою испорченность, тут я был нужен — я чувствовал, что каждый раз моё появление вызывает румянец оживления на щеках девочки. Валек обнимал меня, как брата, и даже Тыбурций по временам смотрел на нас троих какими-то странными глазами, в которых что-то мерцало, точно слеза.

На время небо опять прояснилось; с него сбежали тучи, и над просыхающей землёй, в последний раз перед наступлением зимы, засияли солнечные дни. Мы каждый день выносили Марусю наверх, и здесь она как будто оживала; девочка смотрела вокруг широко

раскрытыми глазами, на щеках её загорался румянец; казалось, что ветер, обдававший её своими свежими взмахами, возвращал ей частицы жизни, похищенные серыми камнями подземелья. Но это продолжалось недолго...

Между тем над моей головой тоже стали собираться тучи. Однажды, когда я, по обыкновению, утром проходил по аллеям сада, я увидел в одной из них отца, а рядом старого Януша из замка. Старик подобострастно¹ кланялся и что-то говорил, а отец стоял с угрюмым видом, и на лбу его резко обозначалась складка нетерпеливого гнева. Наконец, он протянул руку, как бы отстраняя Януша с своей дороги, и сказал:

— Уходите! Вы просто старый сплетник!

Сердце моё дрогнуло предчувствием. Я понял, что подслушанный мною разговор относится к моим друзьям и, быть может, также ко мне. Тыбурций, которому я рассказал об этом случае, скорчил ужасную гримасу.

— У-уф, малый, какая это неприятная новость!.. О проклятая старая гиена!

— Отец его прогнал, — заметил я в виде утешения.

— Твой отец, малый, самый лучший из всех судей на свете. Он не считает нужным травить старого беззубого зверя в его последней берлоге... Но, малый, как бы тебе объяснить это? Твой отец служит господину, которому имя — закон. У него есть глаза и сердце только до тех пор, пока закон спит себе на полках; когда же этот господин сойдёт оттуда и скажет твоему отцу: «А ну-ка, судья, не взяться ли нам за Тыбурция Драба или как там его зовут?» С этого момента судья тотчас запирает своё сердце на ключ, и тогда у судьи такие твёрдые лапы, что скорее мир повернётся в другую сторону, чем пан Тыбурций вывернётся из его рук... Понимаешь ты, малый?.. Вся беда в том, что у меня с законом вышло когда-то давно уже некоторое столкновение... то есть,

¹ Подобостра́стно — угодливо, льстиво.

понимаешь, неожиданная ссора... ах, малый, очень это была крупная ссора!

С этими словами Тыбурций встал, взял в руки Марусю и, отойдя с нею в дальний угол, стал целовать её. А я остался на месте и долго стоял в одном положении под впечатлением странных речей странного человека.

VIII. Кукла

Ясные дни миновали, и Марусе опять стало хуже. На все наши ухищрения с целью занять её она смотрела равнодушно своими большими потемневшими и неподвижными глазами, и мы давно уже не слышали её смеха. Я стал носить в подземелье свои игрушки, но и они развлекали девочку только на короткое время. Тогда я решился обратиться к своей сестре Соне.

У Сони была большая кукла, с ярко раскрашенным лицом и роскошными льняными волосами, подарок покойной матери. На эту куклу я возлагал большие надежды и потому, отозвав сестру в боковую аллею сада, попросил дать мне её на время. Я так убедительно просил её об этом, так живо описал ей бедную, больную девочку, у которой никогда не было своих игрушек, что Соня, которая сначала только прижимала куклу к себе, отдала мне её и обещала в течение двух-трёх дней играть другими игрушками.

Действие этой нарядной барышни на нашу больную превзошло все мои ожидания. Маруся, которая увядала, как цветок осенью, казалось, опять ожила. Она так крепко меня обнимала, так звонко смеялась, разговаривая со своей новой знакомой... Маленькая кукла сделала почти чудо: Маруся, давно уже не сходявшая с постели, стала ходить, водя за собой свою белокурую дочку, и по временам даже бегала, по-прежнему шлёпая по полу слабыми ногами.

Зато мне эта кукла доставила очень много тревожных минут. Прежде всего, когда я нёс её за пазухой,

направляясь с нею на гору, в дороге мне попался старый Януш, который долго провожал меня глазами и качал головой. Потом дня через два старушка няня заметила пропажу и стала соваться по углам, везде разыскивая куклу. Соня старалась унять её, но своими наивными уверениями, что ей кукла не нужна, что кукла ушла гулять и скоро вернётся, только возбуждала подозрение, что тут не простая пропажа. Отец ничего ещё не знал, но к нему опять приходил Януш и был прогнан — на этот раз с ещё большим гневом; однако в тот же день отец остановил меня на пути к садовой калитке и велел остаться дома. На следующий день повторилось то же, и только через четыре дня я встал рано утром и махнул через забор, пока отец ещё спал.

На горе дела были плохи. Маруся опять слегла, и ей стало ещё хуже; лицо её горело странным румянцем, белокурые волосы раскидались по подушке; она никого не узнавала. Рядом с ней лежала злополучная кукла, с розовыми щеками и глупыми блестящими глазами.

Я сообщил Валеку свои опасения, и мы решили, что куклу необходимо унести обратно, тем более что Маруся этого и не заметит. Но мы ошиблись! Как только я вынул куклу из рук лежащей в забытьи девочки, она открыла глаза, посмотрела перед собой смутным взглядом, как будто не видя меня, не сознавая, что с ней происходит, и вдруг заплакала тихо-тихо, но вместе с тем так жалобно, и в исхудалом лице мелькнуло выражение такого глубокого горя, что я тотчас же с испугом положил куклу на прежнее место. Девочка улыбнулась, прижала куклу к себе и успокоилась. Я понял, что хотел лишить моего маленького друга первой и последней радости её недолгой жизни.

Валек робко посмотрел на меня.

— Как же теперь будет? — спросил он грустно.

Тыбурций, сидя на лавочке с печально понуренною головой, также смотрел на меня вопросительным

«В дурном обществе». Худ. Г. Фитингоф

взглядом. Поэтому я постарался придать себе вид по возможности беспечный и сказал:

— Ничего! Нянька, наверное, уже забыла.

Но старуха не забыла. Когда я на этот раз возвратился домой, у калитки мне опять попался Януш; Соню я застал с заплаканными глазами, а нянька кинула на меня сердитый, подавляющий взгляд и что-то ворчала беззубым, шамкающим ртом.

Отец спросил у меня, куда я ходил, и, выслушав внимательно обычный ответ, ограничился тем, что повторил мне приказ ни под каким видом не отлучаться из дому без его позволения. Приказ был очень решите-

лен; послушаться его я не посмел, но не решался также и обратиться к отцу за позволением.

Прошло четыре томительных дня. Я грустно ходил по саду и с тоской смотрел по направлению к горе, ожидая, кроме того, грозы, которая собиралась над моей головой. Что будет, я не знал, но на сердце у меня было тяжело. Меня в жизни никто ещё не наказывал; отец не только не трогал меня пальцем, но я от него не слышал никогда ни одного резкого слова. Теперь меня томил тяжёлое предчувствие.

Наконец меня позвали к отцу, в его кабинет. Я вошёл и робко остановился у притолки. В окно заглядывало грустное осеннее солнце. Отец сидел в своём кресле перед портретом матери и не поворачивался ко мне. Я слышал тревожный стук собственного сердца.

Наконец он повернулся. Я поднял на него глаза и тотчас же опустил их в землю. Лицо отца показалось мне страшным. Прошло около полминуты, и в течение этого времени я чувствовал на себе тяжёлый, неподвижный, подавляющий взгляд.

— Ты взял у сестры куклу?

Эти слова упали вдруг на меня так отчетливо и резко, что я вздрогнул.

— Да, — ответил я тихо.

— А знаешь ты, что это подарок матери, которым ты должен бы дорожить, как святыней?.. Ты украл её?..

— Нет, — сказал я, подымая голову.

— Как нет? — вскрикнул отец, отталкивая кресло. — Ты украл её и снёс!.. Кому ты снёс её?.. Говори!

Он быстро подошёл ко мне и положил мне на плечо тяжёлую руку. Я с усилием поднял голову и взглянул вверх. Лицо отца было бледно, глаза горели гневом. Я весь съёжился.

— Н-не скажу! — ответил я тихо.

— Скажешь, скажешь!

Я чувствовал, как дрожала его рука, и всё ниже опускал голову; слёзы одна за другой капали из моих глаз на пол, но я всё повторял едва слышно:

«В дурном обществе». Вася и отец. Худ. Г. Фитингоф

— Нет, не скажу... никогда, никогда не скажу вам...
Ни за что!

В эту минуту во мне сказался сын моего отца. Он не добился бы от меня иного ответа самыми страшными муками. В моей груди, навстречу его угрозам, подымалось едва осознанное оскорблённое чувство покинутого ребёнка и какая-то жгучая любовь к тем, кто меня пригрел там, в старой часовне.

Отец тяжело перевёл дух. Я съёжился ещё более, горькие слёзы жгли мои щёки. Я ждал.

В эту критическую минуту раздался вдруг резкий голос Тыбурция:

— Эге-ге!.. Я вижу моего молодого друга в очень затруднительном положении.

Отец встретил его мрачным и удивлённым взглядом, но Тыбурций выдержал этот взгляд спокойно. Он был серьёзен, не кривлялся, и глаза его глядели как-то особенно грустно.

— Пан судья! — заговорил он мягко. — Вы человек справедливый... отпустите ребёнка. Видит Бог, он не сделал дурного дела, и если его сердце лежит к моим оборванным беднягам, то лучше велите меня повесить, но я не допущу, чтобы мальчик пострадал из-за этого. Вот твоя кукла, малый!..

Он развязал узелок и вынул оттуда куклу.

Рука отца, державшая моё плечо, разжалась. В лице виднелось изумление.

— Что это значит? — спросил он наконец.

— Отпустите мальчика, — повторил Тыбурций, и его широкая ладонь любовно погладила мою опущенную голову. — Вы ничего не добьётесь от него угрозами, а между тем я охотно расскажу вам всё, что вы желаете знать... Выйдем, пан судья, в другую комнату.

Я всё ещё стоял на том же месте, как дверь кабинета отворилась и оба собеседника вошли. Я опять почувствовал на своей голове чью-то руку и вздрогнул. То была рука отца, нежно гладившая мои волосы.

Тыбурций взял меня на руки и посадил, в присутствии отца, к себе на колени.

— Приходи к нам, — сказал он, — отец тебя отпустит попрощаться с моей девочкой... Она... она умерла.

Голос Тыбурция дрогнул, он странно заморгал глазами, но тотчас же встал, поставил меня на пол, выпрямился и быстро ушёл из комнаты.

Я вопросительно поднял глаза на отца. Теперь передо мной стоял другой человек, но в этом именно человеке я нашёл что-то родное, чего тщетно искал в нём прежде. Он смотрел на меня обычным своим задумчивым взглядом, но теперь в этом взгляде виднелся оттенок удивления и как будто вопрос. Казалось, буря, которая

только что пронеслась над нами обоими, рассеяла тяжёлый туман, нависший над душой отца. И отец только теперь стал узнавать во мне знакомые черты своего родного сына.

Я доверчиво взял его руку и сказал:

— Я ведь не украл... Соня сама дала мне на время...

— Д-да, — ответил он задумчиво, — я знаю... Я виноват перед тобой, мальчик, и ты постарайся когда-нибудь забыть это, не правда ли?

Я с живостью схватил его руку и стал её целовать. Я знал, что теперь никогда уже он не будет смотреть на меня теми страшными глазами, какими смотрел за несколько минут перед тем, и долго сдерживаемая любовь хлынула целым потоком в моё сердце.

Теперь я его уже не боялся.

— Ты отпустишь меня теперь на гору? — спросил я, вспомнив вдруг приглашение Тыбурция.

— Д-да... Ступай, ступай, мальчик, — ласково проговорил он всё ещё с тем же оттенком недоумения в голосе. — Да, впрочем, постой... пожалуйста, мальчик, погоди немного.

Он ушёл в свою спальню и, через минуту выйдя оттуда, сунул мне в руку несколько бумажек.

— Передай это... Тыбурцию... Скажи, что я покорнейше прошу его — понимаешь?... покорнейше прошу — взять эти деньги... от тебя... Ты понял?... Теперь ступай, мальчик, ступай скорее.

Я догнал Тыбурция уже на горе и, запыхавшись, нескладно исполнил поручение отца.

— Покорнейше просит... отец... — и я стал совать ему в руки данные отцом деньги. Я не глядел ему в лицо. Деньги он взял.

В подземелье, в тёмном углу, на лавочке лежала Маруся. Слово «смерть» не имеет ещё полного значения для детского слуха, и горькие слёзы только теперь, при виде этого безжизненного тела, сдавили мне горло...

Заключение

Вскоре после описанных событий Тыбурций и Валек совершенно неожиданно исчезли, и никто не мог сказать, куда они направились теперь, как никто не знал, откуда они пришли в наш город.

Старая часовня сильно пострадала от времени. Сначала у неё провалилась крыша, продавив потолок подземелья. Потом вокруг часовни стали образовываться обвалы, и она стала ещё мрачнее; ещё громче завывают в ней филины, а огни на могилах тёмными осенними ночами вспыхивают синим зловещим светом.

Только могила, огороженная частоколом, каждую весну зеленела свежим дёрном, пестрела цветами. Мы с Соней, а иногда даже с отцом посещали эту могилу; мы любили сидеть на ней в тени смутно лепечущей берёзы, в виду тихо сверкавшего в тумане города. Тут мы с сестрой вместе читали, думали, делились своими первыми молодыми мыслями, первыми планами крылатой и честной юности.

Когда же пришло время и нам оставить тихий родной город, здесь же в последний день мы оба, полные жизни и надежды, произнесли над маленькою могилкой свои обеты¹.

Размышляем о прочитанном

1. Почему так названа повесть? От чьего имени ведётся рассказ? Понравилась вам повесть? Какие эпизоды показались особенно интересными? Что увидел Вася в старой часовне?
2. Опишите (устно) героев этого произведения — Васю, Валека, Марусю, Тыбурция, Соню. Сравните портреты Маруси и Сони.
3. Расскажите, почему стала трудной жизнь Васи дома после смерти матери.
4. Какие чувства переживал Вася, когда познакомился с Валеком и Марусей, во время болезни Маруси? Почему он плакал ночью, почему перестал бояться Тыбурция? Какими предста-ли герои в эпизоде с куклой?

¹ *Обёт* — обещание, клятва.

5. Как вы понимаете слова Тыбурция: «Может быть, это и хорошо, что твоя дорога пролегла через нашу»?
6. Что волновало Васю и его отца?
7. Расскажите, как менялся характер Васи и его отношение к жизни после встречи с детьми подземелья.
8. Почему Вася и Соня приходили на могилу Маруси? Подумайте, какой обет дали они и как он их характеризует.
9. Подготовьте подробный пересказ одного из эпизодов или рассказ об одном из героев повести (например, «Развалины», «Я и мой отец», «Тыбурций», «Осенью» и др.).

Повесть — вид эпического произведения (средняя форма), в котором рассказывается о людях, событиях. Повесть больше рассказа (малая форма), но меньше романа (большая форма).

10. Можно ли назвать произведение «В дурном обществе» повестью? Почему? Составьте план пересказа повести.
11. Какие чувства вызвала у вас повесть (сожаление, сострадание, удивление)?

Литература и изобразительное искусство

1. Найдите иллюстрации, рисунки к повести, рассмотрите и подумайте, насколько близко подошёл художник к тому, о чём нам рассказал писатель. Если сможете, нарисуйте и собственные рисунки к тексту.
2. Расскажите, какую иллюстрацию вы нарисовали бы ко II главе повести.

Обогащаем свою речь

1. Объясните слова и словосочетания, включите их в свои пересказы: *серые заборы, пустыри, дикое деревцо в поле, убежище, ютиться, кров, потомки, дурная слава, суровое лицо, раздоры, угрюмый человек, притерпелся к упрёкам, серый камень, призраки старого замка, дурное общество* и др.
2. Прочитайте синонимические ряды, составленные из слов, которые есть в этой повести, и слов, употребляемых в со-

временной разговорной речи. Какие из них вы не стали бы использовать, разговаривая со взрослыми:

- *сто́нал от нестерпимой боли, переживал, страдал, «парился», мучился;*
- *враньё, неправда, ложь, «туфта»;*
- *смотреть, рассматривать, «пялиться».*

3. Как можно назвать слова, поставленные в кавычки?

Учимся читать выразительно

Подготовьте инсценированное чтение (т. е. чтение по ролям) сцены из III или из IV главы (на выбор).

Проект

Подготовьте с одноклассниками электронный альбом иллюстраций «Мои ровесники в повести В. Г. Короленко „В дурном обществе“».

Сергей Александрович ЕСЕНИН

1895—1925

Сергей Александрович Есенин родился в селе Константиново Рязанской губернии. «Фамилия „Есенин“ — русская, коренная, в ней звучат языческие корни — овсень, таусень, осень, связанные с плодородием, с дарами земли, с осенними праздниками», — писал А. Н. Толстой.

Родители Есенина были крестьяне. Его дед держался суровых религиозных правил, хорошо знал Священное Писание, помнил наизусть многие страницы Библии, жития святых. Он любил внука. «Дедушка пел мне песни старые, такие тягучие, заунывные. По субботам и воскресным дням он рассказывал мне Библию и Священную историю», — вспоминал Есенин. С народным творчеством знакомила его и бабушка («Она рассказывала сказки»). Мальчик жил свободно и беззаботно. Он не был знаком с ранними тяготами труда. «Детство прошло среди полей и степей», — писал он.

Есенин был одарён ясным умом. Он учился в четырёх-классном училище и уже там декламировал стихотворения любимых им поэтов — А. Кольцова, Н. Некрасова, И. Никитина. В селе Спас-Клепики он закончил учительскую школу, в которой стали проявляться его поэтические наклонности. Там начался его творческий путь, проходивший под сильным влиянием народной поэзии, стихотворений Кольцова, Некрасова и так называемых «крестьянских» поэтов (И. Никитин, И. Суриков).

После окончания школы поэт отправился в Москву. Там он вскоре стал посещать литературно-музыкальный кружок имени И. Сурикова. С этого времени Есенин постепенно становится известным поэтом, который всем сердцем, нежно и трогательно

любит жизнь. Ему дороги и одинокая собака, и дряхлая старая кошка, и каждая птица, и вся природа — от чёрной земли до солнца, луны, ветра, светящихся на небе таинственных и манящих звёзд. Он знает, как живут, что «думают» и «чувствуют» чибисы и коноплянки, берёзы и осины. Поэтому и свою собственную участь Есенин не отделяет от судьбы природы.

По Е. Наумову

Поэзия Есенина необыкновенно лирична. Вся она — искренний, задушевный рассказ о своей жизни, о любви, о радостях и горестях, переживаниях, мечтах. Часто в стихах он обращается к самым близким людям — к матери и отцу, деду, сёстрам; поэт мысленно воссоздаёт картины родных мест — родительского дома, заливных приокских лугов, «той сельщины, где жил мальчишкой». При этом в стихотворных посланиях он настолько сливается с природой родных мест, что сам он узнаётся в старом клёне, который «стережёт голубую Русь».

Прочитайте два стихотворения Есенина, обращённые к теме родного дома, написанные в разные годы.

* * *

Я покинул родимый дом,
Голубую оставил Русь.
В три звезды березняк над прудом
Теплит матери старой грусть.

Золотою лягушкой луна
Распласталась на тихой воде.
Словно яблонный цвет, седина
У отца пролилась в бороде.

Я не скоро, не скоро вернусь!
Долго петь и звенеть пурге.
Стережёт голубую Русь
Старый клён на одной ноге,

И я знаю, есть радость в нём
Тем, кто листьев целует дождь,
Оттого, что тот старый клён
Головой на меня похож.

1918

Фонохрестоматия («*Слушаем актёрское чтение*»)

С. А. Есенин. «Я покинул родимый дом...»

1. Обратите внимание на удивительно красивое, плавное звучание стихов. Какие звуки преобладают в этом стихотворении?
2. Каким настроением окрашено стихотворение? Подтвердите свой ответ выразительным чтением.

* * *

Низкий дом с голубыми ставнями,
Не забыть мне тебя никогда, —
Слишком были такими недавними
Отзвучавшие в сумрак года.

До сегодня ещё мне снится
Наше поле, луга и лес,
Принакрытые сереньким ситцем
Этих северных бедных небес.

Восхищаться уж я не умею
И пропасть не хотел бы в глуши,
Но, наверно, навеки имею
Нежность грустную русской души.

Полюбил я седых журавлей
С их курлыканьем в тощие дали,
Потому что в просторах полей
Они сытных хлебов не видали.

Только видели березь да цветь,
Да раkitник, кривой и безлистый,
Да разбойные слышали свисты,
От которых легко умереть.

Как бы я и хотел не любить,
Все равно не могу научиться,
И под этим дешёвеньким ситцем
Ты мила мне, родимая выть¹.

Потому так и днями недавними
Уж не юные веют года...
Низкий дом с голубыми ставнями,
Не забыть мне тебя никогда.

<1924>

Фонохрестоматия (« Слушаем актёрское чтение »)

«Низкий дом с голубыми ставнями...»

1. Отличаются ли интонации стихотворения «Низкий дом с голубыми ставнями...» от интонаций стихотворения «Я покинул родимый дом...»?
2. В каком стихотворении больше светлой безмятежной грусти? В каком — чувства поэта обострены и картина Родины дана без прикрас, со всей её бедностью и неяркостью? Как это передаётся в актёрском чтении?
3. Какое общее чувство объединяет эти два стихотворения? Подготовьтесь к их выразительному чтению, передав чувство любви поэта к Родине.

Размышляем о прочитанном

1. Прочитайте вслух оба стихотворения. Услышали ли вы разницу в звучании стихов, в ритме стихотворений? В каком стихотворении ритм более быстрый, подвижный, динамичный? В каком — более медленный, размеренный, неторопливый? Как вы думаете почему?
2. Какие пейзажные образы помогают поэту сделать зрительно воспринимаемыми воспоминания о матери и отце в стихотворении «Я покинул родимый дом...»?
3. В каком стихотворении родная природа видится более возвышенной, сказочной, а в каком — более обычной, повседневной, неяркой? Как вы думаете почему?

¹ *Выть* — диалектное рязанское слово, обозначающее вспаханное поле, пашню.

4. Отличаются ли чувства поэта к родному краю в этих стихотворениях? Как объясняет поэт свою непроходящую любовь к Родине? Подтвердите свой ответ цитатой из текста стихотворения.
5. Какие слова или словосочетания вы могли бы назвать «есенинскими», характерными только для этого поэта? Как вы понимаете эти слова? Найдите их в тексте стихотворений.
6. Обратите внимание на способ рифмовки в четверостишиях стихотворений. В каком из стихотворений выдержан один способ рифмовки, а в каком сочетаются две разные рифмовки?
7. Как вы считаете, почему строки:

Низкий дом с голубыми ставнями,
Не забыть мне тебя никогда —

в первом четверостишии оказываются первыми, а в завершающем — последними?

8. Выучите наизусть одно из стихотворений С. Есенина о родном крае.
9. Какие стихотворения С. Есенина вы слышали в исполнении актёров? Какие из них вам запомнились? Почему?
10. Подготовьте отзыв об актёрском чтении одного из стихотворений С. Есенина.

Проект

Проведите в классе конкурс иллюстраций к стихотворениям С. Есенина, в котором его участники выступили бы с устной защитой своих работ, с выразительным чтением стихотворений, которые они иллюстрировали.

Павел Петрович БАЖОВ

1879—1950

Главная книга Павла Петровича Бажова — сборник уральских сказов «Малахитовая шкатулка». Книга эта получила мировое признание, переведена на многие иностранные языки.

Павел Петрович Бажов родился в городе Сысерть, недалеко от Екатеринбурга. Детство своё он впоследствии описал в автобиографической книге «Зелёная кобылка». В этой повести он рассказал о своём отце, горном мастере, и о матери, искусной кружевнице. В другой книге, «Уральские были», он рассказывает, как ветеринарный врач уговорил родителей отправить будущего писателя учиться в Екатеринбург. Окончив там духовное училище, а затем в Перми семинарию, Павел Бажов работал учителем в деревне Шайдурихе, позднее переехал в Екатеринбург. Ещё будучи учителем, Бажов начинает записывать устное народное творчество уральских рабочих — сказки, предания, легенды.

В 1920—1930-е годы активно сотрудничает в уральских газетах и журналах.

В 1936 году в журналах опубликованы сказы П. П. Бажова — «Дорогое имячко», «Медной горы Хозяйка», «Про великого Полоза». Читатели узнают его сказы не только по знакомым героям — мастеру Даниле, Хозяйке Медной горы, охотнику Коковане и сиротке Дарёнке, но и по особой манере сказывания. Кажется, что старый рабочий, хорошо знающий трудное горное дело, людей, добывающих и обрабатывающих уральский камень, вспоминает о том, что произошло с хорошо знакомыми, близкими ему людьми.

Бажов стремился передать интонации старых мастеровых, от которых он записал многие сказочные сюжеты. Среди рас-

сказчиков следует выделить Василия Алексеевича Хмелинина, который говорил: «Про старинное житьё да про земельные дела — это вот помню. Много таких [сюжетов] от своих стариков перенял, да и потом слышать немало доводилось... Только это не сказки, а сказы да побывальщины прозываются». Рассказчик сказа искренне верил в реальную достоверность того, о чём рассказывал.

Большой успех книг Бажова у читателей, высокая оценка критики утвердили писателя в том, что он нашёл свой, непохожий на другие жанр в литературе.

Проверьте себя

1. Какие фольклорные произведения стали источниками сюжетов сказов П. Бажова и образов в них? Где и когда писатель познакомился с этими произведениями?
2. В чём, по мнению уральских мастеровых, разница между сказом и сказкой?

Медной горы Хозяйка

Пошли раз двое наших заводских траву смотреть. А покосы у них дальние были. За Северушкой¹ где-то. День праздничный был, и жарко — страсть. Парун² чистый. И оба в горе робыли³, на Гумешках⁴ то есть. Малахит-руду добывали, лазоревку тоже. Ну, когда и королёк⁵ с витком попадали и там протча, что подойдёт.

Один-то молодой парень был, неженатик, а уж в глазах у его зеленью отливать стало. Другой постарше.

¹ *Северушка* — приток реки Чусовой.

² *Парун* — жаркий день после дождя.

³ *Робыли* — работали.

⁴ *Гумешки* (от устар. «гуменце» — невысокий пологий холм) — Гумешевский рудник. Медная гора, или просто Гора, — вблизи Полёвского завода. Одно из мест со следами древних разработок, богатое месторождение углекислой меди (малахита).

⁵ *Королёк* — самородная медь с кристаллами.

Этот и вовсе изробленный¹. В глазах зелено, и щёки будто зеленью подёрнулись. И кашлял завсе² тот человек.

В лесу-то хорошо. Пташки поют-радуются, от земли воспарение, дух лёгкий. Их, слышь-ко, и разморило. Дошли до Красногорского рудника. Там тогда железную руду добывали. Легли, значит, наши-то на травку под рябиной да сразу и уснули. Только вдруг молодой — ровно его кто под бок толкнул — проснулся. Глядит, а перед ним на грудке руды у большого камня женщина какая-то сидит. Спинай к парню, а по косе видать — девка. Коса ссизачёрная и не как у наших девок болтается, а ровно прилипла к спине. На конце ленты не то красные, не то зелёные. Сквозь светеют и тонко этак позванивают, будто листовая медь. Дивится парень на косу, а сам дальше примечает. Девка небольшого росту, из себя ладная и уж такое крутое колесо — на месте не посидит. Вперед наклонится, ровно у себя под ногами ищет, то опять назад откинется, на тот бок изогнётся, на другой. На ноги вскочит, руками замашет, потом опять наклонится. Одним словом, артуть-девка³. Слыхать — лопочет что-то, а по-каковски — неизвестно, и с кем говорит — не видно. Только смешком всё. Весело, видно, ей.

Парень хотел было слово молвить, вдруг его как по затылку стукнуло.

— Мать ты моя, да ведь это сама Хозяйка! Её одёжа-то. Как я сразу не приметил? Отвела глаза косой-то своей.

А одёжа, и верно, такая, что другой на свете не найдёшь. Из шёлкового, слышь-ко, малахиту платье. Сорт такой бывает. Камень, а на глаз, как шёлк, хоть рукой погладить.

«Вот, — думает парень, — беда! Как бы только ноги унести, пока не заметила». От стариков он, вишь,

¹ Изробленный — инвалид.

² Завсе — постоянно.

³ Артуть-девка — подвижная, быстрая.

слыхал, что Хозяйка эта — малахитница-то — любит над человеком мудровать.

Только подумал так-то, она и оглянулась. Весело на парня глядит, зубы скалит и говорит шуткой:

— Ты что же, Степан Петрович, на девичью красу даром глаза пялишь? За погляд-то ведь деньги берут. Иди-ка поближе. Поговорим маленько.

Парень испужался, конечно, а виду не оказывает. Крепитя. Хоть она и тайна сила, а всё ж таки девка. Ну, а он парень, ему, значит, и стыдно перед девкой обробеть.

— Некогда, — говорит, — мне разговаривать. Без того проспали, а траву смотреть пошли.

Она посмеивается, а потом и говорит:

— Будет тебе наигрыш вести. Иди, говорю, дело есть.

Ну, парень видит — делать нечего. Пошёл к ней, а она рукой маячит, обойди-де руду-то с другой стороны. Он и обошёл и видит — ящерок тут неисчисленно. И все, слышь-ко, разные. Одни, например, зелёные, другие голубые, которые в синь впадают, а то, как глина либо песок, с золотыми крапинками. Одни, как стекло либо слюда, блестят, а другие — как трава поблѣклая, а которые опять узорами изукрашены.

Девка смеётся.

— Не расступи, — говорит, — моё войско, Степан Петрович. Ты вон какой большой да тяжѣлый, а они у меня маленьки. — А сама ладошками схлопала, ящерки и разбежались, дорогу дали.

Вот подошёл парень поближе, остановился, а она опять в ладошки схлопала да и говорит, и всё смехом:

— Теперь тебе ступить некуда. Раздавишь мою слугу — беда будет.

Он поглядел под ноги, а там и земли незнатко¹. Все ящерки-то сбились в одно место — как пол узорчатый под ногами стал. Глядит Степан — батюшки, да ведь

¹ Незнатко — незаметно.

это руда медная! Всяких сортов и хорошо отшлифована. И слюдка тут же, и обманка, и блески всякие, кои на малахит походят.

— Ну, теперь признал меня, Степанушко? — спрашивает малахитница, а сама хохочет-заливается. Потом, мало погодя, и говорит:

— Ты не пужайся. Худого тебе не сделаю.

Парню забедно¹ стало, что девка над ним насмехается да ещё слова такие говорит. Сильно он осердился, закричал даже:

— Кого мне бояться, коли я в горе роблю!²

— Вот и ладно, — отвечает малахитница. — Мне как раз такого и надо, который никого не боится. Завтра, как в гору спускаться, будет тут ваш заводской приказчик, ты ему скажи, да смотри не забудь слов-то: «Хозяйка, мол, Медной горы заказывала тебе, душному козлу, чтобы ты с Красногорского рудника убирался. Ежели ещё будешь эту мою железную шапку ломать, так я тебе всю медь в Гумешках туда спущу, что никак её не добыть».

Сказала это и прищурилась:

— Понял ли, Степанушко? В горе, говоришь, робить, никого не боишься? Вот и скажи приказчику, как я велела, а теперь иди да тому, который с тобой, ничего, смотри, не говори. Изробленный он человек, что его тревожить да в это дело впутывать. И так вон лазоревке сказала, чтоб она ему маленько пособила.

И опять похлопала в ладошки, и все ящерики разбежались. Сама тоже на ноги вскочила, прихватила руку за камень, подскочила и тоже, как ящерица, побежала по камню-то. Вместо рук-ног — лапы у её зелёные стали, хвост высунулся, по хребтине до половины чёрная полоска, а голова человечья. Забежала за вершину, оглянулась и говорит:

¹ *Забедно* — обидно.

² *Роблю* — работаю.

— Не забудь, Степанушко, как я говорила. Велела, мол, тебе, душному козлу, с Красногорки убираться. Сделаешь по-моему, замуж за тебя выйду!

Парень даже сплюнул вгорячах:

— Тьфу ты, погань какая! Чтоб я на ящерке женился?

А она видит, как он плюётся, и хохочет.

— Ладно, — кричит, — потом поговорим. Может, и надумаешь?

И сейчас же за горку, только хвост зелёный мелькнул. Парень остался один. На руднике тихо. Слышно только, как за грудкой руды другой-то похрапывает. Разбудил его. Сходили на свои покосы, посмотрели траву, к вечеру домой воротились, а у Степана одно на уме: как ему быть? Сказать приказчику такие слова — дело не малое, а он ещё, и верно, душной был — гниль какая-то в нутре у него, сказывают, была. Не сказать — тоже боязно. Она ведь Хозяйка. Какую хошь руду может в обманку перекинуть. Выполняй тогда уроки-то. А хуже того, стыдно перед девкой хвастуном себя оказать. Думал-думал, насмелился:

— Была не была, сделаю, как она велела.

На другой день поутру, как у спускового барабана народ собрался, приказчик заводской подошёл. Все, конечно, шапки сняли, молчат, а Степан подходит и говорит:

— Видел я вечор Хозяйку Медной горы, и заказывала она тебе сказать. Велит она тебе, душному козлу, с Красногорки убираться. Ежели ты ей эту железную шапку спортишь, так она всю медь на Гумешках туда спустит, что никому не добыть.

У приказчика даже усы затряслись.

— Ты что это? Пьяный али ума решился? Какая хозяйка? Кому ты такие слова говоришь? Да я тебя в горе сгною!

— Воля твоя, — говорит Степан, — а только так мне велено.

— Выпороть его, — кричит приказчик, — да спустить в гору и в забое приковать! А чтоб не издох, давать ему собачьей овсянки и уроки спрашивать без поблажки. Чуть что — драть нещадно!

Ну, конечно, выпороли парня и в гору. Надзиратель рудничный — тоже собака не последняя — отвел ему забой хуже некуда. И мокро тут, и руды доброй нет, давно бы бросить надо. Тут и приковали Степана на длинную цепь, чтобы, значит, работать можно было. Известно, какое время было, — крепость¹. Всяко галились² над человеком. Надзиратель ещё и говорит:

— Прохладись тут маленько. А уроку с тебя будет чистым малахитом столько-то, — и назначил вовсе несообразно.

Делать нечего. Как отошёл надзиратель, стал Степан каёлкой³ помахивать, а парень всё-таки проворный был. Глядит — ладно ведь. Так малахит и сыплется, ровно кто его руками подбрасывает. И вода куда-то ушла из забоя. Сухо стало.

«Вот, — думает, — хорошо-то. Вспомнила, видно, обо мне Хозяйка».

Только подумал, вдруг звосияло⁴. Глядит, а Хозяйка тут, перед ним.

— Молодец, — говорит, — Степан Петрович. Можно чести приписать. Не испужался душного козла. Хорошо ему сказал. Пойдём, видно, моё приданое смотреть. Я тоже от своего слова не отпорна.

А сама принахмурилась, ровно ей это нехорошо. Схлопала в ладошки, ящерики набежали, со Степана цепь сняли, а Хозяйка им распорядок дала:

— Урок тут наломайте вдвое. И чтобы наотбор малахит был, шёлкового сорту. — Потом Степану говорит: — Ну, женишок, пойдём смотреть моё приданое.

¹ *Кре́пость* — крепостное право, крепостничество.

² *Гали́лись* — издевались.

³ *Каёлка* — инструмент для отбивания руды.

⁴ *Звосияло* — сверкнуло.

И вот пошли. Она впереди. Степан за ней. Куда она идёт — всё ей открыто. Как комнаты большие под землёй стали, а стены у них разные. То все зелёные, то жёлтые с золотыми крапинками. На которых опять цветы медные. Синие тоже есть, лазоревые. Одним словом, изукрашено, что и сказать нельзя. И платье на ней — на Хозяйке-то — меняется. То оно блестит, будто стекло, то вдруг полиняет, а то алмазной осыпью засверкает либо скрасна медным станет, потом опять шёлком зелёным отливает. Идут-идут, остановилась она.

— Дальше, — говорит, — на многие вёрсты желтяки да серяки с крапинкой пойдут. Что их смотреть? А это вот под самой Красногоркой мы. Тут у меня после Гумешек самое дорогое место.

И видит Степан огромную комнату, а в ней постеля, столы, тубареточки — все из корольковой меди. Стены малахитовые с алмазом, а потолок тёмно-красный под чернетью, а на ём цветки медны.

— Посидим, — говорит, — тут, поговорим.

Сели, это, они на тубареточки, малахитница и спрашивает:

— Видал моё приданое?

— Видал, — говорит Степан.

— Ну, как теперь насчёт женитьбы?

А Степан и не знает, как отвечать. У него, слышь-ко, невеста была. Хорошая девушка, сиротка одна. Ну, конечно, против малахитницы где же ей красотой равняться! Простой человек, обыкновенный. Помялся-помялся Степан да и говорит:

— Приданое у тебя царям впору, а я человек рабочий, простой.

— Ты, — говорит, — друг любезный, не вихляйся. Прямо говори, берёшь меня замуж али нет? — И сама вовсе принахмурилась.

Ну, Степан и ответил напрямки:

— Не могу, потому другой обещался.

Молвил так-то и думает: огневается теперь. А она вроде обрадовалась.

— Молодец, — говорит, — Степанушко. За приказчика тебя похвалила, а за это вдвое похвалю. Не обзарился ты на мои богатства, не променял свою Настеньку на каменну девку. — А у парня, верно, невесту-то Настей звали. — Вот, — говорит, — тебе подарочек для твоей невесты, — и подаёт большую малахитову шкатулку. А там, слышь-ко, всякий женский прибор. Серьги, кольца и протча, что даже не у всякой богатой невесты бывает.

— Как же, — спрашивает парень, — я с этим местом наверх подымусь?

— Об этом не печалься. Всё тебе будет устроено, и от приказчика тебя вызволю, и жить безбедно будешь со своей молодой женой, только вот тебе мой сказ — обо мне, чур, потом не вспоминай. Это третье тебе моё испытание будет. А теперь давай поешь маленько.

Схлопала опять в ладошки, набежали ящери — полон стол установили. Накормила она его щами хорошими, пирогом рыбным, бараниной, кашей и протчим, что по русскому обряду полагается. Потом и говорит:

— Ну, прощай, Степан Петрович, смотри не вспоминай обо мне. — А у самой слёзы. Она, это, руку подставила, а слёзы кап-кап и на руке зёрнышками застывают. Полнехонька горсть. — На-ко вот, возьми на разживу. Большие деньги за эти камешки люди дают. Богатый будешь, — и подаёт ему.

Камешки холодные, а рука, слышь-ко, горячая, как есть живая, и трясётся маленько.

Степан принял камешки, поклонился низко и спрашивает:

— Куда мне идти? — А сам тоже невесёлый стал. Она указала перстом, перед ним и открылся ход, как штольня, и светло в ней, как днём. Пошел Степан по этой штольне — опять всяких земельных богатств нагляделся и пришёл как раз к своему забою. Пришёл, штольня закрылась, и всё стало по-старому. Ящерка прибежала, цепь ему на ногу приладила, а шкатулка с

подарками вдруг маленькая стала, Степан и спрятал её за пазуху. Вскоре надзиратель рудничный подошёл. Посмеяться ладил, а видит — у Степана поверх урока наворочено, и малахит отбор, сорт-сортом. «Что, — думает, — за штука? Откуда это?» Полез в забой, осмотрел всё да и говорит:

— В эком-то забое всяк сколь хошь наломает. — И повёл Степана в другой забой, а в этот своего племянника поставил.

На другой день стал Степан работать, а малахит так и отлетает, да ещё королёк с витком попадаться стали, а у того — у племянника-то — скажи на милость, ничего доброго нет, всё обальчик¹ да обманка идёт. Тут надзиратель и сметил дело². Побежал к приказчику. Так и так.

— Не иначе, — говорит, — Степан душу нечистой силе продал.

Приказчик на это и говорит:

— Это его дело, кому он душу продал, а нам свою выгоду поиметь надо. Пообещай ему, что на волю выпустим, пуцай только малахитовую глыбу во сто пуд найдёт.

Велел всё ж таки приказчик расковать Степана и приказ такой дал — на Красногорке работы прекратить.

— Кто, — говорит, — его знает? Может, этот дурак от ума тогда говорил. Да и руда там с медью пошла, только чугуны порча.

Надзиратель объявил Степану, что от него требуется, а тот ответил:

— Кто от воли откажется? Буду стараться, а найду ли — это уж как счастье моё подойдет.

Вскорости нашёл им Степан глыбу такую. Выволокли её наверх. Гордятся — вот-де мы какие, а Степану воли не дали. О глыбе написали барину, тот и приехал

¹ Обальчик — пустая порода.

² Сметил дело — понял, догадался.

из самого, слышь-ко, Сам-Петербурху. Узнал, как дело было, и зовёт к себе Степана.

— Вот что, — говорит, — даю тебе своё дворянское слово отпустить тебя на волю, ежели ты мне найдёшь такие малахитовые камни, чтобы, значит, из их вырубить столбы не меньше пяти сажен длиной.

Степан отвечает:

— Меня уж раз оплели¹. Учёный я ноне. Сперва вольную пиши, потом стараться буду, а что выйдет — увидим.

Барин, конечно, закричал, ногами затопал, а Степан одно своё:

— Чуть было не забыл — невесте моей тоже вольную пропиши, а то что это за порядок — сам буду вольный, а жена в крепости.

Барин видит — парень не мягкий. Написал ему актовую бумагу.

— На, — говорит, — только старайся смотри.

А Степан всё своё:

— Это уж как счастье поищет.

Нашел, конечно, Степан. Что ему, коли он всё нутро горы вызнал, и сама Хозяйка ему пособляла. Вырубили из этой малахитины столбы, какие им надо, выволокли наверх, и барин их на приклад² в самую главную церкву в Сам-Петербурхе отправил. А глыба та, которую Степан сперва нашёл, и посейчас в нашем городе, говорят. Как редкость, её берегут.

С той поры Степан на волю вышел, а в Гумешках после того всё богатство ровно пропало. Много-много лазоревка идёт, а больше обманка. О корошке с витком и слыхом не слыхать стало, и малахит ушёл, вода долить приняла³. Так с той поры Гумешки на убыль и пошли, а потом их и вовсе затопило. Говорили, что это Хозяйка огневалась за столбы-то, что их в церкву поставили. А ей это вовсе ни к чему.

¹ *Оплели* — обманули.

² *На приклад ... отправил* — послал в подарок.

³ *Долить приняла* — стала одолевать.

Степан тоже счастья в жизни не поимел. Женился он, семью завёл, дом обстроил, всё как следует. Жить бы ровно да радоваться, а он невесёлый стал и здоровьем хезнул¹. Так на глазах и таял.

Хворый-то придумал дробовичок завести и на охоту повадился. И всё, слышь-ко, к Красногорскому руднику ходит, а добычи домой не носит. В осенях ушёл так-то да и с концом. Вот его нет, вот его нет... Куда девался? Сбили, конечно, народ, давай искать. А он, слышь-ко, на руднике у высокого камня мёртвый лежит, ровно улыбается, и ружьишечко у него тут же в сторонке валяется, не стрелено из него. Которые люди первые набежали, сказывали, что около покойника ящерку зелёную видели, да такую большую, каких и вовсе в наших местах не бывало. Сидит будто над покойником, голову подняла, а слёзы у ей так и каплют. Как люди ближе подбежали — она на камень, только её и видели. А как покойника домой привезли да обмывать стали — глядят: у него одна рука накрепко зажата и чуть видно из неё зёрнышки зелёненькие. Полнёхонька горсть. Тут один знающий случился, поглядел сбоку на зёрнышки и говорит:

— Да ведь это медный изумруд! Редкостный камень, дорогой. Целое богатство тебе, Настасья, осталось. Откуда только у него эти камешки?

Настасья — жена-то его — объясняет, что никогда покойник ни про какие такие камешки не говаривал. Шкатулку вот дарил ей, когда ещё женихом был. Большую шкатулку, малахитову. Много в ей добренького, а таких камешков нету. Не видывала.

Стали те камешки из мёртвой Степановой руки доставать, а они и рассыпались в пыль. Так и не дознались в ту пору, откуда они у Степана были. Копались потом на Красногорке. Ну, руда и руда, бурая с медным блеском. Потом уж кто-то вызнал, что это у Сте-

¹ Хезнул — ослабел.

пана слёзы Хозяйки Медной горы были. Не продал их, слышь-ко, никому, тайно от своих сохранял, с ними и смерть принял. А?

Вот она, значит, какая, Медной горы Хозяйка!

Размышляем о прочитанном

1. Чем интересен был для вас сказ П. Бажова «Медной горы Хозяйка»?
2. Что понравилось Хозяйке Медной горы в Степане Петровиче?
3. Как исполнила Хозяйка Медной горы свои обещания?
4. Как закончилась жизнь Степана?
5. Что в сказе волшебного и что реального? Похож ли сказ на сказку?
6. Подготовьте пересказ текста целиком или рассказ о героях (на выбор).

Сказка — занимательный рассказ о необыкновенных, вымышленных событиях, приключениях.

Сказ — жанр эпоса, опирающийся на народные предания и легенды; для него характерно сочетание точных зарисовок народного быта и нравов со сказочно-фантастическим миром фольклора.

7. Выпишите определения сказа и сказки, сопоставьте, сделайте выводы.

Обогащаем свою речь

1. Как вы понимаете эти слова и выражения? Подберите к ним синонимы. Что с их помощью подчёркивает автор сказа?

<i>оба в горе робили —</i> <i>и там протча, что подойдёт —</i> <i>над человеком мудровать —</i> <i>девка небольшого росту,</i> <i>из себя ладная —</i> <i>видал я вечор —</i> <i>слово молвить —</i> <i>маленько пособила —</i>	<i>наигрыш вести —</i> <i>на глазах таял —</i> <i>хозяйка пособляла —</i> <i>не обзарился —</i> <i>перст —</i> <i>посмеяться ладил —</i> <i>виду не оказывает —</i> <i>хворал —</i>
--	--

2. Как вы думаете, можно ли по речи сказителя определить его возраст, жизненный опыт, род занятий, черты его характера? Устно опишите, каким вы себе представляете внешний вид сказителя прочитанного сказа.
3. В сказе «Медной горы Хозяйка» немало названий тех мест, где происходят события: «за Северушкой где-то...»; «на Гумешках то есть...»; «с Красногорки убираться...». А в волшебных сказках место действия обычно указывается очень неопределённо: «В некотором царстве, в некотором государстве». Как вы объясните такие «географические» различия между сказом и сказкой?

Литература и изобразительное искусство

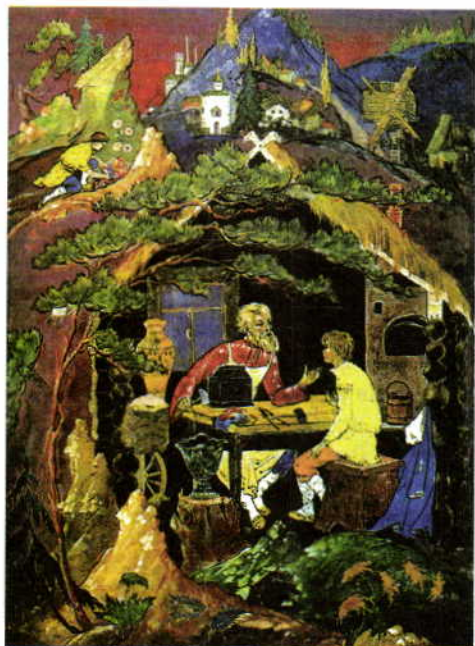
1. Рассмотрите иллюстрации. Прочитайте отрывки из сказов. Назовите эти сказы. Подумайте, что их объединяет.

Потом, когда подросла Танюшка, она и сама стала шкатулку доставать. Уедет мать со старшими парнишками на покос или ещё куда, Танюшка останется домовничать. Сперва, конечно, управит, что мать наказывала. Ну, чашки-ложки перемыть, скатёрку стряхнуть, в избе-сенях веничком подмахнуть... Справит всё поскорее, да и за шкатулку... Достанет шкатулку и перебирает камешки, любит, на себя примеряет.

*Худ. А. Ковалёв, Г. Буреев.
Палех*

До того в лесу тёмненько было, а тут сразу ровно он ожил. Светло стало. Трава сразу разными огнями загорелась, деревья одно другого краше. В прогалы полянку видно, а на ней цветы каменные, и пчелки золотые, как искорки, над теми цветами. Ну, такая, слышь-ко, красота, что век бы не нагляделся. И видит Катя: бежит по этому лесу Данило. Прямо к ней. Катя навстречу кинулась.

Ну, принялся Данилушко за тот камень. Ни дня, ни ночи не знает. А Прокопъич помалкивает. Может, уgomонится парень, как охотку спешит. Работа ходко идёт. Низ камня отделал. Как есть, слышь-ко, куст дурмана. Листья широкие, кучкой, зубчики, прожилки — всё пришлось лучше нельзя.

*Худ. А. Ковалёв, Г. Буреев.
Палех*

Ночь месячная, светлая, далеко видно. Глядит Дарёнка — кошка близко на покосном ложе сидит, а перед ней козёл. Стоит, ножку поднял, а на ней серебряное копытце блестит... Тут вспрыгнул козёл на крышу и давай по ней серебряным копытцем бить. Как искры из-под ножки-то камешки посыпались. Красные, голубые, зелёные, бирюзовые — всякие.

Худ. А. Ковалёв, Г. Буреев. Палех

2. Чем, по вашему мнению, отличаются иллюстрации мастеров Палеха к сказу П. Бажова от иллюстраций других художников?
3. Нарисуйте свои иллюстрации к сказу.

Проект

Используя ресурсы Интернета, подготовьте электронную презентацию «Сказы П. Бажова в иллюстрациях художников Палеха». В устном сопровождении видеоряда используйте цитаты из сказа.

Константин Георгиевич ПАУСТОВСКИЙ

1892–1968

Человек, любящий и умеющий читать, — счастливый человек. Он окружён множеством умных, добрых и верных друзей.

Друзья эти — книги.

К. Паустовский

Константин Георгиевич Паустовский родился в Москве, но детство его прошло в Киеве. Учился в Киевской классической гимназии. Ещё в гимназии начал писать стихи. После окончания гимназии молодой литератор поступил в Киевский университет. Затем перевёлся в Московский. Первый сборник рассказов «Встречные корабли» был издан в 1928 году.

Паустовский писал рассказы и повести о природе средней полосы России, очерки о других странах («Живописная Болгария», «Итальянские встречи»), удивительно лиричны его литературные портреты художников, писателей разных эпох и стран (Исаака Левитана, Ореста Кипренского, Фридриха Шиллера, Ханса Кристиана Андерсена, Александра Грина и многих других). Константин Георгиевич Паустовский был автором детских журналов «Мурзилка» и «Пионер». Много раз издавались в сборниках и отдельными книжками сказки К. Г. Паустовского «Тёплый хлеб», «Похождения жука-носорога», «Дремучий медведь», «Растрёпанный воробей», «Заботливый цветок», «Квакша» и другие.

Проверьте себя

1. Какие произведения К. Г. Паустовского вам уже знакомы?
2. Расскажите, что вы узнали о жизни писателя.

Тёплый хлеб

Когда кавалеристы проходили через деревню Бережки, немецкий снаряд разорвался на околице и ранил в ногу вороного коня¹. Командир оставил раненого коня в деревне, а отряд ушёл дальше, пыля и позванивая удилами, — ушёл, закатился за рощи, за холмы, где ветер качал спелую рожь.

Коня взял к себе мельник Панкрат. Мельница давно не работала, но мучная пыль навеки въелась в Панкрата. Она лежала серой коркой на его ватнике и картузе. Из-под картуза посматривали на всех быстрые глаза мельника. Панкрат был скорый на работу, сердитый старик, и ребята считали его колдуном.

Панкрат вылечил коня. Конь остался при мельнице и терпеливо возил глину, навоз и жерди — помогал Панкрату чинить плотину.

Панкрату трудно было прокормить коня, и конь начал ходить по дворам «побираться». Постоит, пофыркает, постучит мордой о калитку, и, глядишь, ему вынесут свекольной ботвы, или чёрствого хлеба, или, случалось даже, сладкую морковку. По деревне говорили, что конь ничей, а вернее — общественный, и каждый считал своей обязанностью его покормить. К тому же конь — раненый, пострадал от врага.

Жил в Бережках со своей бабкой мальчик Филька, по прозвищу «Ну Тебя». Филька был молчаливый, недоверчивый, и любимым его выражением было: «Да ну тебя!» Предлагал ли ему соседский мальчишка походить на ходулях или поискать позеленевшие патроны, Филька отвечал сердитым басом: «Да ну тебя! Ищи сам!» Когда бабка выговаривала ему за неласковость, Филька отворачивался и бормотал: «Да ну тебя! Надоела!»

Зима в этот год стояла тёплая. В воздухе висел дым. Снег выпадал и тотчас таял. Мокрые вороны садились

¹ События в сказке Паустовского происходят в годы Гражданской войны.

на печные трубы, чтобы обсохнуть, толкались, каркали друг на друга. Около мельничного лотка вода не замерзала, а стояла чёрная, тихая, и в ней кружились льдинки.

Панкрат починил к тому времени мельницу и собирался молоть зерно, — хозяйки жаловались, что мука кончается, осталось у каждой на два-три дня, а зерно лежит немолотое.

В один из таких тёплых серых дней раненый конь постучал мордой в калитку к Филькиной бабке. Бабки не было дома, а Филька сидел за столом и жевал кусок хлеба, круто посыпанный солью.

Филька нехотя встал, вышел за калитку. Конь переступил с ноги на ногу и потянулся к хлебу. «Да ну тебя! Дьявол!» — крикнул Филька и наотмашь ударил коня по губам. Конь отшатнулся, замотал головой, а Филька закинул хлеб далеко в рыхлый снег и закрычал:

— На вас не напасёшься, на христарадников! Вон твой хлеб! Иди, копай его мордой из-под снега! Иди, копай!

И вот после этого злорадного окрика и случились в Бережках те удивительные дела, о каких и сейчас люди говорят, покачивая головами, потому что сами не знают, было ли это, или ничего такого не было.

Слеза скатилась у коня из глаз. Конь заржал жалобно, протяжно, взмахнул хвостом, и тотчас в голых деревьях, в изгородях и печных трубах завыл, засвистел пронзительный ветер, вздул снег, запорошил Фильке горло. Филька бросился обратно в дом, но никак не мог найти крыльца — так уже мело кругом и хлестало в глаза. Летела по ветру мёрзлая солома с крыш, ломались скворечни, хлопали оторванные ставни. И всё выше взвивались столбы снежной пыли с окрестных полей, неслись на деревню, шурша, крутясь, перегоняя друг друга.

Филька вскочил наконец в избу, припёр дверь, сказал: «Да ну тебя!» — и прислушался. Ревела, обезумев,

метель, но сквозь её рёв Филька слышал тонкий и короткий свист, — так свистит конский хвост, когда рассерженный конь бьёт им себя по бокам.

Метель начала затихать к вечеру, и только тогда смогла добраться к себе в избу от соседки Филькина бабка. А к ночи небо зазеленело как лёд, звёзды примерзли к небесному своду и колючий мороз прошёл по деревне. Никто его не видел, но каждый слышал скрип его валенок по твердому снегу, слышал, как мороз, озоруя, стискивал толстые бревна в стенах и они трещали и лопались. Бабка, плача, сказала Фильке, что наверняка уже замёрзли колодцы и теперь их ждёт неминуемая смерть. Воды нет, мука у всех вышла, а мельница работать теперь не сможет, потому что река застыла до самого дна.

Филька тоже заплакал от страха, когда мыши начали выбегать из подпола и хорониться под печкой в соломе, где ещё оставалось немного тепла. «Да ну вас! Проклятые!» — кричал он на мышей, но мыши всё лезли из подпола. Филька забрался на печь, укрылся тулупчиком, весь трясся и слушал причитания бабки.

— Сто лет назад упал на нашу округу такой же лютый мороз, — говорила бабка. — Заморозил колодцы, побил птиц, высушил до корня леса и сады. Десять лет после того не цвели ни деревья, ни травы. Семени в земле пожухли и пропали. Голая стояла наша земля. Обегал её стороной всякий зверь — боялся пустыни.

— Отчего же стражся тот мороз? — спросил Филька.

— От злобы людской, — ответила бабка. — Шёл через нашу деревню старый солдат, попросил в избе хлеба, а хозяин, злой мужик, заспанный, крикливый, возьми и дай одну только чёрствую корку. И то не дал в руки, а швырнул на пол и говорит: «Вот тебе! Жуй!» — «Мне хлеб с полу поднять невозможно, — говорит солдат. — У меня вместо ноги деревяшка». — «А ногу куда девал?» — спрашивает мужик. «Утерьял я ногу на Бал-

канских горах в турецкой баталии»¹, — отвечает солдат. «Ничего. Раз дюже голодный — подымешь, — засмеялся мужик. — Тут тебе камердинеров² нету». Солдат покряхтел, изловчился, поднял корку и видит — это не хлеб, а одна зелёная плесень. Один яд! Тогда солдат вышел на двор, свистнул — и враз сорвалась метель, пурга, буря закружила деревню, крыши посрывала, а потом ударил лютый мороз. И мужик тот помер.

— Отчего же он помер? — хрипло спросил Филька.

— От охлаждения сердца, — ответила бабка, помолчала и добавила: — Знать, и нынче завёлся в Бережках дурной человек, обидчик, и сотворил злое дело. Оттого и мороз.

— Чего ж теперь делать, бабка? — спросил Филька из-под тулупа. — Неужто помирать?

— Зачем помирать? Надеяться надо.

— На что?

— На то, что поправит дурной человек своё злодейство.

— А как его поправить? — спросил, всхлипывая, Филька.

— А об этом Панкрат знает, мельник. Он старик хитрый, учёный. Его спросить надо. Да неужто в такую стужу до мельницы добежишь? Сразу кровь остановится.

— Да ну его, Панкрата! — сказал Филька и затих.

Ночью он слез с печи. Бабка спала, сидя на лавке. За окнами воздух был синий, густой, страшный. В чистом небе над осокорями стояла луна, убранная, как невеста, розовыми венцами.

Филька запахнул тулупчик, выскочил на улицу и побежал к мельнице. Снег пел под ногами, будто артель весёлых пильщиков пилила под корень берёзовую рощу за рекой. Казалось, воздух замёрз и между землёй и луной осталась одна пустота — жгучая и такая ясная,

¹ Речь идёт о войнах с Турцией за освобождение Болгарии и других стран Балканского полуострова от турецкого ига.

² *Камердинер* — слуга.

что если бы подняло пылинку на километр от земли, то и её было бы видно и она светилась бы и мерцала, как маленькая звезда.

Чёрные ивы около мельничной плотины поседели от стужи. Ветки их поблёскивали, как стеклянные. Воздух колол Фильке грудь. Бежать он уже не мог, а тяжело шёл, загребая снег валенками.

Филька постучал в окошко Панкратовой избы. Тотчас в сарае за избой заржал и забил копытом раненый конь. Филька охнул, присел от страха на корточки, затаился. Панкрат отворил дверь, схватил Фильку за шиворот и втащил в избу.

— Садись к печке, — сказал он. — Рассказывай, пока не замёрз.

Филька, плача, рассказал Панкрату, как он обидел раненого коня и как из-за этого упал на деревню мороз.

— Да-а, — вздохнул Панкрат, — плохо твоё дело! Выходит, что из-за тебя всем пропадать. Зачем коня обидел? За что? Бессмысленный ты гражданин!

Филька сопел, вытирал рукавом глаза.

— Ты брось реветь! — строго сказал Панкрат. — Реветь вы все мастера. Чуть что нашкодил — сейчас в рёв. Но только в этом я смысла не вижу. Мельница моя стоит, как запаянная морозом навеки, а муки нет, и воды нет, и что нам придумать — неизвестно.

— Чего же мне теперь делать, дедушка Панкрат? — спросил Филька.

— Изобрести спасение от стужи. Тогда перед людьми не будет твоей вины. И перед раненой лошастью — тоже. Будешь ты чистый человек, весёлый. Каждый тебя по плечу потреплет и простит. Понятно?

— Понятно, — ответил упавшим голосом Филька.

— Ну, вот и придумай. Даю тебе сроку час с четвертью.

В сенях у Панкрата жила сорока. Она не спала от холода, сидела на хомуте — подслушивала. Потом она боком, озираясь, поскакала к щели под дверь. Выскочила наружу, прыгнула на перильца и полетела прямо

на юг. Сорока была опытная, старая и нарочно летела у самой земли, потому что от деревень и лесов всё-таки тянуло теплом и сорока не боялась замёрзнуть. Никто её не видел, только лисица в осиновом яру¹ высунула морду из норы, повела носом, заметила, как тёмной тенью пронеслась по небу сорока, шарахнулась обратно в нору и долго сидела, почёсываясь и соображая: куда ж это в такую страшную ночь подалась сорока?

А Филька в это время сидел на лавке, ёрзал, придумывал.

— Ну, — сказал наконец Панкрат, затапывая махорочную сигарку, — время твоё вышло. Выкладывай! Льготного срока² не будет.

— Я, дедушка Панкрат, — сказал Филька, — как рассветёт, соберу со всей деревни ребят. Возьмём мы ломы, пешни³, топоры, будем рубить лёд у лотка около мельницы, покамест не дорубимся до воды и не потечёт она на колесо. Как пойдёт вода, ты пускай мельницу! Повернёшь колесо двадцать раз, она разогреется и начнёт молоть. Будет, значит, и мука, и вода, и всеобщее спасение.

— Ишь ты, шустрый какой! — сказал мельник. — Подо льдом, конечно, вода есть. А ежели лёд толщиной в твой рост, что ты будешь делать?

— Да ну его! — сказал Филька. — Пробьём мы, ребята, и такой лёд!

— А ежели замёрзнете?

— Костры будем жечь.

— А ежели не согласятся ребята за твою дурь расплачиваться своим горбом? Ежели скажут: «Да ну его! Сам виноват — пусть сам лёд и скалывает».

— Согласятся! Я их умолю. Наши ребята — хорошие.

— Ну, валяй, собирай ребят. А я со стариками потолкую. Может, и старики натянут рукавицы да возьмутся за ломы.

¹ Яр — овраг с крутыми склонами.

² Льготный срок — разрешённый дополнительно.

³ Пешня — тяжёлый лом на деревянной рукоятке для пробивания льда.

В морозные дни солнце восходит багровое, в тяжёлом дыму. И в это утро поднялось над Бережками такое солнце. На реке был слышен частый стук ломов. Трещали костры. Ребята и старики работали с самого рассвета, скалывали лёд у мельницы. И никто сгоряча не заметил, что после полудня небо затянулось низкими облаками и задул по седым ивам ровный и тёплый ветер. А когда заметили, что переменялась погода, ветки ив уже оттаяли и весело, гулко зашумела за рекой мокрая берёзовая роща. В воздухе запахло весной, навозом.

Ветер дул с юга. С каждым часом становилось всё теплее. С крыш падали и со звоном разбивались сосульки. Вороны вылезли из-под застрех¹ и снова обсыхали на трубах, толкались, каркали.

Не было только старой сороки. Она прилетела к вечеру, когда от теплоты лёд начал оседать, работа у мельницы пошла быстро и показалась первая полынья с тёмной водой.

Мальчишки стащили треухи и прокричали «ура». Панкрат говорил, что если бы не тёплый ветер, то, пожалуй, и не обколоть бы лёд ребятам и старикам. А сорока сидела на раките над плотиной, трещала, трясла хвостом, кланялась на все стороны и что-то рассказывала, но никто, кроме ворон, её не понял. А сорока рассказывала, что она долетела до тёплого моря, где спал в горах летний ветер, разбудила его, натрещала ему про лютый мороз и упросила его прогнать этот мороз, помочь людям. Ветер будто бы не осмелился отказать ей, сороке, и задул, понёсся над полями, посвистывая и посмеиваясь над морозом. И если хорошенько прислушаться, то уже слышно, как по оврагам под снегом бурлит-журчит тёплая вода, моет корни брусники, ломает лёд на реке.

Всем известно, что сорока — самая болтливая птица на свете, и потому вороны ей не поверили — покаркали только между собой, что вот, мол, опять завралась старая.

¹ *Застрэхи* — нижние края кровли.

Так до сих пор никто и не знает, правду ли говорила сорока, или всё это она выдумала от хвастовства. Одно только известно, что к вечеру лёд треснул, разошёлся, ребята и старики нажали — и в мельничный лоток хлынула с шумом вода.

Старое колесо скрипнуло — с него посыпались сосульки — и медленно повернулось. Заскрежетали жернова, потом колесо повернулось быстрее, ещё быстрее, и вдруг вся старая мельница затряслась, заходила ходуном и пошла стучать, скрипеть, молотить зерно. Панкрат сыпал зерно, а из-под жернова лилась в мешки горячая мука. Женщины окунали в неё озябшие руки и смеялись.

По всем дворам кололи звонкие берёзовые дрова. Избы светились от жаркого печного огня. Женщины месили тугое сладкое тесто. И всё, что было живого в избах, — ребята, кошки, даже мыши, — всё это вертелось около хозьяк, а хозяйки шлёпали ребят по спине белой от муки рукой, чтобы не лезли в самую квашню и не мешались.

Ночью по деревне стоял такой запах тёплого хлеба с румяной коркой, с пригоревшими к донцу капустными листьями, что даже лисицы вылезли из нор, сидели на снегу, дрожали и тихонько скулили, соображая, как бы словчиться стащить у людей хоть кусочек этого чудесного хлеба.

На следующее утро Филька пришёл вместе с ребятами к мельнице. Ветер гнал по синему небу рыхлые тучи, не давал им ни на минуту перевести дух, и потому по земле неслись попеременно то холодные тени, то горячие солнечные пятна.

Филька тащил буханку свежего хлеба, а совсем маленький мальчик Николай держал деревянную солонку с крупной жёлтой солью. Панкрат вышел на порог, спросил:

— Что за явление? Мне, что ли, хлеб-соль подносить? За какие такие заслуги?

— Да нет! — закричали ребята. — Тебе будет особо. А это раненому коню. От Фильки. Помирить мы их хотим.

«Тёплый хлеб». Худ. О. Попович

— Ну что ж, — сказал Панкрат. — Не только человеку извинение требуется. Сейчас я вам коня представлю в натуре.

Панкрат отворил ворота сарая, выпустил коня. Конь вышел, вытянул голову, заржал — учуял запах свежего хлеба. Филька разломил буханку, посолил хлеб из солонки и протянул коню. Но конь хлеба не взял, начал мелко перебирать ногами, попятился в сарай. Испугался Фильки. Тогда Филька перед всей деревней громко заплакал. Ребята зашептались и притихли, а Панкрат потрепал коня по шее и сказал:

— Не пужайся, Мальчик! Филька — не злой человек. Зачем же его обижать? Бери хлеб, мирись!

Конь помотал головой, подумал, потом осторожно вытянул шею и взял наконец хлеб из рук Фильки мягкими губами. Съел один кусок, обнюхал Фильку и взял второй кусок. Филька ухмылялся сквозь слёзы, а конь жевал хлеб, фыркал. А когда съел весь хлеб, положил голову Фильке на плечо, вздохнул и закрыл глаза от сытости и удовольствия.

Все улыбались, радовались. Только старая сорока сидела на раките и сердито трещала: должно быть, опять хвасталась, что это ей одной удалось помирить коня с Филькой. Но никто её не слушал и не понимал, и сорока от этого сердилась всё больше и трещала как пулемёт.

Размышляем о прочитанном

1. Как вы назвали бы эту сказку Паустовского? Как вы объясните название, которое дал ей автор?
2. Что можно сказать о характере Фильки, судя по его поступкам? Почему его звали «Ну Тебя»?
3. Как менялась погода на протяжении происходящих в сказке событий?
4. Что в сказке фантастического и что реального?
5. Как реагировали взрослые и дети на поступок Фильки?
6. Чем закончилась сказка? Если бы эта сказка была не писательской, а народной, то как бы вы её начали и закончили? Какие слова важны для концовки и начала?

Обогащаем свою речь

1. Постарайтесь рассказать эту сказку близко к тексту с концовкой, характерной для народной сказки, и такой, какая есть в сказке Паустовского.
2. Объясните слова и выражения, использованные Паустовским, и включите их в свой пересказ:

<i>вороний конь</i> —	<i>злорадный окрик</i> —
<i>спелая рожь</i> —	<i>колючий мороз</i> —
<i>скорый на работу</i> —	<i>неминуемая смерть</i> —
<i>в воздухе висел дым</i> —	<i>лютый мороз</i> —
<i>тёплый серый день</i> —	<i>нашкодил</i> —

Вспомните, как называются красочные, образные определения предмета. При пересказе эпизодов сказки К. Г. Паустовского постарайтесь максимально использовать образные (художественные) определения.

Заячьи лапы

К ветеринару¹ в наше село пришёл с Урженского озера Ваня Малявин и принёс завернутого в рваную ватную куртку маленького тёплого зайца. Заяц плакал и часто моргал красными от слёз глазами.

— Ты что, одурел? — крикнул ветеринар. — Скоро будешь ко мне мышей таскать, оголец!

— А вы не лайте, это заяц особенный, — хриплым шёпотом сказал Ваня. — Его дед прислал, велел лечить.

— От чего лечить-то?

— Лапы у него пожжённые.

Ветеринар повернул Ваню лицом к двери, толкнул в спину и крикнул вслед:

— Валяй, валяй! Не умею я их лечить. Зажарь его с луком — деду будет закуска.

Ваня ничего не ответил. Он вышел в сени, заморгал глазами, потянул носом и уткнулся в бревенчатую стену. По стене потекли слёзы. Заяц тихо дрожал под засаленной курткой.

— Ты что, милый? — спросила Ваню жалостливая бабка Анисья; она привела к ветеринару свою единственную козу. — Чего вы, сердешные, вдвоём слёзы льёте? Ай случилось что?

— Пожжённый он, дедушкин заяц, — сказал Ваня. — На лесном пожаре лапы себе пожёг, бегать не может. Вот-вот, гляди, умрёт.

— Не умрёт, малый, — прошамкала Анисья. — Скажи дедушке своему, ежели большая у него охота зай-

¹ Ветерина́р — врач, лечащий животных.

ца выходить, пущай несёт его в город к Карлу Петровичу.

Ваня вытер слёзы и пошёл лесами домой, на Урженское озеро. Он не шёл, а бежал босиком по горячей песчаной дороге. Недавний лесной пожар прошёл стороной на север около самого озера.

Пахло гарью и сухой гвоздикой. Она большими островами росла на полянах.

Заяц стонал.

Ваня нашёл на дороге пушистые, покрытые серебряными мягкими волосами листья, вырвал их, положил под сосенку и развернул зайца. Заяц посмотрел на листья, уткнулся в них головой и затих.

— Ты чего, серый? — тихо спросил Ваня. — Ты бы поел.

Заяц молчал.

— Ты бы поел, — повторил Ваня, и голос его задрожал. — Может, пить хочешь?

Заяц повёл рваным ухом и закрыл глаза.

Ваня взял его на руки и побежал напрямик через лес — надо было поскорее дать зайцу напиться из озера.

Неслыханная жара стояла в то лето над лесами. Утром наплывали вереницы плотных белых облаков. В полдень облака стремительно рвались вверх, к зениту, и на глазах уносились и исчезали где-то за границами неба. Жаркий ураган дул уже две недели без передышки. Смола, стекавшая по сосновым стволам, превратилась в янтарный камень.

Наутро дед надел чистые онучи и новые лапти, взял посох и кусок хлеба и побрёл в город. Ваня нёс зайца сзади. Заяц совсем притих, только изредка вздрагивал всем телом и судорожно вздыхал.

Суховой¹ вздул над городом облако пыли, мягкой, как мука. В ней летали куриный пух, сухие листья и солома. Издали казалось, что над городом дымит тихий пожар.

¹ Суховой — сухой, горячий ветер.

На базарной площади было очень пусто, знойно; извозничьи лошади дремали около водоразборной будки, и на головах у них были надеты соломенные шляпы. Дед перекрестился.

— Не то лошадь, не то невеста — шут их разберёт! — сказал он и сплюнул.

Долго спрашивали прохожих про Карла Петровича, но никто толком ничего не ответил. Зашли в аптеку. Толстый старый человек в пенсне и в коротком белом халате сердито пожал плечами и сказал:

— Это мне нравится! Довольно странный вопрос! Карл Петрович Корш — специалист по детским болезням — уже три года как перестал принимать пациентов. Зачем он вам?

Дед, заикаясь от уважения к аптекарю и от робости, рассказал про зайца.

— Это мне нравится! — сказал аптекарь. — Интересные пациенты завелись в нашем городе. Это мне замечательно нравится! — Он нервно снял пенсне, протёр, снова нацепил на нос и уставился на деда. Дед молчал, топтался. Аптекарь тоже молчал. Молчание становилось тягостным.

— Почтовая улица, три! — вдруг в сердцах крикнул аптекарь и захлопнул какую-то растрёпанную толстую книгу. — Три!

Дед с Ваней добрели до Почтовой улицы как раз вовремя — из-за Оки заходила высокая гроза. Ленивый гром потягивался за горизонтом, как заспанный силач распрямлял плечи, и нехотя потряхивал землю. Серая рябь пошла по реке. Беспумные молнии исподтишка, но стремительно и сильно били в луга; далеко за полянами уже горел стог сена, зажжённый ими. Крупные капли дождя падали на пыльную дорогу, и вскоре она стала похожа на лунную поверхность: каждая капля оставляла в пыли маленький кратер.

Карл Петрович играл на рояле нечто печальное и мелодичное, когда в окне появилась растрёпанная борода деда. Через минуту Карл Петрович уже сердился.

— Я не ветеринар, — сказал он и захлопнул крышку рояля. Тотчас же в лугах проворчал гром. — Я всю жизнь лечил детей, а не зайцев.

— Что ребёнок, что заяц — всё одно, — упрямо пробормотал дед. — Всё одно! Полечи, яви милость! Ветеринару нашему такие дела неподсудны. Он у нас коновал¹. Этот заяц, можно сказать, спаситель мой: я ему жизнью обязан, благодарность оказать должен, а ты говоришь — бросить!

Ещё через минуту Карл Петрович — старик с седыми взъерошенными бровями, — волнуясь, слушал спотыкающийся рассказ деда. Карл Петрович в конце концов согласился лечить зайца. На следующее утро дед ушёл на озеро, а Ваню оставил у Карла Петровича ходить за зайцем.

Через день вся Почтовая улица, заросшая гусиной травой, уже знала, что Карл Петрович лечит зайца, обгоревшего на страшном лесном пожаре и спасшего какого-то старика. Через два дня об этом уже знал весь маленький городок, а на третий день к Карлу Петровичу пришёл длинный юноша в фетровой шляпе, назвался сотрудником московской газеты и попросил дать беседу о зайце.

Зайца вылечили. Ваня завернул его в ватное тряпье и понёс домой. Вскоре историю о зайце забыли, и только какой-то московский профессор долго добивался от деда, чтобы тот ему продал зайца. Присылал даже письма с марками на ответ. Но дед не сдавался. Под его диктовку Ваня написал профессору письмо:

«Заяц не продажный, живая душа, пусть живёт на воле. При сём остаюсь Ларион Малявин».

Этой осенью я ночевал у деда Лариона на Урженском озере. Созвездия, холодные, как крупинки льда, плавали в воде. Шумел сухой тростник. Утки зябли в зарослях и жалобно кричали всю ночь.

Деду не спалось. Он сидел у печки и чинил рваную рыболовную сеть. Потом поставил самовар — от него

¹ Кововал — лекарь-самоучка, лечащий лошадей.

окна в избе сразу запотели и звёзды из огненных точек превратились в мутные шары. Во дворе лаял Мурзик. Он прыгал в темноту, ласкал зубами и отскакивал — во-евал с непроглядной октябрьской ночью. Заяц спал в сенах и изредка во сне громко стучал задней лапой по гнилой половице.

Мы пили чай ночью, дожидаясь далёкого и нерешительного рассвета, и за чаем дед рассказал мне наконец историю о зайце.

В августе дед пошёл охотиться на северный берег озера. Леса стояли сухие, как порох.

Деду попался зайчонок с рваным левым ухом. Дед выстрелил в него из старого, связанного проволокой ружья, но промахнулся. Заяц удрал.

Дед пошёл дальше. Но вдруг затревожился: с юга, со стороны Лопухов, сильно тянуло гарью. Поднялся ветер. Дым густел, его уже несло белой пеленой по лесу, затягивало кусты. Стало трудно дышать.

Дед понял, что начался лесной пожар и огонь идёт прямо на него. Ветер перешёл в ураган. Огонь гнало по земле с неслыханной скоростью. По словам деда, даже поезд не мог бы уйти от такого огня.

Дед был прав: во время урагана огонь шёл со скоростью тридцати километров в час.

Дед побежал по кочкам, спотыкался, падал, дым выедал ему глаза, а сзади был уже слышен широкий гул и треск пламени.

Смерть настигала деда, хватала его за плечи, и в это время из-под ног у деда выскочил заяц. Он бежал медленно и волочил задние лапы. Потом только дед заметил, что они у зайца обгорели.

Дед обрадовался зайцу, будто родному. Как старый лесной житель, дед знал, что звери гораздо лучше человека чувствуют, откуда идёт огонь, и всегда спасаются. Гибнут они только в тех редких случаях, когда огонь их окружает.

Дед побежал за зайцем. Он бежал, плакал от страха и кричал: «Погоди, милый, не беги так-то шибко!»

Заяц вывел деда из огня. Когда они выбежали из леса к озеру, заяц и дед, — оба упали от усталости. Дед подобрал зайца и понёс домой. У зайца были опалены задние ноги и живот. Потом дед его вылечил и оставил у себя.

— Да, — сказал дед, поглядывая на самовар так сердито, будто самовар был всему виной, — да, а перед тем зайцем, выходит, я сильно провинился, милый человек.

— Чем же ты провинился?

— А ты выдь, погляди на зайца, на спасителя моего, тогда узнаешь. Бери фонарь!

Я взял со стола фонарь и вышел в сенцы. Заяц спал. Я нагнулся над ним с фонарём и заметил, что левое ухо у зайца рваное. Тогда я понял всё.

Размышляем о прочитанном

1. Как вы объясните название рассказа?
2. От какой беды и как спас деда заяц? В чём перед ним провинился дед?
3. Как Ларион Малявин отблагодарил зайца?
4. Заяц спас деда Лариона от пожара, а какую роль он сыграл в судьбе внука Вани? Какие черты характера Вани проявились в истории спасения зайца?
5. Найдите в тексте рассказа описания жаркого полдня, надвигающейся грозы. Какие силы природы олицетворяются в этих описаниях? Что вы можете сказать о характере и поведении облаков, грома, молний?

Фонохрестоматия (« Слушаем актёрское чтение »)

К. Г. Паустовский. «Заячьи лапы»

1. В начале рассказа Ваня разговаривает с ветеринаром и бабкой Анисьей. По тону разговора, по тому, какие слова говорят ветеринар и бабка Анисья, как они обращаются к собеседнику, дайте характеристику этим персонажам.
2. Чем вам запомнилась речь аптекаря?

3. Почему в диалоге доктора Карла Петровича и деда доктор сердился, а дед волновался и сбивался? Как это звучит в чтении актёра?
4. Какие чувства, мысли, события дед сумел вложить в своё короткое письмо: «Заяц не продажный, живая душа, пусть живёт на воле...»?
5. Подготовьтесь к выразительному чтению рассказа, представив себе внешний вид, характер, манеру говорить всех персонажей произведения.

Обогащаем свою речь

1. Расскажите и вы случай из жизни животного, свидетелем или участником которого были вы или ваши друзья.

Чтобы создать даже небольшой рассказ, нужно вспомнить, что рассказом мы называем прозаическое произведение, повествующее об одном или нескольких событиях.

2. Каким одним словом можно заменить описание — «заморгал глазами, потянул носом и уткнулся в бревенчатую стену»?

3. Подберите синонимы к словам и словосочетаниям:

печальное —

бесшумные —

яви милость —

утки зябли —

4. Найдите в рассказе примеры просторечной лексики.

5. Какие слова героев рассказа показывают их особое отношение к зайцу («живая душа», «милый» и др.)?

Самуил Яковлевич МАРШАК

1887—1964

Художник-автор берёт на себя только часть работы. Остальное должен дополнить своим воображением художник-читатель.

С. Маршак

Самуил Яковлевич Маршак родился в Воронеже. Большая часть его детства и отрочества прошла в городе Острогожске Воронежской губернии. Там гимназист Маршак под руководством учителя латыни Владимира Ивановича Теплых начал переводить стихи древнеримских поэтов. Это были уже серьёзные упражнения в стихосложении. Но писать стихи он начал намного раньше.

Ещё будучи гимназистом, Самуил Маршак гостил в Петербурге. Там он познакомился с известным критиком Владимиром Васильевичем Стасовым. Стасов обратил внимание на юношеские стихи Маршака, добился перевода его в одну из лучших петербургских гимназий. Будущему писателю везло на встречи со щедрыми, талантливыми людьми. Когда у юноши ухудшилось здоровье (у него начал развиваться туберкулёз), писатель Максим Горький и певец Фёдор Шаляпин помогли ему поселиться в Крыму, перевели в ялтинскую гимназию. Около двух лет он жил в Ялте в доме М. Горького.

Печататься С. Я. Маршак начал в 1907 году в петербургских альманахах и журналах, в том числе в «Сатириконе», в котором сотрудничали и А. Аверченко, и Саша Чёрный. В двадцатые годы он возглавлял журнал для детей «Новый Робинзон». На страницах этого журнала печатались Б. Житков, Е. Шварц, М. Ильин (младший брат С. Я. Маршака) и многие другие талантливые детские писатели. Маршак известен прежде всего

как поэт, автор многих стихотворений, стихотворных сказок, песенок, баллад. Но писал он и прозу. О детстве и ранней юности писателя вы можете узнать, прочитав его прозаическую автобиографическую книгу «В начале жизни».

Основой сюжета сказки «Двенадцать месяцев» стала западнославянская легенда о братьях-месяцах, встречающихся у костра в новогоднюю ночь. Но во многом сказка «Двенадцать месяцев» близка и русским народным сказкам, например сказке «Морозко».

Двенадцать месяцев

Драматическая сказка

Избранные картины

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Старуха мачеха.

Дочка.

Падчерица.

Королева — девочка лет четырнадцати.

Учитель Королевы — профессор арифметики и чистописания.

Канцлер¹.

Начальник королевской стражи.

Первый Глашатай².

Второй Глашатай.

Дворец. Классная комната Королевы. Широкая доска в резной золотой раме. Парты из розового дерева. На бархатной подушке сидит и пишет длинным золотым пером четырнадцатилетняя Королева. Перед ней седобородый Профессор арифметики и чистописания, похожий на старинного астролога³.

Он в мантии⁴, в докторском причудливом колпаке с кистью.

Королева. Терпеть не могу писать. Все пальцы в чернилах.

¹ *Канцлер* — здесь: человек, занимающий высшую государственную должность.

² *Глашатай* (от слова *глас*, *голос*) — человек, объявляющий народу королевские приказы.

³ *Астролог* — гадатель по звёздам, предсказатель судьбы.

⁴ *Мантия* — накидка или длинная широкая одежда, надеваемая поверх платья.

Профессор. Вы совершенно правы, ваше величество. Это весьма неприятное занятие. Недаром древние поэты обходились без письменных приборов, почему произведения их отнесены наукой к разряду устного творчества. Однако же осмелюсь попросить вас начертать собственной вашего величества рукой ещё четыре строчки.

Королева. Ладно уж, диктуйте.

Профессор.

Травка зеленеет,
Солнышко блестит,
Ласточка с весною
В сени к нам летит!

Королева. Я напишу только «Травка зеленеет».
(Пишет.) Травка зе-не...

Входит Канцлер.

Канцлер (*низко кланяясь*). Доброе утро, ваше величество. Осмелюсь почтительнейше просить вас подписать один рескрипт¹ и три указа.

Королева. Ещё писать! Хорошо. Но уж тогда я не буду дописывать «зеленеет». Дайте сюда ваши бумажки!
(Подписывает бумаги одну за другой.)

Канцлер. Благодарю вас, ваше величество. А теперь позволю себе попросить вас начертать...

Королева. Опять начертать!

Канцлер. Только вашу высочайшую резолюцию² на этом ходатайстве³.

Королева (*нетерпеливо*). Что же я должна написать?

Канцлер. Одно из двух, ваше величество, либо «казнить», либо «помиловать».

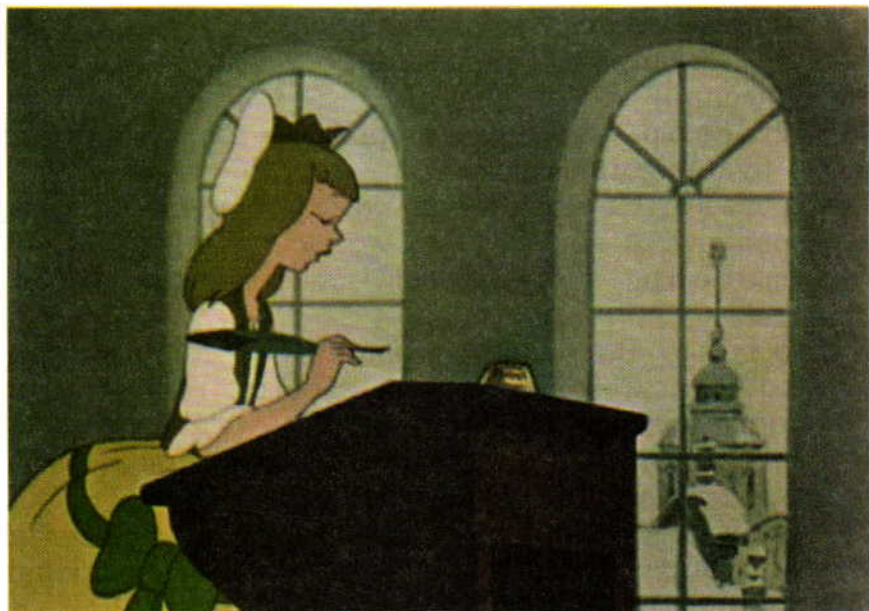
Королева (*про себя*). По-ми-ло-вать... Каз-нить... Лучше напишу «казнить» — это короче.

Канцлер берёт бумаги, кланяется и уходит.

¹ Рескрипт — здесь: распоряжение.

² Резолюция — решение, постановление.

³ Ходатайство — просьба.

«Двенадцать месяцев». Кадр из мультфильма. Реж. И. Иванов-Вано. 1956

Профессор (*тяжело вздыхая*). Нечего сказать, короче!

Королева. О чём это вы?

Профессор. Ах, ваше величество, что вы написали!

Королева. Вы, конечно, опять заметили какую-нибудь ошибку. Надо писать «кознить», что ли?

Профессор. Нет, вы правильно написали это слово — и всё-таки сделали очень грубую ошибку.

Королева. Какую же?

Профессор. Вы решили судьбу человека, даже не задумавшись.

Королева. Ещё чего! Не могу же я писать и думать в одно и то же время.

Профессор. И не надо. Сначала надо подумать, а потом писать, ваше величество!

Королева. Если бы я слушалась вас, я бы только и делала, что думала, думала, думала, и под конец, наверное, сошла бы с ума или придумала бог знает что...

Но, к счастью, я вас не слушаюсь... Ну, что у вас там дальше? Спрашивайте скорее, а то я целый век не выйду из классной!

Профессор. Осмелюсь спросить, ваше величество: сколько будет семью восемь?

Королева. Не помню что-то... Это меня никогда не интересовало... А вас?

Профессор. Разумеется, интересовало, ваше величество!

Королева. Вот удивительно!.. Ну, прощайте, наш урок окончен. Сегодня, перед Новым годом, у меня очень много дел.

Профессор. Как угодно вашему величеству!.. *(Грустно и покорно собирает книги.)*

Королева *(ставит локти на стол и рассеянно следит за ним)*. Право же, хорошо быть королевой, а не простой школьницей. Все меня слушаются, даже мой учитель. Скажите, а что бы вы сделали с другой ученицей, если бы она отказалась ответить вам, сколько будет семью восемь?

Профессор. Не смею сказать, ваше величество!

Королева. Ничего, я разрешаю.

Профессор *(робко)*. Поставил бы в угол...

Королева. Ха-ха-ха! *(Указывая на углы.)* В тот или в этот?

Профессор. Это всё равно, ваше величество.

Королева. Я бы предпочла этот — он как-то уютнее. *(Становится в угол.)* А если она и после этого не захотела бы сказать, сколько будет семью восемь?

Профессор. Я бы... Прошу прощения у вашего величества... я бы оставил её без обеда.

Королева. Без обеда? А если она ждёт к обеду гостей, например послов какой-нибудь державы или иностранного принца?

Профессор. Да ведь я же говорю не о королеве, ваше величество, а о простой школьнице!

Королева *(притягивая в угол кресло и садясь в него)*. Бедная простая школьница! Вы, оказывается,

очень жестокий старик. А вы знаете, что я могу вас казнить? И даже сегодня, если захочу?

Профессор (*роняя книги*). Ваше величество!..

Королева. Да, да, могу. Почему бы нет?

Профессор. Но чем же я прогневал ваше величество?

Королева. Ну, как вам сказать. Вы очень своенравный человек. Что бы я ни сказала, вы говорите: неверно. Что бы я ни написала, вы говорите: не так. А я люблю, когда со мной соглашаются!

Профессор. Ваше величество, клянусь жизнью, я больше не буду с вами спорить, если вам это не угодно!

Королева. Клянётесь жизнью? Ну, хорошо. Тогда давайте продолжать наш урок. Спросите у меня что-нибудь. (*Садится за парту.*)

Профессор. Сколько будет шестью шесть, ваше величество?

Королева (*смотрит на него, наклонив голову набок*). Одиннадцать.

Профессор (*грустно*). Совершенно верно, ваше величество. А сколько будет восемью восемь?

Королева. Три.

Профессор. Правильно, ваше величество. А сколько будет...

Королева. Сколько да сколько! Какой вы любопытный человек. Спрашивает, спрашивает... Лучше сами расскажите мне что-нибудь интересное.

Профессор. Рассказать что-нибудь интересное, ваше величество? О чём же? В каком роде?

Королева. Ну, не знаю. Что-нибудь новогоднее... Ведь сегодня канун Нового года.

Профессор. Ваш покорный слуга. Год, ваше величество, состоит из двенадцати месяцев!

Королева. Вот как? В самом деле?

Профессор. Совершенно точно, ваше величество. Месяцы называются: январь, февраль, март, апрель, май, июнь, июль...

Королева. Вон их сколько! И вы знаете все по именам? Какая у вас замечательная память.

Профессор. Благодарю вас, ваше величество! Август, сентябрь, октябрь, ноябрь и декабрь.

Королева. Подумать только!

Профессор. Месяцы идут один за другим. Только окончится один месяц, сразу же начинается другой. И никогда ещё не бывало, чтобы февраль наступил раньше января, а сентябрь — раньше августа.

Королева. А если бы я захотела, чтобы сейчас наступил апрель?

Профессор. Это невозможно, ваше величество!

Королева. Вы — опять?

Профессор (*умоляюще*). Это не я возражаю вашему величеству. Это наука и природа!

Королева. Скажите, пожалуйста! А если я издам такой закон и поставлю большую печать?

Профессор (*беспомощно разводит руками*). Боюсь, что и это не поможет. Но вряд ли вашему величеству понадобятся такие перемены в календаре. Ведь каждый месяц приносит нам свои подарки и забавы. Декабрь, январь, февраль — катание на коньках, новогоднюю ёлку, масленичные балаганы¹, в марте начинается снеготаяние, в апреле из-под снега выглядывают первые подснежники...

Королева. Вот я и хочу, чтобы уже был апрель. Я очень люблю подснежники. Я их никогда не видала.

Профессор. До апреля осталось совсем немного, ваше величество. Всего каких-нибудь три месяца, или девяносто дней...

Королева. Девяносто! Я не могу ждать и трёх дней. Завтра новогодний приём, и я хочу, чтобы у меня на столе были эти — как вы их там назвали? — подснежники.

Профессор. Ваше величество, но законы природы!..

Королева (*перебивая его*). Я издам новый закон природы! (*Хлопает в ладоши.*) Эй, кто там? Пошлите

¹ *Масленичные балаганы* — постройки для театральных представлений во время Масленицы, праздника проводов зимы.

ко мне Канцлера. (*Профессору.*) А вы садитесь за мою парту и пишите. Теперь я вам буду диктовать. (*Задумывается.*) Ну! «Травка зеленеет, солнышко блестит». Да, да, так и пишите. (*Задумывается.*) Ну! «Травка зеленеет, солнышко блестит, а в наших королевских лесах распускаются весенние цветы. Посему всемилостивейше повелеваем доставить к Новому году во дворец полную корзину подснежников. Того, кто исполнит нашу высочайшую волю, мы наградим по-королевски...» Что бы им такое пообещать? Погодите, это писать не надо!.. Ну вот, придумала. Пишите: «Мы дадим ему столько золота, сколько поместится в его корзине, пожалуем ему бархатную шубу на седой лисе и позволим участвовать в нашем королевском новогоднем катании». Ну, написали? Как вы медленно пишете!

Профессор. «...на седой лисе...» Я давно уже не писал диктанта, ваше величество.

Королева. Ага, сами не пишете, а меня заставляете! Хитрый какой!.. Ну, да уж ладно. Давайте перо — я начертаю своё высочайшее имя! (*Быстро ставит закорючку и машет листком, чтобы чернила скорее высохли.*)

В это время в дверях появляется Канцлер.

Ставьте печать — сюда и сюда! И позаботьтесь о том, чтобы все в городе знали мой приказ.

Канцлер (*быстро читает глазами*). К этому — печать? Воля ваша, королева!..

Королева. Да-да, воля моя, и вы должны её исполнить!

Занавес опускается. Один за другим выходят два Глашатая с трубами и свитками в руках. Торжественные звуки фанфар¹.

Первый Глашатай.

Под праздник новогодний
Издали мы приказ:

¹ *Фанфа́ра* — медная труба, на которой исполняется торжественная музыка.

Пускай цветут сегодня
Подснежники у нас!

Второй Глашатай.

Травка зеленеет,
Солнышко блестит,
Ласточка с весною
В сени к нам летит!

Первый Глашатай.

Кто отрицать посмеет,
Что ласточка летит,
Что травка зеленеет
И солнышко блестит?

Второй Глашатай.

В лесу цветёт подснежник,
А не метель метёт,
И тот из вас мятежник,
Кто скажет: не цветёт!

Первый Глашатай. Посему всемилостивейше повелеваем доставить к Новому году во дворец полную корзину подснежников!

Второй Глашатай. Того, кто исполнит нашу высочайшую волю, мы наградим по-королевски!

Первый Глашатай. Мы пожалуем ему столько золота, сколько поместится в его корзине!

Второй Глашатай. Подарим бархатную шубу на седой лисе и позволим участвовать в нашем королевском новогоднем катании!

Первый Глашатай. На подлинном собственной её величества рукой начертано: «С Новым годом! С первым апреля!»

Звуки фанфар.

Второй Глашатай.

Ручьи бегут в долину,
Зиме пришёл конец.

Первый Глашатай.

Подснежников корзину
Несите во дворец!

Второй Глашатай.

Нарвите до рассвета
Подснежников простых.

Первый Глашатай.

И вам дадут за это
Корзину золотых!

Первый и второй *(вместе)*.

Травка зеленеет,
Солнышко блестит,
Ласточка с весною
В сени к нам летит!

Первый Глашатай *(хлопая ладонью о ладонь)*.
Брр!.. Холодно!..

Маленький домик на окраине города. Жарко топится печка. За окнами метель. Сумерки. Старуха раскатывает тесто. Дочка сидит перед огнём. Возле неё на полу несколько корзинок. Она перебирает корзинки. Сначала берёт в руки маленькую, потом побольше, потом самую большую.

Дочка *(держа в руках маленькую корзинку)*. А что, мама, в эту корзинку много золота войдёт?

Старуха. Да, немало.

Дочка. На шубку хватит?

Старуха. Что там на шубку, доченька! На полное приданое хватит: и на шубки, и на юбки. Да ещё на чулочки и платочки останется.

Дочка. А в эту сколько войдёт?

Старуха. В эту ещё больше. Тут уж на дом каменный хватит, и на коня с уздечкой, и на барашка с овечкой.

Дочка. Ну, а в эту?

Старуха. А уж тут и говорить нечего. На золоте пить-есть будешь, в золото оденешься, в золото обуешься, золотом уши повесишь.

Дочка. Ну, так я эту корзину и возьму! (*Вздыхая.*) Одна беда — подснежников не найти. Видно, посмеяться над нами захотела королева.

Старуха. Молода, вот и придумывает всякую всячину.

Дочка. А вдруг кто-нибудь пойдёт в лес да и наберёт там подснежников. И достанется ему вот этакая корзина золота!

Старуха. Ну, где там — наберёт! Раньше весны подснежники и не покажутся. Вон сугробы-то какие наметло — до самой крыши!

Дочка. А может, под сугробами-то они и растут себе потихоньку. На то они и подснежники. Надену-ка я свою шубейку да попробую поискать.

Старуха. Что ты, доченька! Да я тебя и за порог не выпущу. Погляди в окошко, какая метель разыгралась. А то ли ещё к ночи будет!

Дочка (*хватает самую большую корзину*). Нет, пойду — и всё тут. В кои-то веки во дворец попасть случай вышел, к самой королеве на праздник. Да ещё целую корзину золота дадут.

Старуха. Замёрзнешь в лесу.

Дочка. Ну, так вы сами в лес ступайте. Наберите подснежников, а я их во дворец отнесу.

Старуха. Что же тебе, доченька, родной матери не жалко?

Дочка. И вас жалко, и золота жалко, а больше всего себя жалко! Ну, что вам стоит? Эка невидаль — метель. Закутайтесь потеплее и пойдите.

Старуха. Нечего сказать, хороша дочка! В такую погоду хозяин собаки на улицу не выгонит, а она мать гонит.

Дочка. Как же! Вас выгонишь! Вы и шагу лишнего для дочки не ступите. Так и просидишь из-за вас весь праздник на кухне у печки. А другие с королевой в серебряных санях кататься будут, золото лопатой огребать... (*Плачет.*)

Старуха. Ну, полно, доченька, полно, не плачь. Вот съешь-ка горяченького пирожка! (*Вытаскивает из*

печи железный лист с пирожками.) С пылу, с жару, кипит-шипит, чуть не говорит!

Дочка (сквозь слёзы). Не надо мне пирожков, хочу подснежников!.. Ну, если сами идти не хотите и меня не пускаете, так пусть хоть сестра сходит. Вот придёт она из лесу, а вы её опять туда пошлите.

Старуха. А ведь и правда! Отчего бы её не послать? Лес недалеко, сбегать недолго. Наберёт она цветочков — мы с тобой их во дворец снесём, а замерзнет — ну, значит, такая её судьба. Кто о ней плакать станет?

Дочка. Да уж, верно, не я. До того она мне надоела, сказать не могу. За ворота выйти нельзя — все соседи только про неё и говорят: «Ах, сиротка несчастная!», «Работница — золотые руки!», «Красавица — глаз не отвести!» А чем я хуже её?

Старуха. Что ты, доченька, по мне, ты лучше, а не хуже. Да только не всякий это разглядит. Ведь она хитрая — подольститься умеет. Тому поклонится, этому улыбнётся. Вот и жалеют её все: сиротка да сиротка. А чего ей, сиротке, не хватает? Платок свой я ей отдала, совсем хороший платок, и семи лет ещё не проносила, а потом разве что квашню¹ укутывала. Башмачки твои позапрошлогодние донашивать ей позволила, — жалко, что ли? А уж хлеба сколько на неё идёт! Утром кусок, да за обедом краюшка, да вечером горбушка. Сколько это в год выйдет — посчитай-ка. Дней-то в году много! Другая бы не знала, как отблагодарить, а от этой слова не услышишь.

Дочка. Ну вот, пусть и сходит в лес. Дадим ей корзинку.

Старуха. Что ты, доченька! Эта корзина новая, недавно куплена. Ищи её потом в лесу. Вот ту дадим, — и пропадет, так не жалко.

Дочка. Да уж больно мала!

Входит Падчерица. Платок её весь засыпан снегом. Она снимает платок и стряхивает, потом подходит к печке и греет руки.

¹ Квашня — деревянная кадка для теста.

Старуха. Что, на дворе метёт?

Падчерица. Так метёт, что ни земли, ни неба не видать. Словно по облакам идёшь. Еле до дому добралась.

Старуха. На то и зима, чтобы метель мела.

Падчерица. Нет, такой вьюги за целый год не было, да и не будет.

Дочка. А ты почём знаешь, что не будет?

Падчерица. Да ведь нынче последний день в году!

Дочка. Вон как! Видно, не очень замёрзла, если загадки загадываешь. Ну что, обогрелась? Надо тебе ещё кое-куда сбегать.

Падчерица. Куда же это, далеко?

Старуха. Не так уж близко, да и не далеко.

Дочка. В лес!

Падчерица. В лес? Зачем? Я хворосту много привезла, на неделю хватит.

Дочка. Да не за хворостом, а за подснежниками!

Падчерица (*смеясь*). Вот разве что за подснежниками — в такую вьюгу! А я-то сразу и не поняла, что ты шутишь. Испугалась. Нынче и пропасть немудрено — так и кружит, так и валит с ног.

Дочка. А я не шучу. Ты что, про указ не слыхала?

Падчерица. Нет.

Дочка. Ничего-то ты не слышишь, ничего не знаешь. По всему городу про это говорят. Тому, кто нынче подснежников наберет, королева целую корзину золота даст, шубку на седой лисе пожалует и в своих санях кататься позволит.

Падчерица. Да какие же теперь подснежники — ведь зима...

Старуха. Весной-то за подснежники не золотом платят, а медью!

Дочка. Ну, что там разговаривать! Вот тебе корзинка.

Падчерица (*смотрит в окно*). Темнеет уж...

Старуха. А ты бы ещё дольше за хворостом ходила — так и совсем бы темно стало.

Падчерица. Может, завтра с утра пойти? Я пораньше встану, чуть рассветёт.

Дочка. Тоже придумала — с утра! А если ты до вечера цветов не найдёшь? Так и станут нас с тобой во дворце дожидаться. Ведь цветы-то к празднику нужны.

Падчерица. Никогда не слыхала, чтобы зимой цветы в лесу росли... Да разве разглядишь что в такую темень?

Дочка (*жуя пирожок*). А ты пониже наклоняйся да получше гляди.

Падчерица. Не пойду я!

Дочка. Как это — не пойдёшь?

Падчерица. Неужели вам меня совсем-совсем не жалко? Не вернуться мне из лесу.

Дочка. А что же — мне вместо тебя в лес идти?

Падчерица (*опустив голову*). Да ведь не мне золото нужно.

Старуха. Понятно, тебе ничего не нужно. У тебя всё есть, а чего нет, то у мачехи да у сестры найдётся!

Дочка. Она у нас богатая, от целой корзины золота отказывается! Ну, пойдёшь или не пойдёшь? Отвечай прямо — не пойдёшь? Где моя шубейка? (*Со слезами в голосе.*) Пусть она здесь у печки греется, пироги ест, а я до полуночи по лесу ходить буду, в сугробах вязнуть... (*Срывает с крючка шубку и бежит к дверям.*)

Старуха (*хватает её за полу*). Ты куда? Кто тебе позволил? Садись на место, глупая! (*Падчерице.*) А ты — платок на голову, корзину в руки и ступай. Да смотри у меня: если узнаю, что ты у соседей где-нибудь просидела, в дом не пущу — замерзай на дворе!

Дочка. Иди и без подснежников не возвращайся!

Падчерица закутывается в платок, берёт корзинку и уходит.
Молчание.

Старуха (*оглянувшись на дверь*). И дверь-то за собой как следует не прихлопнула. Дует как! Прикрой дверь хорошенько, доченька, и собирай на стол. Ужинать пора.

Лес. На землю падают крупные хлопья снега. Густые сумерки. Падчерица пробирается через глубокие сугробы. Кутается в рваный платок. Дует на замёрзшие руки. В лесу всё больше и больше темнеет. С верхушки дерева шумно падает ком снега.

Падчерица (*вздрагивает*). Ох, кто там? (*Оглядывается.*) Снеговая шапка упала, а мне уж почудилось, будто на меня кто с дерева прыгнул... А кому быть здесь в такую пору? Звери и те по своим норам попрятались. Одна я в лесу... (*Пробирается дальше. Спотыкается, запутывается в буреломе, останавливается.*) Не пойду дальше. Тут и останусь. Всё равно, где замерзать. (*Садится на поваленное дерево.*) Темно-то как! Рук своих не разглядишь. И не знаю, куда я зашла. Ни вперёд, ни назад дороги не найти. Вот и пришла моя смерть. Мало я хорошего в жизни видела, а всё-таки страшно помирать... Разве закричать, на помощь позвать? Может, услышит кто — лесник, или дровосек за подалый, или охотник какой? Ау! Помогите! Ау! Нет, никто не отзывается. Что же мне делать? Так и сидеть здесь, покуда конец не придёт? А ну как волки набегут? Ведь они издали человека чуют. Вон там хрустнуло что-то, будто крадётся кто. Ой, боюсь! (*Подходит к дереву, смотрит на толстые, узловатые, покрытые снегом ветви.*) Взобраться, что ли? Там они меня не достанут. (*Взбирается на одну из ветвей и усаживается в развилине. Начинает дремать.*)

На дереве появляется Белка и сбрасывает на Падчерицу шишку.

Белка. Не спи — замёрзнешь!

Падчерица. Что такое? Кто это сказал? Кто здесь, кто? Нет, видно, послышалось мне. Просто шишка с дерева упала и разбудила меня. А мне что-то хорошее приснилось, и теплее даже стало. Что же это мне приснилось? Не вспомнишь сразу. Ах, вон оно что! Будто мать моя по дому с лампой идёт и огонёк прямо мне в глаза светит. (*Поднимает голову, стряхивает рукой снег с ресниц.*) А ведь и правда что-то светится — вон

там, далеко... А вдруг это волчьи глаза? Да нет, волчьи глаза зелёные, а это золотой огонёк. Так и дрожит, так и мерцает, будто звёздочка в ветвях запуталась... Побегу! (*Соскакивает с ветки.*) Всё ещё светится. Может, тут и в самом деле избушка лесника недалеко или дровосеки огонь развели. Идти надо. Надо идти. Ох, ноги не идут, окоченели совсем! (*Идёт с трудом, проваливаясь в сугробы, перебираясь через бурелом и поваленные стволы.*) Только бы огонёк не погас!.. Нет, он не гаснет, он всё ярче горит. И дымком тёплым как будто запахло. Неужто костёр? Так и есть. Чудится мне или нет, а слышу я, как хворост на огне потрескивает. (*Идёт дальше, раздвигая и приподнимая лапы густых высоких елей.*)

Всё светлее и светлее становится вокруг. Красноватые отблески перебегают по снегу, по ветвям. И вдруг перед Падчерицей открывается небольшая круглая поляна, посреди которой жарко пылает высокий костёр. Вокруг костра сидят люди, кто поближе к огню, кто подальше. Их двенадцать: трое старых, трое пожилых, трое молодых, а последние трое — совсем ещё юноши. Молодые сидят у самого огня, старики — поодаль. На двух стариках белые длинные шубы, мохнатые белые шапки, на третьем — белая шуба с чёрными полосами и на шапке чёрная опушка. Один из пожилых — в золотисто-красной, другой — в ржаво-коричневой, третий — в бурой одежде. Остальные шестеро — в зелёных, разного оттенка кафтанах, расшитых цветными узорами. У одного из юношей поверх зелёного кафтана шубка внакидку, у другого — шубка на одном плече. Падчерица останавливается между двух ёлок и, не решаясь выйти на поляну, прислушивается к тому, о чём говорят двенадцать братьев, сидящих у костра.

Январь (*бросая в огонь охапку хвороста*).

Гори, гори ярче —
Лето будет жарче,
А зима теплее,
А весна милее.

Все месяцы.

Гори, гори ясно,
Чтобы не погасло!

«Двенадцать месяцев». Кадр из мультфильма. Реж. И. Иванов-Вано. 1956

И ю н ь.

Гори, гори с треском!
Пусть по перелескам
Где сугробы лягут,
Будет больше ягод.

М а й.

Пусть несут в колоду
Пчёлы больше мёду.

И ю л ь.

Пусть в полях пшеница
Густо колосится.

В с е м е с я ц ы.

Гори, гори ясно,
Чтобы не погасло!

Падчерица сначала не решается выйти на поляну, потом, набравшись смелости, медленно выходит из-за деревьев. Двенадцать братьев, замолчав, поворачиваются к ней.

Размышляем о прочитанном

1. Вы прочитали лишь избранные картины. Постарайтесь прочитать всю пьесу — драматическую сказку и ответить на вопрос, о чём эта сказка, или кратко пересказать её содержание.
2. Кто герои этой сказки? Напоминают ли они героев народных сказок? Какие герои этой пьесы часто встречаются в народных сказках? Какие герои явно литературные, не фольклорные?
3. Расскажите о каждом из героев этой сказки отдельно.
4. Какие разговоры (диалоги) действующих лиц вам показались смешными? Почему? Подготовьте инсценированное чтение пьесы.

Пьеса — литературное произведение, предназначенное для постановки на сцене театра.

5. С. Я. Маршак писал о сказке: «В хорошей сказке не меньше жизненной правды, чем во всякой другой — хорошей — повести, пьесе или поэме». И ещё: «Чем больше вымысла в сказке, тем достовернее должна быть её основа — характеры действующих лиц, их побуждения и поступки. Если в сказке будет всё сплошь неправдоподобно, вас не удивят в ней самые сногшибательные чудеса и волшебные превращения».
6. Что в пьесе-сказке «Двенадцать месяцев» жизненно, правдиво, а что неправдоподобно, фантастично? Чего достигает автор этим сочетанием фантастического и реального? Кого мы осуждаем, кому сочувствуем, над чем смеёмся?

Проект

Подготовьте постановку нескольких картин из пьесы-сказки на школьной сцене. Определите, кто будет режиссёром, кто — актёрами. Группа художников займётся подготовкой декораций и костюмов. Звукооператоры подберут музыкальное сопровождение. Поэты напишут тексты стихотворных приглашений, а кинооператоры снимут ваш спектакль на видео.

Фонохрестоматия (Слушаем актёрское чтение)))

С. Я. Маршак. «Двенадцать месяцев»

1. Монологи каких действующих лиц вы слышали во фрагменте пьесы? Как их характеризует манера говорить, тон обращения друг к другу?

2. О чём говорится в авторских ремарках? Почему они необходимы в пьесе?
3. Что вы узнали о судьбах Падчерицы и Солдата из их диалога?
4. Каково отношение Падчерицы и Солдата к Королеве? Почему Падчерица жалеет Королеву? Как это передаёт в своём чтении актриса?
5. Как, по-вашему, выглядят братья-месяцы Декабрь и Январь? Помогли ли вам их «увидеть» актёры?
6. Прочитайте монолог братьев, передавая голосом различия в их характерах, возрасте.
7. Как вы думаете, почему в пьесе-сказке персонажи говорят то стихами, то прозой?

Обогащаем свою речь

1. Прочитайте отрывок, помещённый в учебнике, или другие сцены из этой сказки; выберите группы «актёров», жюри и организуйте конкурсное чтение; дайте соревнующимся группам названия театров: МХАТ, Театр им. Моссовета, «Современник» и др.
2. Каков характер Королевы и какие приёмы использует автор, описывая её поведение?

ПРОЧИТАЙТЕ, ЭТО ИНТЕРЕСНО!

Известно, что поэт Александр Трифонович Твардовский был дружен с С. Я. Маршаком, прислушивался к его суждениям, внимательно знакомился с произведениями Маршака, посвящёнными детям. В одной из своих статей «О поэзии Маршака» он пишет: «Мировая литература знает много случаев, когда замечательные произведения, первоначально предназначенные не для детей, становились впоследствии любимыми детскими книгами, например „Дон Кихот“, „Робинзон Крузо“, „Путешествие Гулливера“. Реже случаи, когда произведения, адресованные именно детскому читателю, становились сразу или позднее книгами, в равной степени интересными и для взрослых. Здесь в первую очередь надо назвать сказки Андерсена.

„Двенадцать месяцев“ Маршака — один из таких случаев. По видимости неприятная история, где судьба знакомой

по многим сказкам трудолюбивой и умной девочки-сироты, гонимой и травимой злой мачехой, сказочным образом переkreщается с судьбой её ровесницы — своенравной, избалованной властью девочки-королевы, — вмещает в себя, как это часто бывает в настоящей поэзии, ненароком и такие моменты содержания, которых автор, может быть, и в уме не держал. Таким мотивом звучит в этой пьесе мотив власти, не ведающей себе пределов, положенных даже законами природы, и уверенной, как эта маленькая капризница на троне, что она может в случае надобности издавать свои законы природы...»

Согласны ли вы с этим суждением? Подготовьте рассуждение в ответ на вопрос, приводя цитаты из текста пьесы-сказки.

СКАЗКИ НАРОДНЫЕ И ЛИТЕРАТУРНЫЕ

Сказка... Кажется, само это слово светится и звенит. Звенит серебряным волшебным звоном, как колокольчик тройки, уносящей нас в удивительный мир прекрасных и опасных приключений, фантастических чудес. С детства люди привыкают к тому, что, кроме мира, в котором мы живем, с его каждодневными радостями, печалями, заботами, есть мир сказки, населённый отважными добрыми молодцами, необыкновенно красивыми, мудрыми, верными красными девицами. В садах там растут яблони с золотыми листьями, яблоки с таких деревьев возвращают людям молодость. На ветвях сидят жар-птицы с сияющим, горящим опереньем. Героям в их тяжёлых испытаниях помогают чудесные помощники — мудрый Серый Волк или преданный Сивка-Бурка. Не обходится сказка и без скатерти-самобранки, ковра-самолёта, гуслей-самогудов. Занимательный, часто страшный рассказ о приключениях Ивана-царевича или Василисы Прекрасной настолько увлекает юного слушателя, что он уже и сам воображает себя смелым, сильным, а главное — справедливым и добрым героем волшебной сказки. Он сам готов сражаться против зла и коварства.

Все эти качества русской народной сказки привлекали к себе внимание писателей. И произошло ещё одно чудо: мир

сказки стал намного шире, богаче, многообразнее. Его освоили герои, созданные писательской фантазией. Рядом с Жарптицей поселился Золотой петушок; волшебная щука, которую поймал Емеля, оказалась соседкой золотой рыбки, созданной воображением поэта.

Конечно же, сказки писателей (или литературные сказки) отличаются от народных не только тем, что у них есть автор и неизменяемый текст (вы помните, что народные сказки сказители рассказывали каждый раз по-новому, что-то дополняя, что-то сокращая, что-то изменяя), что в них более увлекательны приключения героев. Сами сказки стали другими по форме. Так, сказки А. С. Пушкина, В. А. Жуковского, П. П. Ершова написаны стихами, что очень редко было в народном творчестве. Стихи эти зарифмованы, в них чётко выдержаны ритм и размер. Это стихотворные волшебные поэмы. Но и прозаические сказки писателей заметно отличаются от народных. Вспомните, к примеру, «Чёрную курицу...» Антония Погорельского. Действие этой сказки происходит не в тридевятом царстве, тридесятом государстве, а в обычном пансионе для мальчиков, в Первой линии Васильевского острова в Петербурге. И герой сказки не Иван-царевич, не богатырь Иван — крестьянский сын, а скромный ученик Алёша, самый обычный мальчик.

Но в этом, таком привычном и узнаваемом мире или совсем рядом с ним оказывается так много сказочно-фантастического, волшебного-чудесного. Причём колдовскими чарами оказывается наделена самая обыкновенная курица Чернушка.

Большинство народных сказок трудно связать с определённым временем. Попробуй сказать, в каком веке жила Василиса Премудрая или в каком году Иван-царевич поймал Жарптицу. Пожалуй, не только год, но и век назвать невозможно. И это естественно, потому что герои сказок жили в особое сказочное время. А где происходили события? Тоже ответить затруднительно: в некотором царстве, в некотором государстве. А вот в литературной сказке нередко можно определить и время, и место происходящих событий достаточно точно. Вы без особого труда сможете представить себе время, в которое жили герои уральских сказов П. П. Бажова, сказок-рассказов

К. Г. Паустовского. А место обычно указывается в тексте произведения.

Народная сказка, как правило, невелика по объёму. Ведь сказитель не может сказывать сказку много часов. У писателя ситуация иная — сказочную повесть (например, «Золотой ключик, или Приключения Буратино» А. Н. Толстого) или сказку-роман («Три толстяка» Ю. К. Олеши) можно читать много дней.

Кроме того, как вы уже знаете, писатели пишут сказки не только для чтения, но и для постановки на сцене.

Вы уже познакомились со сказкой-пьесой С. Я. Маршака «Двенадцать месяцев».

В театре или по телевидению вы наверняка видели пьесы-сказки Е. Л. Шварца, С. В. Михалкова и других писателей — создателей волшебных сказок.

Вот какой удивительный, многообразный, разножанровый мир литературы был создан писателями, продолжающими традиции народной сказки!

Размышляем о прочитанном

1. Вспомните, какие литературные сказки вы читали. Назовите их авторов.
2. Какие из этих сказок можно отнести к сказкам-рассказам, к сказкам-повестям, к сказкам-поэмам?
3. Какие сказки-пьесы вы видели на сцене театра или по телевидению? Назовите авторов этих пьес.
4. Перечитайте свою любимую литературную сказку и подумайте, чем она похожа на фольклорную сказку и чем от неё отличается.

Творческое задание

Напишите сказку о волшебных событиях, которые могли бы произойти в вашем классе.

Андрей Платонович ПЛАТОНОВ

1899–1951

Народ читает книги бережно и медленно. Будучи тружеником, он знает, сколько надо претворить, испытать и пережить действительности, чтобы произошла настоящая мысль и народилось точное, истинное слово.

А. Платонов

Андрей Платонович Платонов (настоящая фамилия Климентов) родился в многодетной, жившей часто на грани нищеты семье слесаря железнодорожных мастерских на рабочей окраине Воронежа, в Ямской слободке. «В Ямской были плетни, огороды, лопуховые пустыри, не дома, а хаты, куры, сапожники и много мужиков на Задонской большой дороге...» На всю жизнь писатель сохранил самые добрые воспоминания о своей учительнице Аполлинарии Николаевне. «Я её никогда не забуду, потому что я через неё узнал, что есть пропетая сердцем сказка про Человека», — писал Платонов в автобиографии. Писательскую свою работу он, как большинство литераторов, начал в провинциальных газетах и журналах.

Как и многие известные прозаики, в начале своего творческого пути был поэтом. В 1922 году была издана книжка его стихов «Голубая глубина». Её заметил известный русский поэт Валерий Яковлевич Брюсов. Первый сборник рассказов Платонова вышел в 1927 году.

Сказки Платонов начал писать уже в конце своей жизни. Одно из его самых последних произведений — мудрая, немного грустная сказка-быль «Неизвестный цветок». Рассказ «Никита» — не сказка, но и в нём есть фантастическое.

Проверьте себя

1. Какие воспоминания сохранил писатель о своей учительнице?
2. Расскажите, что вы узнали о жизни А. П. Платонова.

Никита

Рано утром мать уходила со двора в поле на работу. А отца в семействе не было; отец давно ушёл на главную работу — на войну и не вернулся оттуда. Каждый день мать ожидала, что отец вернётся, а его всё не было и нет.

В избе и на всём дворе оставался хозяином один Никита, пяти лет от роду. Уходя, мать ему наказывала, чтобы Никита не сжёг двора, чтобы он собрал яйца от кур, которые они снесли по закутам и под плетнями, чтобы чужой петух не приходил во двор и не бил своего петуха и чтобы он ел в обед молоко с хлебом на столе, а к вечеру мать вернётся и тогда покормит его горячим ужином.

— Не балуй, Никитушка, отца у тебя нету, — говорила мать. — Ты умный теперь, а тут всё добро наше — в избе и во дворе.

— Я умный, тут добро наше, а отца нету, — говорил Никита. — А ты приходи поскорее, мама, а то я боюсь.

— Чего ты боишься-то? На небе солнце светит, кругом в полях людно, ты не бойся, ты живи смирно один...

— Да, а солнце ведь далече, — отвечал Никита, — и его облако закроет.

Оставшись один, Никита обошёл всю тихую избу — горницу, затем другую комнату, где стояла русская печь, и вышел в сени. В сенях жужжали большие толстые мухи, паук дремал в углу посреди паутины, воробей пришёл пеший через порог и искал себе зёрнышко в жилой земле избы. Всех их знал Никита: и воробьёв, и пауков, и мух, и кур во дворе; они ему уже надоели, и от них ему было скучно. Он хотел теперь узнать то, чего он не знал. Поэтому Никита пошёл далее во двор и пришёл в сарай, где стояла в темноте пустая бочка. В ней, наверно, кто-нибудь жил, какой-нибудь маленький человек; днем он спал, а ночью выходил наружу, ел хлеб, пил воду и думал что-нибудь, а наутро опять прятался в бочку и спал.

— Я тебя знаю, ты там живёшь, — приподнявшись на ногах, сказал Никита сверху в тёмную гулкую бочку, а потом вдобавок постучал по ней кулаком. — Вставай, не спи, лодырь! Чего зимой есть будешь? Иди просо полоть, тебе трудовень дадут!

Никита прислушался. В бочке было тихо. «Помер он, что ль!» — подумал Никита. Но в бочке скрипнула её деревянная снасть, и Никита отошел от греха. Он понял, что, значит, тамошний житель повернулся на бок либо хотел встать и погнаться за Никитой.

Но какой он был — тот, кто жил в бочке? Никита сразу представил его в уме. Это был маленький, а живой человек. Борода у него была длинная, она доставала до земли, когда он ходил ночью, и он нечаянно сметал ею сор и солому, отчего в сарае оставались чистые стёжки.

У матери недавно пропали ножницы. Это он, должно быть, взял ножницы, чтобы обрезать себе бороду.

— Отдай ножницы! — тихо попросил Никита. — Отец придёт с войны — всё одно отымет, он тебя не боится. Отдай!

Бочка молчала. В лесу, далеко за деревней, кто-то ухнул, и в бочке тоже ответил ему чёрным страшным голосом маленький житель: я тут!

Никита выбежал из сарая во двор. На небе светило доброе солнце, облака не застили его сейчас, и Никита в испуге поглядел на солнце, чтобы оно защитило его.

— Там житель в бочке живёт! — сказал Никита, смотря на небо.

Доброе солнце по-прежнему светило на небе и глядело на него в ответ тёплым лицом. Никита увидел, что солнце было похоже на умершего дедушку, который всегда был ласков к нему и улыбался, когда был живой и смотрел на него. Никита подумал, что дедушка стал теперь жить на солнце.

— Дедушка, ты где, ты там живёшь? — спросил Никита. — Живи там, а я тут буду, я с мамой.

За огородом, в зарослях лопухов и крапивы, находился колодец. Из него уже давно не брали воду, потому что в колхозе вырыли другой колодец с хорошей водой.

В глубине того глухого колодца, в его подземной тьме, была видна светлая вода с чистым небом и облаками, идущими под солнцем. Никита наклонился через сруб колодца и спросил:

— Вы чего там?

Он думал, что там живут на дне маленькие водяные люди. Он знал, какие они были, он их видел во сне и, проснувшись, хотел их поймать, но они убежали от него по траве в колодец, в свой дом. Ростом они были с воробья, но толстые, безволосые, мокрые и вредные, они, должно быть, хотели у Никиты выпить глаза, когда он спал.

— Я вам дам! — сказал в колодец Никита. — Вы зачем тут живёте?

Вода в колодце вдруг замутилась, и оттуда кто-то чавкнул пастью. Никита открыл рот, чтобы вскрикнуть, но голос его вслух не прозвучал, он занемел от страха; у него только дрогнуло и приостановилось сердце.

«Здесь ещё великан живет и его дети!» — понял Никита.

— Дедушка! — поглядев на солнце, крикнул он вслух. — Дедушка, ты там?

И Никита побежал назад к дому. У сарая он опомнился. Под плетнёвую стену сарая уходили две земляные норы. Там тоже жили тайные жители. А кто они такие были? Может быть, змеи! Они выползут ночью, приползут в избу и ужалят мать во сне, и мать умрет.

Никита побежал скорее домой, взял там два куска хлеба со стола и принёс их. Он положил у каждой норы хлеб и сказал змеям:

— Змеи, ешьте хлеб, а к нам ночью не ходите.

Никита оглянулся. На огороде стоял старый пенёк. Посмотрев на него, Никита увидел, что это голова че-

ловека. У пня были глаза, нос и рот, и пень молча улыбался Никите.

— Ты тоже тут живёшь? — спросил мальчик. — Вылезай к нам в деревню, будешь землю пахать.

Пень крикнул в ответ, и лицо его стало сердитое.

— Не вылезай, не надо, живи лучше там! — сказал Никита, испугавшись.

Во всей деревне было тихо сейчас, никого не слышать. Мать в поле далеко, до неё добежать не успеешь. Никита ушёл от сердитого пня в сени избы. Там было не страшно, там мать недавно дома была. В избе стало теперь жарко. Никита хотел испить молока, что оставила ему мать, но, посмотрев на стол, он заметил, что стол — это тоже человек, только на четырёх ногах, а рук у него нету.

Никита вышел в сени на крыльцо. Вдалеке за огородом и колодцем стояла старая баня. Она топилась по-чёрному, и мать говорила, что в ней дедушка любил купаться, когда ещё живым был.

Банька была старая и омшелая¹ вся, скучная избушка.

«Это бабушка наша, она не померла, она избушкой стала! — в страхе подумал Никита о дедушкиной бане. — Ишь, живёт себе, вон у неё голова есть — это не труба, а голова — и рот щербатый в голове. Она нарочно баня, а по правде тоже человек! Я вижу!»

Чужой петух вошёл во двор с улицы. Он был похож по лицу на знакомого худого пастуха с бородкой, который по весне утонул в реке, когда хотел переплыть её в половодье, чтобы идти гулять на свадьбу в чужую деревню.

Никита порешил, что пастух не захотел быть мёртвым и стал петухом; значит, петух этот — тоже человек, только тайный. Везде есть люди, только кажутся они не людьми.

Никита наклонился к жёлтому цветку. Кто он был? Вглядевшись в цветок, Никита увидел, как постепенно

¹ Омшелая — поросшая мхом.

в круглом его личике являлось человеческое выражение, и вот уже стали видны маленькие глаза, нос и открытый влажный рот, пахнущий живым дыханием.

— А я думал, ты правда цвет! — сказал Никита. — А дай я посмотрю — что у тебя внутри, есть у тебя кишки?

Никита сломал стебель — тело цветка — и увидел в нём молоко.

— Ты маленький ребёнок был, ты мать свою сосал! — удивился Никита.

Он пошёл к старой бане.

— Бабушка! — тихо сказал ей Никита. Но щербатое лицо бабушки гневно ощерилось на него, как на чужого.

«Ты не бабушка, ты другая!» — подумал Никита.

Колья из плетня смотрели на Никиту, как лица многих неизвестных людей. И каждое лицо было незнакомое и не любило его: одно сердито ухмылялось, другое злобно думало что-то о Никите, а третий кол опирался иссохшими руками-ветвями о плетень и собирался вовсе вылезти из плетня, чтобы погнаться за Никитой.

— Вы зачем тут живёте? — сказал Никита. — Это наш двор!

Но незнакомые, злобные лица людей отовсюду неподвижно и зорко смотрели на Никиту. Он глянул на лопухи — они должны быть добрыми. Однако и лопухи сейчас угрюмо покачивали большими головами и не любили его.

Никита лёг на землю и прильнул к ней лицом. Внутри земли гудели голоса, там, должно быть, жили в тесной тьме многие люди, и слышно было, как они карябаются руками, чтобы вылезти оттуда на свет солнца. Никита поднялся в страхе, что везде кто-то живёт и отовсюду глядят на него чужие глаза, а кто не видит его, тот хочет выйти к нему из-под земли, из норы, из чёрной застрехи сарая. Он обернулся к избе. Изба смотрела на него, как проходящая старая тётка из дальней

деревни, и шептала ему: «У-у, непутёвые, нарожали вас на свет — хлеб пшеничный даром жевать».

— Мама, иди домой! — попросил Никита далёкую мать. — Пускай тебе половину трудодня запишут. К нам во двор чужие пришли и живут. Прогони их!

Мать не услышала сына. Никита пошёл за сарай, он хотел поглядеть, не вылезает ли пень-голова из земли; у пня рот большой, он всю капусту на огороде поест, из чего тогда мать будет щи варить зимой?

Никита издали робко посмотрел на пень в огороде. Сумрачное, нелюдимое лицо, обросшее морщинистой корой, неморгающими глазами глянуло на Никиту.

И далеко кто-то, из леса за деревней, громко крикнул:

— Максим, ты где?

— В земле! — глухо отозвался пень-голова.

Никита обернулся, чтобы бежать к матери в поле, но упал. Он занемог от страха; ноги его стали теперь как чужие люди и не слушались его. Тогда он пополз на животе, словно был ещё маленький и не мог ходить.

— Дедушка! — прошептал Никита и посмотрел на доброе солнце на небе.

Облако застило свет, и солнца теперь не было видно.

— Дедушка, иди опять к нам жить!

Дедушка-солнце показался из-за облака, будто дед сразу отвел от своего лица тёмную тень, чтобы видеть своего ослабевшего внука, ползшего по земле. Дед теперь смотрел на него; Никита подумал, что дед видит его, поднялся на ноги и побежал к матери.

Он бежал долго. Он пробежал по пыльной пустой дороге всю деревенскую улицу, потом устал и сел в тени овина на околице.

Никита сел ненадолго. Но он нечаянно опустил голову к земле, уснул и очнулся лишь навечер. Новый пастух гнал колхозное стадо. Никита пошёл было далее, в поле к матери, однако пастух сказал ему, что уже время позднее и мать Никиты давно ушла с поля ко двору.

Дома Никита увидел мать. Она сидела за столом и смотрела, не отводя глаз, на старого солдата, который ел хлеб и пил молоко.

Солдат поглядел на Никиту, потом поднялся с лавки и взял его к себе на руки. От солдата пахло теплом, чем-то добрым и смирным, хлебом и землёй. Никита оробел и молчал.

— Здравствуй, Никита, — сказал солдат. — Ты уж давно позабыл меня, ты грудной ещё был, когда я поцеловал тебя и ушёл на войну. А я-то помню тебя, умирал и помнил.

— Это твой отец домой пришёл, Никитушка, — сказала мать и утёрла передником слёзы с лица.

Никита осмотрел отца — лицо его, руки, медаль на груди и потрогал ясные пуговицы на его рубашке.

— А ты опять не уйдёшь от нас?

— Нет, — произнёс отец. — Теперь уж век буду с тобой вековать. Врага-неприятеля мы погубили, пора о тебе с матерью думать...

Наутро Никита вышел во двор и сказал вслух всем, кто жил во дворе, — и лопухам, и сараю, и кольям в плетне, и пню-голове в огороде, и дедушкиной бане:

— К нам отец пришёл. Он век будет с нами вековать.

Во дворе все молчали: видно, всем стало боязно отца-солдата, и под землёй было тихо, никто не карябался оттуда наружу, на свет.

— Иди ко мне, Никита. Ты с кем там разговариваешь?

Отец был в сарае. Он осматривал и пробовал руками топоры, лопаты, пилу, рубанок, тиски, верстак и разные железки, что были в хозяйстве.

Отделавшись, отец взял Никиту за руку и пошёл с ним по двору, оглядывая — где, что и как стояло, что было цело, а что погнило, что было нужно и что нет.

Никита так же, как вчера, смотрел в лицо каждому существу во дворе, но ныне он ни в одном не увидел тайного человека; ни в ком не было ни глаз, ни носа, ни

«Никита». Худ. В. Куприянов

рта, ни злой жизни. Колья в плетнях были иссохшими толстыми палками, слепыми и мёртвыми, а дедушкина баня была сопревшим домиком, уходящим от старости лет в землю. Никита даже пожалел сейчас дедушкину баню, что она умирает и больше её не будет.

Отец сходил в сарай за топором и стал колоть на дрова ветхий пень на огороде. Пень сразу начал разваливаться, он сотлел насквозь, и его сухой прах дымом поднялся из-под отцовского топора.

Когда пня-голова не стало, Никита сказал отцу:

— А тебя не было, он слова говорил, он был живой. Под землёй у него пузо и ноги есть.

Отец провёл сына домой в избу.

— Нет, он давно умер, — сказал отец. — Это ты хочешь всех сделать живыми, потому что у тебя доброе сердце. Для тебя и камень живой, и на луне покойная бабушка снова живёт.

— А на солнце дедушка! — сказал Никита.

Днём отец стругал доски в сарае, чтобы перестелить заново пол в избе, а Никите он тоже дал работу — выпрямлять молотком кривые гвоздики.

Никита с охотой, как большой, начал работать молотком. Когда он выпрямил первый гвоздь, он увидел в нём маленького доброго человечка, улыбавшегося ему из-под своей железной шапки. Он показал его отцу и сказал ему:

— А отчего другие злые были — и лопух был злой, и пень-голова, и водяные люди, а этот добрый человек?

Отец погладил светлые волосы сына и ответил ему:

— Тех ты выдумал, Никита, их нету, они непрочные, оттого они и злые. А этого гвоздя-человечка ты сам трудом сработал, он и добрый.

Никита задумался.

— Давай всё трудом работать, и все живые будут.

— Давай, сынок, — согласился отец.

Отец верил, что Никита останется добрым на весь свой долгий век.

Размышляем о прочитанном

1. Понравился ли вам рассказ «Никита»? Реальные или фантастические события проходят перед читателем в этом произведении А. П. Платонова?
2. Как объяснить то, что фантазии приходили к Никите, когда уходила мама?
3. Почему Никита старался превратить в людей неодушевлённые предметы?
4. Что проявилось в характере Никиты, какие черты преобладали — доброта, сердечность, злоба, сострадание? Подтвердите свой ответ цитатами из текста рассказа.

А. П. Платонов. «Никита»

1. Почему строения, растения, животные казались Никите тайными людьми?
2. Какие из предметов казались Никите добрыми, какие — злыми? Почему? Как это передаёт актёр, читая разговор Никиты с миром, который его окружает?
3. Почему Никита зовёт дедушку-солнце опять к ним жить?
4. Отец верил, что Никита останется добрым на весь долгий век. Почему он так думал?
5. Подготовьте выразительное чтение эпизода встречи Никиты с отцом, передав чувства, которые переживают мать, отец и Никита.

Совершенствуем свою речь

1. Подготовьте выразительное чтение текста или подробный рассказ о главном герое (на выбор).
2. Объясните значение следующих словосочетаний из текста рассказа:
живи смирно один — *век вековать* —
на небе светило доброе солнце — *трудом сработал* —
тайные жители —
3. Как объяснил отец желание Никиты всех «сделать живыми»?
4. Что значат слова героя: «Давай всё трудом работать, и все живые будут»? Во что верил отец?
5. Какой фрагмент рассказа изображён на иллюстрации? Так ли вы представляли себе этот эпизод? Дайте развёрнутый ответ на этот вопрос.

Виктор Петрович АСТАФЬЕВ

1924–2001

...Думал я, думал, и вышло, что мне надо рассказывать о своих земляках, в первую голову о своих односельчанах, о бабушке и дедушке и прочей родне... Они были интересны мне и любимы мной такими, какие они есть на самом деле.

В. Астафьев

Виктор Петрович Астафьев родился близ Красноярска в крестьянской семье. Рано потерял мать. Около трёх лет жил у бабушки и дедушки. Затем переехал с отцом и мачехой в Игарку, убежал из дому, беспризорничал, поступил в школу на станции Енисей, работал в пригороде Красноярска, участвовал в боях в Великую Отечественную войну, был ранен, потом работал разнорабочим. Позднее он напишет:

«...Масса встреч, масса впечатлений, множество событий, разных, приятных и неприятных, — всё это откладывалось, где-то накапливалось потихоньку, пока не попросилось наружу».

В 1951 году он написал первый рассказ «Гражданский человек». В автобиографии В. П. Астафьев пишет:

«...Я твёрдо знаю одно — заставили писать меня книги и жизнь. Я всегда и всюду много читал, и читал порой в ущерб учебе... Начался я как литератор не в тот вечер, когда сел писать свой первый рассказ, а, видимо, тогда, когда сочинял длинные „лирические“ письма с фронта, когда в госпиталях, в пути и на привалах рассказывал о своих фронтовых товарищах, о разных случаях из своей жизни». В 1953 году в Перми был опубликован первый сборник рассказов Астафьева «До будущей весны».

Проверьте себя

1. Что, по словам самого В. П. Астафьева, заставило его писать?

2. Подготовьте устное сообщение о писателе, используя содержание статьи учебника и произведений В. П. Астафьева, прочитанных вами ранее.

СУДЬБА РАССКАЗА «ВАСЮТКИНО ОЗЕРО»

Судьба рассказа «Васюткино озеро» любопытна. В городе Игарке преподавал когда-то русский язык и литературу Игнатий Дмитриевич Рождественский, известный потом сибирский поэт. Преподавал он, как я теперь понимаю, свои предметы хорошо, заставлял нас «шевелить мозгами» и не слизывать из учебников изложения, а писать сочинения на вольные темы. Вот так он однажды предложил написать нам, пятиклассникам, о том, как прошло лето. А я летом заблудился в тайге, много дней провёл один, и вот обо всём об этом и написал. Сочинение моё было напечатано в рукописном школьном журнале под названием «Жив». Много лет спустя я вспомнил о нём, попробовал восстановить в памяти. Так вот и получилось «Васюткино озеро» — мой первый рассказ для детей.

В. П. Астафьев

Васюткино озеро

Это озеро не отыщешь на карте. Небольшое оно. Небольшое, зато памятное Васютке. Ещё бы! Мала ли честь для тринадцатилетнего мальчишки — озеро, названное его именем! Пускай оно и не велико, не то, что, скажем, Байкал, но Васютка сам нашёл его и людям показал. Да, да, не удивляйтесь и не думайте, что все озёра уже известны и что у каждого есть своё название. Много ещё, очень много в нашей стране безымянных озёр и речек. Потому что велика наша Родина, и сколько по ней ни броди, всё будешь находить что-нибудь новое, интересное.

Рыбаки из бригады Григория Афанасьевича Шадрина — Васюткиного отца — совсем было приуныли. Частые осенние дожди вспучили реку, вода в ней поднялась, и рыба стала плохо ловиться: ушла на глубину.

Холодная изморось и тёмные волны на реке нагоняли тоску. Не хотелось даже выходить на улицу, не то что выплывать на реку. Заспались рыбаки, рассолодели от безделья, даже шутить перестали. Но вот подул с юга тёплый ветер и точно разгладил лица людей. Заскользили по реке лодки с упругими парусами. Ниже и ниже по Енисею спускалась бригада. Но уловы по-прежнему были малы.

— Нету нам нынче фарту, — ворчал Васюткин дедушка Афанасий. — Оскудел батюшко Енисей. Раньше жили, как Бог прикажет, и рыба тучами ходила. А теперь пароходы да моторки всю живность распугали. Придёт время — ерши да пескари и те переведутся, а об омуле, стерляди и осетре только в книжках будут читать.

Спорить с дедушкой — дело бесполезное, потому никто с ним не связывался.

Далеко ушли рыбаки в низовья Енисея и наконец остановились. Лодки вытащили на берег, багаж унесли в избушку, построенную несколько лет назад учёной экспедицией.

Григорий Афанасьевич, в высоких резиновых сапогах с отвёрнутыми голенищами и в сером дождевике, ходил по берегу и отдавал распоряжения.

Васютка всегда немного робел перед большим, неразговорчивым отцом, хотя тот никогда его не обижал.

— Шабаш, ребята! — сказал Григорий Афанасьевич, когда разгрузка кончилась. — Больше кочевать не будем. Так, без толку, можно и до Карского моря дойти.

Он обошёл вокруг избушки, зачем-то потрогал рукой углы и полез на чердак, подправил съехавшие в сторону пластишины корья¹ на крыше. Спустившись по дряхлой лестнице, он тщательно отряхнул штаны, высморкался и разъяснил рыбакам, что избушка подходящая, что в ней можно спокойно ждать осеннюю путину, а пока вести промысел паромами и перемётами. Лодки

¹ Пластишины корья (пласты корья) — слои, или пласты, содранный с деревьев коры, которыми покрыта крыша избушки.

же, неводы, плавные сети и всю прочую снасть надобно как следует подготовить к большому ходу рыбы.

Потянулись однообразные дни. Рыбаки чинили неводы, конопатили лодки, изготавливали якорницы, вязали, смолили.

Раз в сутки они проверяли перемёты и спаренные сети — паромы, которые ставили вдали от берега.

Рыба в эти ловушки попадалась ценная: осётр, стерлядь, таймень, частенько налим, или, как его в шутку называли в Сибири, поселенец. Но это спокойный лов. Нет в нём азарта, лихости и того хорошего, трудового веселья, которое так и рвётся наружу из мужиков, когда они полукилометровым неводом за одну тоню¹ вытаскивают рыбы по нескольку центнеров.

Совсем скучное житьё началось у Васютки. Поиграть не с кем — нет товарищей, сходить некуда. Одно утешало: скоро начнётся учебный год, и мать с отцом отправят его в деревню. Дядя Коляда, старшина рыбосборочного бота, уже учебники новые из города привёз. Днём Васютка нет-нет да и заглянет в них от скуки.

Вечерами в избушке становилосьлюдно и шумно. Рыбаки ужинали, курили, щёлкали орехи, рассказывали были и небылицы. К ночи на полу лежал толстый слой ореховой скорлупы. Трещала она под ногами, как осенний ледок на лужах.

Орехами рыбаков снабжал Васютка. Все ближние кедры он уже обколотил. С каждым днём приходилось забираться всё дальше и дальше в глубь леса. Но эта работа была не в тягость. Мальчишке нравилось бродить. Ходит себе по лесу один, напевает, иногда из ружья пальнёт.

Васютка проснулся поздно. В избушке одна мать. Дедушка Афанасий ушёл куда-то. Васютка поел, полистал учебники, оборвал листок календаря, с радостью отметил, что до первого сентября осталось всего девять дней.

Мать недовольно сказала:

¹ *Одна тоня* — здесь: один улов.

— К ученью надо готовиться, а ты в лесу пропадешь.

— Чего ты, мамка? Орехи кто-то должен добывать? Охота ведь рыбакам пощёлкать вечером.

— «Охота, охота»! Надо орехов, так пусть сами ходят. Привыкли парнишкой помыкать да сорить в избе.

Мать ворчит по привычке, потому что ей не на кого больше ворчать.

Когда Васютка с ружьём на плече и с патронташем на поясе, похожий на коренастого, маленького мужичка, вышел из избы, мать привычно строго напомнила:

— Ты от затесей¹ далеко не отходи — сгинешь. Хлеба взял ли с собой?

— Да зачем он мне? Каждый раз обратно приношу.

— Не разговаривай! На вот краюшку. Не задавит она тебя. Спокон веку так заведено, мал ещё таёжные законы переиначивать.

Тут уж с матерью не поспоришь. Таков старинный порядок: идёшь в лес — бери еду, бери спички.

Васютка покорно сунул краюшку в мешок и поспешил исчезнуть с глаз матери, а то ещё придерётся к чему-нибудь.

Весело насвистывая, шёл он по тайге, следил за пометами на деревьях и думал о том, что, наверное, всякая таёжная дорога начинается с затесей. Сделает человек зарубку на одном дереве, отойдёт немного, ещё топором тукнет, потом ещё. За этим человеком пойдут другие люди; собьют каблуками мох с валежин, притопчут траву, ягоду, отпечатают следы в грязи — и получится тропинка. Лесные тропинки узенькие, извилистые, что морщинки на лбу дедушки Афанасия. Только иные тропинки зарастают со временем, а уж морщинки-то на лице едва ли зарастут.

Склонность к пространным рассуждениям, как у всякого таёжника, появилась и у Васютки. Он ещё долго

¹ *Затеси* — зарубки, отметки на стволах деревьев, которые делаются для того, чтобы не потерять дорогу в тайге.

думал как бы о дороге и о всяких таёжных разностях, если бы не скрипучее кряканье где-то над головой.

«Кра-кра-кра!» — неслось сверху, будто тупой пилой резали крепкий сук.

Васютка поднял голову. На самой вершине старой взлохмаченной ели увидел кедровку. Птица держала в когтях кедровую шишку и орала во всё горло. Ей так же горласто откликались подруги. Васютка не любил этих нахальных птиц. Он снял с плеча ружьё, прицелился и щёлкнул языком, будто на спуск нажал. Стрелять он не стал. Ему уже не раз драли уши за попусту сожжённые патроны. Трепет перед драгоценным «припасом» (так называют сибирские охотники порох и дробь) крепко вбит в сибиряков отроду.

— «Кра-кра!» — передразнил Васютка кедровку и запустил в неё палкой.

Досадно было парню, что не может он долбануть птицу, даром что ружьё в руках. Кедровка перестала кричать, неторопливо ощипалась, задрала голову, и по лесу снова понеслось её скрипучее «кра!».

— Тьфу, ведьма проклятая! — выругался Васютка и пошёл.

Ноги мягко ступали по мху. На нём там и сям валялись шишки, попорченные кедровками. Они напоминали комочки сотов. В некоторых отверстиях шишек, как пчёлки, торчали орехи. Но пробовать их бесполезно. Удивительно чуткий клюв у кедровки: пустые орехи птица даже не вынимает из гнездышка. Васютка поднял одну шишку, осмотрел её со всех сторон и покачал головой:

— Эх, и пакость же ты!

Бранился Васютка так: для солидности. Он ведь знал — кедровка — птица полезная: она разносит по тайге семена кедра.

Наконец Васютка облюбывал дерево и полез на него. Намётанным глазом он определил: там, в густой хвое, упрятались целые выводки смолистых шишек. Он принялся колотить ногами по разлапистым веткам кедра. Шишки так и посыпались вниз.

«Васюткино озеро». Худ. Е. Мешков

Васютка слез с дерева, собрал их в мешок. Потом оглядел окружающий лес и облюбовал ещё один кедр.

— Обобью и этот, — сказал он. — Тяжеловато будет, пожалуй, да ничего, донесу.

Вдруг впереди Васютки что-то сильно захлопало. Он вздрогнул от неожиданности и тут же увидел поднимающуюся с земли большую чёрную птицу. «Глухарь!» — догадался Васютка, и сердце его замерло. Стрелял он и уток, и куликов, и куропаток, но глухаря подстрелить ему ещё не доводилось.

Глухарь перелетел через мшистую поляну, вильнул между деревьями и сел на сухостойну. Попробуй подкрадись!

Мальчик стоял неподвижно и не спускал глаз с огромной птицы. Вдруг он вспомнил, что глухаря часто

берут с собакой. Охотники рассказывали, что глухарь, сидя на дереве, с любопытством смотрит вниз, на заливающуюся лаем собаку, а порой и подразнивает её. Охотник тем временем незаметно подходит с тыла и стреляет.

Васютка же, как назло, не позвал с собой Дружка. Обругав себя шёпотом за оплошность, Васютка пал на четвереньки, затаивался, подражая собаке, и стал осторожно продвигаться вперёд. От волнения голос у него прерывался. Глухарь замер, с любопытством наблюдая эту интересную картину. Мальчик расцарапал себе лицо, порвал телогрейку, но ничего этого не замечал. Перед ним наяву глухарь!

...Пора! Васютка быстро встал на одно колено и попытался с маху посадить на мушку забеспокоившуюся птицу. Наконец унялась дрожь в руках, мушка перестала плясать, кончик её задел глухаря... тр-рах! — и чёрная птица, хлопая крыльями, повалилась вниз. Не коснувшись земли, она выправилась и полетела в глубь леса.

«Ранил!» — встрепенулся Васютка и бросился за подбитым глухарём.

Только теперь он догадался, в чём дело, и начал беспощадно корить себя:

— Мелкой дробью грохнул. А что ему мелкой-то? Он чуть не с Дружка!..

Птица уходила небольшими перелётами. Они становились всё короче и короче. Глухарь слабел. Вот он уже, не в силах поднять грузное тело, побежал.

«Теперь всё — догоню!» — уверенно решил Васютка и припустил сильнее. До птицы оставалось совсем недалеко.

Быстро скинув с плеча мешок, Васютка поднял ружьё и выстрелил. В несколько прыжков очутился возле глухаря и упал на него животом.

— Стоп, голубчик, стоп! — радостно бормотал Васютка. — Не уйдёшь теперь! Ишь какой прыткий! Я, брат, тоже бегаю — будь здоров!

Васютка с довольной улыбкой гладил глухаря, любясь чёрными с голубоватым отливом перьями. Потом взвесил на руке. «Килограммов пять будет, а то и полпуда, — прикинул он и сунул птицу в мешок. — Побегу, а то мамка наподдаст по загривку».

Думая о своей удаче, Васютка, счастливый, шёл по лесу, насвистывая, пел, что на ум приходило.

Вдруг он спохватился: где же затеси? Пора уж им быть.

Он посмотрел кругом. Деревья ничем не отличались от тех, на которых были сделаны зарубки. Лес стоял неподвижно тихий в своей унылой задумчивости, такой же редкий, полуголый, сплошь хвойный. Лишь кое-где виднелись хилые берёзки с редкими жёлтыми листьями. Да, лес был такой же. И всё же от него веяло чем-то чужим...

Васютка круто повернул назад. Шёл он быстро, внимательно приглядываясь к каждому дереву, но знакомых зарубок не было.

— Фу ты, чёрт! Где же затеси? — сердце у Васютки сжалось, на лбу выступила испарина. — Всё этот глухарина! Понёсся, как леший, теперь вот думай, куда идти, — заговорил Васютка вслух, чтобы отогнать подступающий страх. — Ничего, сейчас посоображаю и найду дорогу. Та-ак... Почти голая сосна у ели — значит, в ту сторону север, а где ветвей больше — юг. Та-ак...

После этого Васютка пытался припомнить, на какой стороне деревьев сделаны зарубки старые и на какой — новые. Но этого-то он и не заметил. Затеси и затеси.

— Эх, дубина!

Страх начал давить ещё сильнее. Мальчик снова заговорил вслух:

— Ладно, не робей. Найдём избушку. Надо идти в одну сторону. На юг надо идти. У избушки Енисей поворот делает, мимо никак не пройдёшь. Ну вот, всё в порядке, а ты, чудак, боялся! — хохотнул Васютка и бодро скомандовал себе: — Шагом арш! Эть, два!

Но бодрости хватило ненадолго. Затесей всё не было и не было. Порой мальчику казалось, что он ясно видит их на тёмном стволе. С замирающим сердцем бежал он к дереву, чтобы пощупать рукой зарубку с капельками смолы, но вместо неё обнаруживал шершавую складку коры. Васютка уже несколько раз менял направление, высыпал из мешка шишки и шагал, шагал...

В лесу сделалось совсем тихо. Васютка остановился и долго стоял прислушиваясь. Тук-тук-тук, тук-тук-тук — билось сердце. Потом напряжённый до предела слух Васютки уловил какой-то странный звук. Где-то слышалось жужжание. Вот оно замерло и через секунду снова донеслось, как гудение далёкого самолета. Васютка нагнулся и увидел у ног своих истлевшую тушку птицы. Опытный охотник — паук растянул над мёртвой птичкой паутину. Паука уже нет — убрался, должно быть, зимовать в какое-нибудь дупло, а ловушки бросил. Попалась в него сытая, крупная муха-плевок и бьётся, бьётся, жужжит слабеющими крыльями. Что-то начало беспокоить Васютку при виде беспомощной мухи, влипшей в тенета. И тут его будто стукнуло: да ведь он заблудился!

Открытие было настолько простым и потрясающим, что Васютка не сразу пришёл в себя.

Он много раз слышал от охотников страшные рассказы о том, как блуждают люди в лесу и погибают иногда, но представлял это совсем не так. Уж очень просто всё получилось. Васютка ещё не знал, что страшное в жизни часто начинается очень просто.

Оцепенение длилось до тех пор, пока Васютка не услышал какой-то таинственный шорох в глубине потемневшего леса. Он вскрикнул и бросился бежать. Сколько раз он спотыкался, падал, вставал и снова бежал, Васютка не знал. Наконец он заскочил в бурелом и начал с треском продираться сквозь сухие колючие ветви. Потом упал с валежин лицом вниз в сырой мох и замер. Отчаяние охватило его, и сразу не стало сил. «Будь что будет», — отрешённо подумал он.

В лес бесшумно, как сова, прилетела ночь. А с нею и холод. Васютка чувствовал, как стынет взмокшая от пота одежда.

«Тайга, наша кормилица, хлипких не любит!» — вспомнились ему слова отца и дедушки. И он стал припоминать всё, чему его учили, что знал из рассказов рыбаков и охотников. Перво-наперво надо развести огонь. Ладно, что спички захватил из дому.

Васютка обломал нижние сухие ветки у дерева, ощупью сорвал пучок сухого мха-бородача, искрошил мелко сучки, сложил всё в кучу и поджёг. Огонёк, покачиваясь, неуверенно пополз по сучкам. Мох вспыхнул — вокруг посветлело. Васютка подбросил ещё веток. Между деревьями зашарахались тени, темнота отступила подальше. Монотонно зудя, на огонь налетело несколько комаров — веселее с ними.

Надо было запастись на ночь дровами. Васютка, не щадя рук, наломал сучьев, приволок сухую валежину, выворотил старый пенёк. Вытащив из мешка краюшку хлеба, вздохнул и с тоской подумал: «Плачет, поди, мамка». Ему тоже захотелось плакать, но он переборол себя и, ощипав глухаря, начал перочинным ножиком потрошить его. Потом сгреб костёр в одну сторону, на горячем месте выкопал ямку и положил туда птицу. Плотно закрыл её мхом, присыпал горячей землёй, золой, углями, сверху положил пылающие головни и подбросил дров.

Через час примерно он раскопал глухаря. От птицы шёл пар и аппетитный запах: глухарь упрел в собственном соку — охотничье блюдо! Но без соли какой же вкус! Васютка через силу глотал пресное мясо.

— Эх, дурило, дурило! Сколько этой соли в бочках на берегу! Что стоило горсточку в карман сыпануть! — укорял он себя.

Потом он вспомнил, что мешок, который он взял для шишек, был из-под соли, и торопливо вывернул его. Из уголков мешка он выковырял щепотку грязных кристалликов, раздавил их на прикладе ружья и через силу улыбнулся.

— Живём!

Поев, Васютка сложил остатки еды в мешок, повесил его на сук, чтобы мыши или кто-нибудь ещё не добрался до харчей, и принялся готовить место для ночлега.

Он перенёс в сторону костёр, убрал все угольки, сбросил веток с хвоей, мху и лёг, накрывшись телогрейкой.

Снизу подогревалось.

Занятый хлопотами, Васютка не так остро чувствовал одиночество. Но стоило лечь и задуматься, как тревога начала одолевать с новой силой. Заполярная тайга не страшна зверьём. Медведь здесь редкий житель. Волков нет. Змей — тоже. Бывает, встречаются рыси и блудливые песцы. Но осенью корма для них полно в лесу, и едва ли они могли позариться на Васюткины запасы. И всё-таки было жутко. Он зарядил одноствольную переломку, взвёл курок и положил ружьё рядом. Спать!

Не прошло и пяти минут, как Васютка почувствовал, что к нему кто-то крадётся. Он открыл глаза и замер: да, крадётся! Шаг, второй, шорох, вздох... Кто-то медленно и осторожно идёт по мху. Васютка боязливо поворачивает голову и неподалеку от костра видит что-то тёмное, большое. Сейчас оно стоит, не шевелится.

Мальчик напряжённо вглядывается и начинает различать вздутые к небу не то руки, не то лапы. Васютка не дышит: «Что это?» В глазах от напряжения рябит, нет больше сил сдерживать дыхание. Он вскакивает, направляет ружьё на это тёмное:

— Кто такой? А ну подходи, не то садану картечью!

В ответ ни звука. Васютка ещё некоторое время стоит неподвижно, потом медленно опускает ружьё и облизывает пересохшие губы. «В самом деле, что там может быть?» — мучается он и ещё раз кричит:

— Я говорю, не прячься, а то хуже будет!

Тишина. Васютка рукавом утирает пот со лба и, набравшись храбрости, решительно направляется в сторону тёмного предмета.

— Ох, окаянный! — облегчённо вздыхает он, увидев перед собой огромный корень-выворотень. — Ну и трус же я! Чуть ума не лишился из-за этакой чепухи.

Чтобы окончательно успокоиться, он отламывает отростки от корневища и несёт их к костру.

Коротка августовская ночь в Заполярье. Пока Васютка управился с дровами, густая, как смоль, темнота начала редеть, прятаться в глубь леса. Не успела она ещё совсем рассеяться, а на смену ей уже выполз туман. Стало холоднее. Костёр от сырости зашипел, защёлкал, принялся чихать, будто сердился на волглую пелену, окутавшую всё вокруг. Комары, надоедавшие всю ночь, куда-то исчезли. Ни дуновения, ни шороха.

Всё замерло в ожидании первого утреннего звука. Что это будет за звук — неизвестно. Может быть, робкий свист пичужки или лёгкий шум ветра в вершинах бородастых елей и корявых лиственниц, может, застучит по дереву дятел или протрубит дикий олень.

Что-то должно родиться из этой тишины, кто-то должен разбудить сонную тайгу. Васютка зябко поежился, придвинулся ближе к костру и крепко заснул, так и не дождавшись утренней весточки.

Солнце было уже высоко. Туман росой пал на деревья, на землю, мелкая пыль искрилась всюду.

«Где это я?» — изумлённо подумал Васютка. И, окончательно проснувшись, услышал оживлённую тайгу.

По всему лесу озабоченно кричали кедровки на манер базарных торговок. Где-то по-детски заплакала желна. Над головой Васютки, хлопотливо попискивая, потрошили синички старое дерево. Васютка встал, потянулся и спугнул кормившуюся белку. Она, всполошённо цокая, пронеслась вверх по стволу ели, села на сучок и, не переставая цокать, уставилась на Васютку.

— Ну, чего смотришь? Не узнала? — с улыбкой обратился к ней Васютка.

Белка пошевелила пушистым хвостиком.

— А я вот заблудился. Понёсся сдуру за глухарём и заблудился. Теперь меня по всему лесу ищут, мам-

ка ревёт... Не понимаешь ты ничего, толкуй с тобой! А то бы сбегала, сказала нашим, где я. Ты вон какая проворная! — Он помолчал и махнул рукой: — Убирайся давай, рыжая, стрелять буду!

Васютка вскинул ружьё и выстрелил в воздух. Белка, будто пушинка, подхваченная ветром, метнулась и пошла считать деревья.

Проводив её взглядом, Васютка выстрелил ещё раз и долго ждал ответа. Тайга не откликнулась. По-прежнему надоедливо, вразнобой горланили кедровки, неподалеку трудился дятел да пощёлкивали капли росы, осыпаясь с деревьев.

Патронов осталось десять штук. Стрелять Васютка больше не решил. Он снял телогрейку, кепку и, поплевав на руки, полез на дерево...

Тайга... Тайга... Без конца и края тянулась она во все стороны, молчаливая, равнодушная. С высоты она казалась огромным тёмным морем. Небо не обрывалось сразу, как это бывает в горах, а тянулось далеко-далеко, всё ближе прижимаясь к вершинам леса. Облака над головой были редкие, но чем дальше смотрел Васютка, тем они делались гуще, и наконец голубые проёмы исчезли совсем. Облака спрессованной ватой ложились на тайгу, и она растворялась в них.

Долго Васютка отыскивал глазами жёлтую полосу лиственника среди неподвижного зелёного моря (лиственничный лес обычно тянется по берегам реки), но кругом темнел сплошной хвойник. Видно, Енисей и тот затерялся в глухой, угрюмой тайге. Маленьким-маленьким почувствовал себя Васютка и закричал с тоской и отчаянием:

— Э-эй, мамка! Папка! Дедушка! Заблудился я!..

Голос его пролетел немного над тайгой и упал невесомо — кедровой шишкой на мох.

Медленно спустился Васютка с дерева, задумался, да так и просидел с полчаса. Потом встряхнулся, отрезал мяса и, стараясь не смотреть на маленькую краюшку хлеба, принялся жевать. Подкрепившись, он собрал

кучу кедровых шишек, размял их и стал насыпать в карманы орехи. Руки делали своё дело, а в голове решался вопрос, один-единственный вопрос: «Куда идти?» Вот уже и карманы полны орехов, патроны проверены, к мешку вместо лямки приделан ремень, а вопрос всё ещё не решён. Наконец Васютка забросил мешок за плечо, постоял минутку, как бы прощаясь с обжитым местом, и пошёл строго на север. Рассудил он просто: в южную сторону тайга тянется на тысячи километров, в ней все затеряешься. А если идти на север, то километров через сто лес кончится, начнётся тундра. Васютка понимал, что выйти в тундру — это ещё не спасение. Поселения там очень редки. Но ему хотя бы выбраться из лесу, который загораживает свет и давит своей угрюмостью.

Погода держалась всё ещё хорошая. Васютка боялся и думать о том, что с ним будет, если разбухнет осень. По всем признакам ждать этого осталось недолго.

Солнце пошло на закат, когда Васютка заметил среди однообразного мха тощие стебли травы. Он прибавил шагу. Трава стала попадаться чаще, и уже не отдельными былинками, а пучками. Васютка заволновался: трава растёт обычно вблизи больших водоёмов. «Неужели впереди Енисей?» — с наплывающей радостью думал Васютка. Заметив меж хвойных деревьев берёзки, осинки, а дальше мелкий кустарник, он не сдержался, побежал и скоро ворвался в густые заросли черёмушника, ползучего тальника, смородинника. Лицо и руки жалила крапива, но Васютка не обращал на это внимания и, защищая рукой глаза от гибких ветвей, с треском продирался вперёд. Меж кустов мелькнул просвет.

Впереди берег... Вода! Не веря своим глазам, Васютка остановился. Так он простоял некоторое время и почувствовал, что ноги его вязнут. Болото! Болота чаще всего бывают у берегов озёр. Губы Васютки задрожали: «Нет, неправда! Бывают болота возле Енисея тоже». Несколько прыжков через чащу, крапиву, кусты — и вот он на берегу.

Нет, это не Енисей. Перед глазами Васютки небольшое унылое озеро, подёрнутое у берегов ряской.

Васютка лёг на живот, отгреб рукой зелёную кашицу ряски и жадно припал губами к воде. Потом он сел, усталым движением снял мешок, начал было вытирать кепкой лицо и вдруг, вцепившись в неё зубами, навзрыд расплакался.

Заночевать решил Васютка на берегу озера. Он выбрал посуше место, натаскал дров, развёл огонь. С огоньком всегда веселее, а в одиночестве тем более. Обжарив на костре шишки, Васютка одну за другой выкатал их из золы палочкой, как печёную картошку. От орехов уже болел язык, но он решил: пока хватит терпения, не трогать хлеб.

Опускался вечер. Сквозь густые прибрежные заросли на воду падали отблески заката, тянулись живыми струями в глубину и терялись там, не достигая дна. Прощаясь с днём, кое-где с грустью тенькали синички, плакала сойка, стонали гагары. И всё-таки у озера было куда веселее, чем в гуще тайги. Но здесь ещё сохранилось много комаров. Они начали донимать Васютку. Отмахиваясь от них, мальчик внимательно следил за ныряющими на озере утками. Они были совсем не пуганы и плавали возле самого берега с хозяйским покрякиванием. Уток было множество. Стрелять по одной не было никакого расчёта. Васютка, прихватив ружьё, отправился на мысок, вдававшийся в озеро, и сел на траву. Рядом с осокой, на гладкой поверхности воды, то и дело расплывались круги. Это привлекло внимание мальчика. Васютка взглянул в воду и замер: около травы, плотно, одна к другой, пошевеливая жабрами и хвостами, копошились рыбы. Рыбы было так много, что Васютку взяло сомнение: «Водоросли, наверное?» Он потрогал траву палкой. Косячки рыбы подались от берега и снова остановились, лениво работая плавниками.

Столько рыбы Васютка ещё никогда не видел. И не просто какой-нибудь озёрной рыбы — щуки там, сороги

или окуня, — нет, по широким спинам и белым бокам он узнал пелядей, чиров, сигов. Это было удивительнее всего. В озере — белая рыба!

Васютка сдвинул густые брови, сию минуту что-то припомнить. Но в это время табун уток-свиязей отвлек его от размышлений. Он подождал, пока утки поравняются с мысом, выделил пару и выстрелил. Две нарядные свиязи опрокинулись кверху брюшками и часто-часто задвигали лапками. Ещё одна утка, оттопырив крыло, боком уплывала от берега. Остальные всполошились и с шумом полетели на другую сторону озера. Минут через десять над водой носились табуны перепуганных птиц.

Пару подбитых уток мальчик достал длинной палкой, а третья успела уплыть далеко.

— Ладно, завтра достану!

Небо уже потемнело, в лес опускались сумерки. Середина озера напоминала сейчас раскалённую печку. Казалось, положи на гладкую поверхность воды ломтики картошки, они мигом испекутся, запахнет горелым и вкусным. Васютка проглотил слюну, ещё раз поглядел на озеро, на кроваvistое небо и с тревогой проговорил:

— Ветер завтра будет. А вдруг ещё с дождём?

Он ощипал уток, зарыл их в горячие угли костра, лёг на пихтовые ветки и начал щёлкать орехи.

Заря догорала. В потемневшем небе стыли редкие неподвижные облака. Начали прорезаться звёзды. Показался маленький, похожий на ноготок, месяц. Стало светлее. Васютка вспомнил слова дедушки: «Вызвездило — к холоду!» — и на душе у него сделалось ещё тревожнее.

Чтобы отогнать худые мысли, Васютка старался думать сначала о доме, а потом ему вспомнилась школа, товарищи.

Васютка дальше Енисея ещё нигде не бывал и видел только один город — Игарку.

А много ли в жизни хотелось узнать и увидеть Васютке? Много. Узнает ли? Выберется ли из тайги? За-

терялся в ней, точно песчинка. А что теперь дома? Там, за тайгой, люди словно в другом мире: смотрят кино, едят хлеб... Может, даже конфеты. Едят сколько угодно. В школе сейчас, наверное, готовятся встречать учеников. Над школьными дверями уже вывешен новый плакат, на котором крупно написано: «Добро пожаловать!»

Совсем приуныл Васютка. Жалко ему самого себя стало, начало донимать раскаяние. Не слушал вот он на уроках и в перемену чуть не на голове ходил...

— Эх, сейчас бы учительницу Ольгу Фёдоровну увидеть... — думал Васютка вслух.

Устал Васютка за день, но сон не шёл. Он подбросил в костёр дров, снова лёг на спину. Облака исчезли. Далекие и таинственные, перемигивались звёзды, словно звали куда-то. Вот одна из них ринулась вниз, прочертила небо и растаяла. «Погасла звёздочка — значит, чья-то жизнь оборвалась», — вспомнил Васютка слова дедушки Афанасия.

Совсем горько стало Васютке.

«Может быть, увидели её наши?» — подумал он, натягивая на лицо телогрейку, и вскоре забылся беспокойным сном.

Проснулся Васютка поздно, от холода, и не увидел ни озера, ни неба, ни кустов. Опять кругом был клейкий, неподвижный туман. Только слышались с озера громкие и частые шлепки: это играла и кормилась рыба.

Васютка встал, поёжился, раскопал уток, раздул угольки. Когда костёр разгорелся, он прогрел спину, потом отрезал кусочек хлеба, взял одну утку и принялся торопливо есть. Мысль, которая вчера вечером беспокоила Васютку, снова полезла в голову: «Откуда в озере столько белой рыбы?» Он не раз слышал от рыбаков, что в некоторых озёрах будто бы водится белая рыба, но озёра эти должны быть или были когда-то проточными. «А что, если?..»

Да, если озеро проточное и из него вытекает речка, она в конце концов приведёт его к Енисею. Нет, луч-

ше не думать. Вчера вон обрадовался — Енисей, Енисей, — а увидел шиш болотный. Не-ет, уж лучше не думать.

Покончив с уткой, Васютка ещё полежал у огня, пережидая, когда уляжется туман. Веки склеивались. Но и сквозь тягучую, унылую дремоту пробивалось: «Откуда всё же взялась в озере речная рыба?»

— Тьфу, нечистая сила! — выругался Васютка. — Привязалась, как банный лист. «Откуда, откуда?» Ну, может, птицы икру на лапах принесли, ну, может, и мальков, ну, может... А, к лешакам всё! — Васютка вскочил и, сердито треща кустами, натыкаясь в тумане на валежины, начал пробираться вдоль берега. Вчерашней убитой утки на воде не обнаружил, удивился и решил, что её коршун утащил или съели водяные крысы.

Васютке казалось, что в том месте, где смыкаются берега, и есть конец озера, но он ошибся. Там был лишь перешеек. Когда туман растворился, перед мальчиком открылось большое, мало заросшее озеро, а то, возле которого он ночевал, было всего-навсего заливом — отголоском озера.

— Вот это да! — ахнул Васютка. — Вот где рыбищито, наверно... Уж здесь не пришлось бы зря сетями воду цедить. Выбраться бы, рассказать бы. — И, подбадривая себя, он прибавил: — А что? И выйду! Вот пойду, пойду и...

Тут Васютка заметил небольшой комочек, плавающий у перешейка, подошел поближе и увидел подбитую утку. Он-таки обомлел: «Неужели моя? Как же её принесло сюда?!» Мальчик быстро выломал палку и подгреб птицу к себе. Да, это была утка-связь с окрашенной в вишнёвый цвет головкой.

— Моя! Моя! — в волнении забормотал Васютка, бросая утку в мешок. — Моя уточка! — Его даже лихорадить начало. — Раз ветра не было, а утку отнесло, значит, есть тягун, озеро проточное!

И радостно, и как-то боязно было верить в это. Торопливо переступая с кочки на кочку, через бурелом,

густые ягодники проридился Васютка. В одном месте почти из-под ног взметнулся здоровенный глухарь и сел неподалёку. Васютка показал ему кукиш:

— А этого не хочешь? Провалиться мне, если я ещё свяжусь с вашим братом!

Поднимался ветер.

Качнулись, закрипели отжившие свой век сухие деревья. Над озером заполошной стаей закружились поднятые с земли и сорванные с деревьев листья. Застонали гагары, вещая непогоду. Озеро подёрнулось морщинами, тени на воде заколыхались, облака прикрыли солнце, вокруг стало хмуро, неуютно.

Далеко впереди Васютка заметил входящую в глубь тайги жёлтую бороздку лиственного леса. Значит, там речка. От волнения у него пересохло в горле. «Опять какая-нибудь кишка озёрная. Мерещится, и всё», — засомневался Васютка, однако пошёл быстрее. Теперь он даже боялся остановиться попить: что, если наклонится к воде, поднимет голову и не увидит впереди яркой бороздки?

Пробежав с километр по едва приметному бережку, заросшему камышом, осокой и мелким кустарником, Васютка остановился и перевёл дух. Заросли сошли на нет, а вместо них появились высокие обрывистые берега.

— Вот она, речка! Теперь уж без обмана! — обрадовался Васютка.

Правда, он понимал, что речушки могут впадать не только в Енисей, но и в какое-нибудь другое озеро, но он не хотел про это думать. Речка, которую он так долго искал, должна привести его к Енисею, иначе... он обессилеет и пропадёт. Вон, с чего-то тошнит...

Чтобы заглушить тошноту, Васютка на ходу срывал гроздь красной смородины, совал их в рот вместе со стебельками. Рот сводило от кислоты и щипало язык, расцарапанный ореховой скорлупой.

Пошёл дождь. Сначала капли были крупные, редкие, потом загустело кругом, полилось, полилось... Васютка

приметил пихту, широко разросшуюся среди мелкого осинника, и залёг под неё. Не было ни желания, ни сил шевелиться, разводить огонь. Хотелось есть и спать. Он отковырнул маленький кусочек от чёрствой краюшки и, чтобы продлить удовольствие, не проглотил его сразу, а начал сосать. Есть захотелось ещё сильнее. Васютка выхватил остатки горбушки из мешка, вцепился зубами и, плохо разжёвывая, съел всю.

Дождь не унимался. От сильных порывов ветра качалась пихта, стряхивая на воротник Васютки холодные капли воды. Они ползли по спине. Васютка скорчился, втянул голову в плечи. Веки его начали смыкаться, будто повесили на них тяжёлые грузила, какие привязывают к рыболовным сетям.

Когда он очнулся, на лес уже опускалась темнота, смешанная с дождём. Было всё так же тоскливо; сделалось ещё холоднее.

— Ну, зарядил, окаянный! — обругал Васютка дождь.

Он засунул руки в рукава, прижался плотнее к стволу пихты и снова забылся тяжёлым сном. На рассвете Васютка, стуча зубами от холода, вылез из-под пихты, подышал на озябшие руки и принялся искать сухие дрова. Осинник за ночь разделся почти донуга. Будто тоненькие пластинки свёклы, на земле лежали тёмно-красные листья. Вода в речке заметно прибыла. Лесная жизнь примолкла. Даже кедровки и те не подавали голоса.

Расправив полы ватника, Васютка защитил от ветра кучу веток и лоскуток берёсты. Спичек осталось четыре штуки. Не дыша, он чиркнул спичку о коробок, дал огоньку разгореться в ладонях и поднёс к берёсте. Она стала корчиться, свернулась в трубочку и занялась. Потянулся хвостик чёрного дыма. Сучки, шипя и потрескивая, разгорались. Васютка снял прохудившиеся сапоги, размотал грязные портянки. Ноги издрябли и сморщились от сырости. Он погрел их, высушил сапоги и портянки, оторвал от кальсон тесёмки и подвязал ими державшуюся на трёх гвоздях подошву правого сапога.

Греясь возле костра, Васютка неожиданно уловил что-то похожее на комариный писк и замер. Через секунду звук повторился, вначале протяжно, потом несколько раз коротко.

«Гудок! — догадался Васютка. — Пароход гудит! Но почему же он слышится оттуда, с озера? А-а, понятно».

Мальчик знал эти фокусы тайги: гудок всегда откликается на ближнем водоёме. Но гудит-то пароход на Енисее! В этом Васютка был уверен. Скорей, скорей бежать туда! Он так заторопился, будто у него был билет на этот самый пароход.

В полдень Васютка поднял с реки табун гусей, ударил по ним картечью и выбил двух. Он спешил, поэтому зажарил одного гуся на вертеле, а не в ямке, как это делал раньше. Осталось две спички, кончались и Васюткины силы. Хотелось лечь и не двигаться. Он мог отойти метров на двести — триста от речки. Там, по редколесью, легче пробираться, но он боялся потерять речку из виду.

Мальчик брёл, почти падая от усталости. Неожиданно лес расступился, открыв перед Васюткой отлогий берег Енисея. Мальчик застыл. У него даже дух захватило — так красива, так широка была его родная река! А раньше она ему почему-то казалась обыкновенной и не очень приветливой. Он бросился вперёд, упал на край берега и жадными глотками стал хватать воду, шлёпать по ней руками, окунать в неё лицо...

— Енисеюшко! Славный, хороший... — шмыгал Васютка носом и размазывал грязными, пропахшими дымом руками слёзы по лицу.

От радости Васютка совсем очумел. Принялся прыгать, подбрасывать горстями песок. С берега поднялись стаи белых чаек и с недовольными криками закружились над рекой. Так же неожиданно Васютка очнулся, перестал шуметь и даже несколько смутился, оглядываясь вокруг. Но никого и нигде не было, и он стал решать, куда идти: вверх или вниз по Енисею? Место было незнакомое. Мальчик так ничего и не придумал.

Обидно, конечно: может быть, дом близко, в нём мать, бабушка, отец, еды сколько хочешь, а тут сиди и жди, пока кто-нибудь проплывёт, а плавают в низовьях Енисея не часто.

Васютка смотрит то наверх, то вниз по реке. Тянутся берега навстречу друг другу, хотят сомкнуться и теряются в просторе. Вон там, в верховьях реки, появился дымок. Маленький, будто от папиросы. Дымок становится всё больше и больше... Вот уж под ним обозначилась тёмная точка. Идёт пароход. Долго ещё ждать его. Чтобы как-то скоротать время, Васютка решил умыться. Из воды на него глянул парнишка с заострившимися скулами. От дыма, грязи и ветра брови стали темнее, а губы потрескались.

— Ну и дошёл же ты, друг! — покачал головой Васютка. — А что, если бы дольше пришлось бродить?

Пароход всё приближался и приближался. Васютка уже видел, что это не обыкновенный пароход, а двухпалубный пассажирский теплоход. Васютка силился разобрать надпись и, когда наконец ему это удалось, с наслаждением прочитал вслух:

— «Серго Орджоникидзе».

На теплоходе маячили тёмные фигурки пассажиров, Васютка заметался по берегу.

— Эй-эй, пристаньте! Возьмите меня! Эй!.. Слушайте!..

Кто-то из пассажиров заметил его и помахал рукой. Растерянным взглядом проводил Васютка теплоход.

— Эх вы-и, ещё капитанами называетесь! «Серго Орджоникидзе», а человеку помочь не хотите...

Васютка понимал, конечно, что за долгий путь от Красноярска капитаны видели множество людей на берегу, около каждого не наостанавливаешься — и всё-таки было обидно. Он начал собирать дрова на ночь.

Эта ночь была особенно длинной и тревожной. Васютке всё казалось, что кто-то плывёт по Енисею. То он слышал шлёпанье вёсел, то стук моторов.

Под утро он и в самом деле уловил равномерно повторяющиеся звуки: бут-бут-бут-бут... Так могла стучать только выхлопная труба рыбосборочного катера-бота.

— Неужели дождался? — Васютка вскочил, протёр глаза и закричал: — Стучит! — и опять прислушался и начал, приплясывая, напевать: — Вот стучит, стучит, стучит!..

Тут же опомнился, схватил свои манатки, побежал по берегу навстречу боту. Потом кинулся назад и стал складывать в костёр все припасенные дрова: догадался, что у костра его скорей заметят. Взметнулись искры, высоко поднялось пламя. Наконец из предрассветной мглы выплыл высокий неуклюжий силуэт бота.

Васютка неожиданно закричал:

— На боте! Э-эй, на боте! Остановитесь! Заблудился я! Э-эй! Дяденьки! Кто там живой? Э-эй, штурвальный!..

Он вспомнил про ружьё, схватил его и начал палить вверх: бах! Бах! Бах!

— Кто стреляет? — раздался гулкий, придавленный голос, будто человек говорил, не разжимая губ. Это в рупор спрашивали с бота.

— Да это я, Васька! Заблудился я! Пристаньте, пожалуйста! Пристаньте скорее!..

На боте слышались голоса, и мотор, будто ему сунули в горло паклю, заработал глуше. Раздался звонок, из выхлопной трубы вылетел клуб огня. Мотор затарахтел с прежней силой: бот подрабатывал к берегу.

Но Васютка никак не мог этому поверить и выпалил последний патрон.

— Дяденька, не уезжайте! — закричал он. — Возьмите меня! Возьмите!..

От бота отошла шлюпка. Васютка кинулся в воду, пошёл навстречу, глотая слёзы и приговаривая:

— За-заблудился я-а, совсем заблудился-а...

Потом, когда втащили его в шлюпку, заторопился:

— Скорее, дяденьки, плывите скорее, а то уйдёт ещё бот-то! Вон вчера пароход только мелькнул...

— Ты, малый, шо, сказывся?! — слышался бас с кормы шлюпки, и Васютка узнал по голосу и смешному украинскому выговору старшину бота «Игарец».

— Дяденька Коляда! Это вы? А это я, Васька! — перестав плакать, заговорил мальчик.

— Який Васька?

— Да Шадринский, Григория Шадрина, рыбного бригадира, знаете?

— Тю-у! А як ты сюда попал?

И когда в тёмном кубрике, уплетая за обе щеки хлеб с вяленой осетриной, Васютка рассказал о своих похождениях, Коляда хлопал себя по коленям и восклицал:

— Ай, скажэнный хлопець! Та на шо тобі той глухарь сдався? Во налякав¹ ридну маты и батьку...

— Ещё и дедушку...

Коляда затрясся от смеха:

— Ой, шо б тобі! Он и дида вспомнил! Ха-ха-ха! Ну и бисова душа! Да знаешь ли ты, дэ тебя вынесло?

— Не-е-е.

— Шестьдесят километров ниже вашего стану.

— Ну-у?

— Оце тобі и ну! Лягай давай спать, горе ты моё гиркое...

Васютка уснул на койке старшины, закутанный в одеяло и в одежду, какая имелаась в кубрике.

А Коляда глядел на него, разводил руками и бормотал:

— Во, герой глухариный, спит соби, а батько с маткой с глузду зъихалы²...

Не переставая бормотать, он поднялся к штурвальному и приказал:

— На Песчаном острове и у Корасихи не будет остановки. Газуй прямо к Шадрину.

— Понятно, товарищ старшина, домчим хлопца мигом!

¹ Испугал (укр.).

² С ума сошли (укр.).

Подплывая к стоянке бригадира Шадрина, штурвальный покрутил ручку сирены. Над рекой пронёсся пронзительный вой. Но Васютка не слышал сигнала.

На берег спустился дедушка Афанасий и принял чалку с бота.

— Что это вы сегодня один-одинёшенек? — спросил вахтенный матрос, сбрасывая трап.

— Не говори, паря, — уныло отозвался дед. — Беда у нас, ой, беда!.. Васютка, внук-то мой, потерялся. Пятый день ищем. Ох-хо-хо, парнишка-то был какой, парнишка-то, шустрый, востроглазый!..

— Почему был? Рано ты собрался его хоронить! Ещё с правнуками понянчишься! — И, довольный тем, что озадачил старика, матрос с улыбкой добавил: — Нашёлся ваш пацан, в кубрике спит себе и в ус не дует.

— Чего это? — встрепнулся дед и выронил кисет, из которого зачерпывал трубкой табак. — Ты... ты, паря, над стариком не смейся. Откудова Васютка мог на боте взяться?

— Правду говорю, на берегу мы его подобрали! Он там такую полундру устроил — все черти в болото спрятались!

— Да не треплись ты! Где Васютка-то? Давай его скорей! Цел ли он?

— Це-ел. Старшина пошёл его будить.

Дед Афанасий бросился было к трапу, но тут же круто повернул и засеменял вверх, к избушке:

— Анна! Анна! Нашёлся пескаришко-то! Анна! Где ты там? Скорее беги! Отыскался он...

В цветастом переднике, со сбившимся набок платком показалась Васюткина мать. Когда она увидела спускавшегося по трапу оборванного Васютку, ноги её подкосились. Она со стоном осела на камни, протягивая руки навстречу сыну.

...И вот Васютка дома! В избушке натоплено так, что дышать нечем. Накрыли его двумя стёгаными

одеялами, оленьей дохой да ещё пуховой шалью повязали.

Лежит Васютка на топчане разомлевший, а мать и дедушка хлопочут возле, простуду из него выгоняют. Мать натерла его спиртом, дедушка напарил каких-то горьких, как полынь, корней и заставил пить это зелье.

— Может, ещё что-нибудь покушаешь, Васенька? — нежно, как у больного, спрашивает мать.

— Да, мам, некуда уж...

— А если вареньица черничного? Ты ведь его любишь?

— Если черничного, ложки две, пожалуй, войдёт.

— Ешь, ешь!

— Эх ты, Васюха, Васюха! — гладил его по голове дедушка. — Как же ты сплеховал? Раз уж такое дело, не надо было метаться. Нашли бы тебя скоро. Ну да ладно, дело прошлое. Мúка — вперёд наука. Да-а, глухаря-то, говоришь, завалил всё-таки? Дело! Купим тебе новое ружьё на будущий год. Ты ещё медведя ухлопаешь. Помяни моё слово!

— Ни Боже мой! — возмутилась мать. — Близко к избе вас с ружьём не подпущу. Гармошку, приёмник покупайте, а ружья — чтобы и духу не было!

— Пошли бабьи разговоры! — махнул рукой дедушка. — Ну, поплутал маленько парень. Так что теперь, по-твоему, и в лес не ходить?

Дед подмигнул Васютке: дескать, не обращай внимания, будет новое ружьё — и весь сказ!

Мать хотела ещё что-то сказать, но на улице залаял Дружок, и она выбежала из избушки.

Из лесу, устало опустив плечи, в мокром дождевике, шёл Григорий Афанасьевич. Глаза его ввалились, лицо, заросшее щетиной, было мрачно.

— Напрасно всё, — отрешённо махнул он рукой. — Нету, пропал парень...

— Нашёлся! Дома он...

Григорий Афанасьевич минуту стоял растерянный, потом заговорил, сдерживая волнение:

— Ну а зачем реветь? Нашёлся — и хорошо. К чему мокреть-то разводить? Здоров он? — и, не дожидаясь ответа, отправился к избушке. Мать остановила его:

— Ты уж, Гриша, не особенно строго с ним. Он и так лиха натерпелся. Порассказывал, так мурашки по коже...

— Ладно, не учи!

Григорий Афанасьевич зашёл в избу, поставил в угол ружьё, снял дождевик.

Васютка, высунув голову из-под одеяла, выжидательно и робко следил за отцом. Дед Афанасий, дымя трубкой, покашливал.

— Ну, где ты тут, бродяга? — повернулся к Васютке отец, и губы его тронула чуть заметная улыбка.

— Вот он я! — привскочил с топчана Васютка, заливаясь счастливым смехом. — Укутала меня мамка, как девчонку, а я вовсе не простыл. Вот пощупай, пап. — Он протянул руку отца к своему лбу.

Григорий Афанасьевич прижал лицо сына к животу и легонько похлопал по спине:

— Затараторил, варнак! У-у-у, лихорадка болотная! Наделал ты нам хлопот, испортил крови!.. Рассказывай, где тебя носило?

— Он всё про озеро какое-то толкует, — заговорил дед Афанасий. — Рыбы, говорит, в нём видимо-невидимо.

— Рыбных озёр мы и без него знаем много, да не вдруг на них попадёшь.

— А к этому, папка, можно проплыть, потому что речка из него вытекает.

— Речка, говоришь? — оживился Григорий Афанасьевич. — Интересно! Ну-ка, ну-ка, рассказывай, что ты там за озеро отыскал?..

Через два дня Васютка, как заправский провожатый, шагал по берегу речки вверх, а бригада рыбаков на лодках поднималась следом за ним.

Погода стояла самая осенняя. Мчались куда-то мохнатые тучи, чуть не задевая вершины деревьев; шумел

и качался лес; в небе раздавались тревожные крики птиц, тронувшихся на юг. Васютке теперь любая непогода нипочём. В резиновых сапогах и в брезентовой куртке, он держался рядом с отцом, принаравливаясь к его шагу, и наговаривал:

— Они, гуси-то, как взлетят сразу все, а я ка-ак дам! Два на месте упали, а один ещё ковылял, ковылял и свалился в лесу, да я не пошёл за ним, побоялся от речки отходить.

На Васюткины сапоги налипли комья грязи, он устал, вспотел и нет-нет да и переходил на рысь, чтобы не отстать от отца.

— И ведь я их влёт саданул, гусей-то...

Отец не отзывался. Васютка посеменил молча и опять начал:

— А что? Влёт ещё лучше, оказывается, стрелять: сразу вон несколько ухлопал!

— Не хвались! — заметил отец и покачал головой. — И в кого ты такой хвастун растёшь? Беда!

— Да я не хвастаюсь: раз правда, так что мне хвалиться, — сконфуженно пробормотал Васютка и перевёл разговор на другое: — А скоро, пап, будет пихта, под которой я ночевал. Ох и продрог я тогда!

— Зато сейчас, я вижу, весь сопрел. Ступай к дедушке в лодку, похвались насчёт гусей. Он любитель байки слушать. Ступай, ступай!

Васютка отстал от отца, подождал лодку, которую тянули бечевой рыбаки. Они очень устали, намокли, и Васютка постеснялся плыть в лодке и тоже взялся за бечеву и стал помогать рыбакам.

Когда впереди открылось широкое, затерявшееся среди глухой тайги озеро, кто-то из рыбаков сказал:

— Вот и озеро Васюткино...

С тех пор и пошло: Васюткино озеро, Васюткино озеро.

Рыбы в нём оказалось действительно очень много. Бригада Григория Шадрина, а вскоре и ещё одна колхозная бригада переключились на озёрный лов.

Зимой у этого озера была построена избушка. По снегу колхозники забросили туда рыбную тару, соль, сети и открыли постоянный промысел.

На районной карте появилось ещё одно голубое пятнышко, с ноготь величиной, под словами «Васюткино оз.». На краевой карте это пятнышко всего с булавоочную головку, уже без названия. На карте же нашей страны озеро это сумеет найти разве сам Васютка.

Может, видели вы на физической карте в низовьях Енисея пятнышки, будто небрежный ученик брызнул с пера голубыми чернилами? Вот где-то среди этих кляксонок и есть та, которую именуют Васюткиным озером.

Размышляем о прочитанном

1. Почему рассказ называется «Васюткино озеро»?
2. Что рассказывает писатель о рыбной ловле? Какая рыба попадалась в ловушки?
3. Как заблудился Васютка? Что помогло Васютке выжить, выйти из леса (смелость, смекалка, терпение, знание леса, другие качества)?
4. Какое время странствий в лесу оказалось для Васютки самым трудным и почему?
5. Что вспоминал Васютка? Как прислушивался к лесным звукам, о чём разговаривал с лесными жителями?
6. Почему взрослые рыбаки решили назвать озеро Васюткиным именем?
7. Какие иллюстрации вы нарисовали бы к этому рассказу?
8. Как начинается и как заканчивается рассказ «Васюткино озеро»?

Литература и изобразительное искусство

Подберите текст из рассказа «Васюткино озеро» к иллюстрации, помещённой в учебнике.

Обогащаем свою речь

1. Обратите внимание на детали рассказа, например: почему мать настаивала, чтобы Васютка взял с собой краюшку хлеба?

Что значат её слова: «На вот краюшку. Не задавит она тебя. Спокон веку так заведено, мал ещё таёжные законы переиначивать»?

«Ему уже не раз драли уши за попусту сожжённые патроны. Трепет перед драгоценным „припасом“ (так называют сибирские охотники порох и дробь) крепко вбит в сибиряков отроду» — отчего был такой трепет? Что он обозначает?

«Страх начал давить ещё сильнее. Мальчик снова заговорил вслух: „Ладно, не робей. Найдём избушку. Надо идти в одну сторону...“» Почему Васютка стал разговаривать вслух?

2. Объясните слова и включите их в пересказ текста: *холодная изморось, осётр, стерлядь, были, небылицы, хилые берёзки, затеси, белая рыба, шлюпка, бот, пацан, хлопец, варнак, рыбная тара.*
3. *Пошёл, ковыляя, передвигался, поплёлся...* — какие из этих слов вы часто используете в своей речи?
4. *Замёрз, продрог, ооченел...* — когда используется каждое из этих слов? Приведите примеры.
5. *Устал, притомился, изнемог...* — придумайте предложения с этими словами.

Творческое задание

Вспомните истории, которые происходили с вами в лесу. Расскажите об этом устно или письменно, используя запомнившиеся вам образные слова и выражения из текста рассказа «Васюткино озеро».

ПОЭТЫ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ (1941—1945 гг.)

ТОЛЬКО ДОБЛЕСТЬ БЕССМЕРТНО ЖИВЁТ...

Истинная поэзия всегда была голосом народа, выражала его чувства, мысли и чаяния, оплакивала утраты и воспевала победы.

Героическое прошлое нашей Родины отражено в фольклоре, литературе и искусстве позднейших эпох. Народ помнит своих легендарных стражей — Илью Муромца и Добрыню Никитича.

Поэты, многие из которых сами были воинами, рассказывали современникам и потомкам о смелости русского солдата на поле сражения. Поэзию ратного подвига, воспетого М. В. Ломоносовым, Г. Р. Державиным, А. Т. Твардовским, К. М. Симоновым, объединяет глубокая и верная любовь к Родине.

Судьба России сложилась так, что ей пришлось не однажды защищать свои границы от захватчиков, посягавших на её свободу.

Особенно мощно патриотическая тема зазвучала в Отечественную войну 1812 года. Русская поэзия отразила важнейшие события этой войны — битвы за Смоленск и при Бородине, пожар Москвы и изгнание Наполеона.

Важную страницу в книгу о воинском подвиге вписал М. Ю. Лермонтов. В стихотворении «Бородино» оживает выдающееся по своему масштабу сражение, в котором усилия солдат и командиров слились в единомышленном порыве победить врага.

Поэтическая летопись Великой Отечественной войны 1941—1945 годов создавалась стихотворениями, поэмами, песнями М. В. Исаковского, А. А. Суркова, М. И. Алигер, О. Ф. Берггольц, А. Т. Твардовского, К. М. Симонова и других замечательных поэтов. В поэме «Василий Тёркин» А. Т. Твардовский с гордостью произносит:

Я счастлив жить, служить Отчизне,
Я за неё ходил на бой...

В послевоенные годы поэзия служит миру. Сразу же после окончания войны Твардовский в стихотворении «В час мира» обращается ко всем народам:

Все в мире сущие народы,
Благословите светлый час!
Отгрохотали эти годы,
Что на земле застали нас...

Среди многих стихотворных и прозаических произведений о Великой Отечественной войне есть стихотворения Александра Трифоновича Твардовского «Рассказ танкиста» и Константина Михайловича Симонова «Майор привёз мальчишку на лафете...», в которых рассказывается о подростках, ваших сверстниках — участниках военных событий. Познакомьтесь с ними. Выучите одно из стихотворений наизусть, прочитайте его в классе.

Обогащаем свою речь

Прочитайте синонимические пары слов на военную тему: *воспевать* — *хвалить*; *ратный* — *воинский*; *оплакивать* — *печалиться*; *воин* — *солдат*.

Какие из этих слов употребляются в торжественной стихотворной речи, какие — в обыденной речи?

Приведите примеры других синонимических пар слов торжественных, возвышенных и разговорных.

Александр Трифонович ТВАРДОВСКИЙ

1910—1971

Рассказ танкиста

Был трудный бой. Всё нынче как спросонку,
И только не могу себе простить:
Из тысяч лиц узнал бы я мальчонку,
А как зовут, забыл его спросить.

Лет десяти — двенадцати. Бедовый,
Из тех, что главарями у детей,
Из тех, что в городишках прифронтовых
Встречают нас как дорогих гостей.

Машину обступают на стоянках,
Таскать им воду вёдрами — не труд,
Приносят мыло с полотенцем к танку
И сливы незрелые суют...

Шёл бой за улицу. Огонь врага был страшен,
Мы прорывались к площади вперёд.
А он гвоздит — не выглянуть из башен,
И чёрт его поймет, откуда бьёт.

Тут угадай-ка, за каким домишкой
Он примостился, — столько всяких дыр.

«Вот солдаты идут...» Худ. Ю. Непринцев

И вдруг к машине подбежал парнишка:
— Товарищ командир, товарищ командир!

Я знаю, где их пушка. Я разведаль...
Я подползал, они вон там, в саду...
— Да где же, где?.. — А дайте я поеду
На танке с вами. Прямо приведу.

Что ж, бой не ждёт. — Влезай сюда, дружище!
И вот мы катим к месту вчетвером.
Стоит парнишка — мины, пули свищут,
И только рубашонка пузырём.

Подъехали. — Вот здесь. — И с разворота
Заходим в тыл и полный газ даём.
И эту пушку, заодно с расчётом,
Мы вмяли в рыхлый, жирный чернозём.

Я вытер пот. Душила гарь и копоть:
От дома к дому шёл большой пожар.
И, помню, я сказал: — Спасибо, хлопец! —
И руку, как товарищу, пожал...

Был трудный бой. Всё нынче как спросонку,
И только не могу себе простить:
Из тысяч лиц узнал бы я мальчонку,
Но как зовут, забыл его спросить.

Размышляем о прочитанном

1. Почему рассказчик не может себе простить, что забыл спросить мальчика, как его зовут?
2. В рассказе «Весной 1942 года» А. Т. Твардовский вспоминает о тех впечатлениях, которые произвела на него война: «Вряд ли я когда в жизни был так взволнован чем-либо подобным. Закат стоял над дорогой, широкой, укатанной, зимней, степной дорогой на выезде из деревни.

На необычайном, малиновом крае неба вставали густые синие и чёрные дымы деревни. И всё было так непередаваемо говоряще и значительно — степь, Россия, война, — что сжималось сердце и словно нечем было дышать».

Расскажите, какой показана война в воспоминаниях А. Твардовского о войне и в стихотворении «Рассказ танкиста».

Литература и изобразительное искусство

Что изображено на картине Ю. Непринцева? Как это можно соотнести со стихотворением А. Твардовского «Рассказ танкиста»?

А. Т. Твардовский. «Рассказ танкиста»

1. Вспомните стихотворение М. Ю. Лермонтова «Бородино». В нём тоже был рассказ о войне, о сражении. Похожи ли рассказчики в этих стихотворениях? Каким характером наделяет актёр своего танкиста? Каким вы его представляете себе: молодым, средних лет, весёлым, задорным, подвижным или степенным, неторопливым, основательным?
2. Как вы думаете, почему поэт в конце стихотворения вновь напоминает нам, что подвиг юного героя остался безымянным, имя парнишки так и осталось неизвестным?

Учимся читать выразительно

Подготовьте выразительное чтение стихотворения, поставьте при чтении передать характеры персонажей.

Совершенствуем свою речь

1. Как вы понимаете следующие строки, словосочетания?
 - *Всё нынче как спросонку...*
 - *Бедовый, из тех, что главарями у детей...*
 - *А он гвоздит — не выглянуть из башен...*
 - *...за каким домишкой он примостился...*
 - *...заходим в тыл и полный газ даём.*
И эту пушку, заодно с расчётом,
Мы вмяли в рыхлый, жирный чернозём.
2. Расскажите о том, какое впечатление произвело на вас это стихотворение, используя слова и словосочетания из произведения А. Т. Твардовского.
3. Поговорите с вашими родственниками о любимых ими стихотворениях, песнях, частушках времён Великой Отечественной войны. Как вы думаете, почему песни военных лет остаются популярными и в мирное время?

Константин Михайлович
СИМОНОВ

1915—1979

* * *

Майор привёз мальчишку на лафете.
Погибла мать. Сын не простился с ней.
За десять лет на том и этом свете
Ему зачтутся эти десять дней.

Его везли из крепости, из Бреста.
Был исцарапан пулями лафет.
Отцу казалось, что надёжней места
Отныне в мире для ребёнка нет.

Отец был ранен, и разбита пушка.
Привязанный к щиту, чтоб не упал,
Прижав к груди заснувшую игрушку,
Седой мальчишка на лафете спал.

Мы шли ему навстречу из России.
Проснувшись, он махал войскам рукой...
Ты говоришь, что есть ещё другие,
Что я там был и мне пора домой...

Ты это горе знаешь понаслышке,
А нам оно оборвало сердца.
Кто раз увидел этого мальчишку,
Домой прийти не сможет до конца.

Я должен видеть теми же глазами,
Которыми я плакал там, в пыли,
Как тот мальчишка возвратится с нами
И поцелует горсть своей земли.

За всё, чем мы с тобою дорожили,
Призвал нас к бою воинский закон.
Теперь мой дом не там, где прежде жили,
А там, где отнят у мальчишки он.

За тридевять земель, в горах Урала,
Твой мальчик спит. Испытанный судьбой,
Я верю: мы во что бы то ни стало
В конце концов увидимся с тобой.

Но если нет, когда наступит дата
Ему, как мне, идти в такие дни
Вслед за отцом, по праву, как солдата,
Прощаясь с ним, меня ты помяни.

Размышляем о прочитанном

1. Что поразило рассказчика и что он хочет сказать своим стихотворением?
2. Как вы понимаете следующие выражения?
 - *...седой мальчишка на лафете спал.*
 - *Ты это горе знаешь понаслышке, а нам оно оборвало сердца.*

Учимся читать выразительно

Подготовьте стихотворение к чтению в классе, передав торжественное и скорбное звучание произведения.

Фонохрестоматия ((« Слушаем актёрское чтение »))

К. М. Симонов. «Майор привёз мальчишку на лафете...»

1. Послушайте подряд два стихотворения — «Рассказ танкиста» А. Т. Твардовского и «Майор привёз мальчишку на лафете...» К. М. Симонова. Отличаются ли ритм, тембр, эмоциональная окраска звучания этих произведений? Если отличаются, то чем?
2. Как вы считаете, почему стихотворение К. М. Симонова написано торжественным слогом, каким было бы уместно писать клятву или присягу?

ПИСАТЕЛИ И ПОЭТЫ XX ВЕКА О РОДИНЕ, РОДНОЙ ПРИРОДЕ И О СЕБЕ

Прочитайте стихотворения, постарайтесь рассказать, какие картины нарисованы поэтами и какие настроения они передают вам.

Иван Алексеевич Бунин

* * *

Помню — долгий зимний вечер,
Полумрак и тишина;
Тускло льётся свет лампы,
Буря плачет у окна.

«Дорогой мой, — шепчет мама, —
Если хочешь задремать,
Чтобы бодрым и весёлым
Завтра утром быть опять, —

Позабудь, что воеет вьюга,
Позабудь, что ты со мной,
Вспомни тихий шёпот леса
И полдневный летний зной;

Вспомни, как шумят берёзы,
А за лесом, у межи,
Ходят медленно и плавно
Золотые волны ржи!»

И знакомому совету
Я доверчиво внимал
И, обвеянный мечтами,
Забываться начинал.

Вместе с тихим сном сливалось
Убаюкивание грёз —
Шёпот зреющих колосьев
И невнятный шум берёз...

Фонохрестоматия (« Слушаем актёрское чтение »)

И. А. Бунин. «Помню — долгий зимний вечер...»

1. Каким настроением овеяно стихотворение? Как это передаёт актёр в своём чтении?
2. Чего больше в этом стихотворении — воспоминаний или мечты?
3. Подготовьте выразительное чтение стихотворения, передавая в нём настроение и приятные воспоминания и мечты о встрече с давно прошедшим временем.

Дмитрий Борисович Кедрин

1907–1945

Алёнушка

Стойбище осеннего тумана,
Вотчина ночного соловья,
Тихая царевна Несмеяна —
Родина неяркая моя!

Знаю, что не раз лихая сила
У глухой околицы в лесу
Ножичек сапожный заносила
На твою нетленную красу.

Только всё ты вынесла и снова
За раздольем нив, где зреет рожь,
На пеньке у омута лесного
Песенку Алёнушки поешь...

Я бродил бы тридцать лет по свету,
А к тебе вернулся б умирать,
Потому что в детстве песню эту,
Знать, и надо мной певала мать!

Д. Б. Кедрин. «Алёнушка»

1. Почему образ Родины сближается со сказочными образами царевны Несмеяны и Алёнушки? Как актёр сумел передать воспоминания поэта о сказочно-далёком детстве?
2. Как вы думаете, какова по настроению песня Алёнушки-Несмеяны, которую всю жизнь слышит поэт?
3. Подготовьте выразительное чтение стихотворения, передав музыкальность, напевность стихотворения, чувство светлой грусти.

Александр Андреевич Прокофьев

1900–1971

Алёнушка

Пруд заглохший весь в зелёной ряске,
В ней тростник качается, шумит,
А на берегу, совсем как в сказке,
Милая Алёнушка сидит.

Прост веноч, а нет его красивей,
Красен от гвоздик, от лилий бел,
Тополиный пух на платье синем,
С тополиных роц он прилетел.

С берега трава, врываясь буйно,
Знать не хочет, что мертва вода,
И цветёт дурман-цветком багульник
Рядом, у заглохшего пруда.

Но кукушка на сосне кукует,
И тропинка к берегу ведёт,
Солнце щедро на воду такую
Золотые обручи кладёт.

«Алёнушка». Худ. В. Васнецов

А. А. Прокофьев. «Алёнушка»

1. Похожи ли по настроению стихотворения Кедрина и Прокофьева с одинаковым названием «Алёнушка»? В чём сходство и в чем различие настроений актрисы, читающей сначала одно, затем другое стихотворение?
2. Почему для обоих поэтов картина В. М. Васнецова стала символом Родины?
3. Подготовьте выразительное чтение стихотворений, передав переход в стихотворении Прокофьева от зачарованной сказочной картины к звучащей, оживлённой солнечной панораме современного дня.
4. Удалось ли актрисе передать этот переход? Какими средствами выразительного чтения она это делает?

Николай Михайлович Рубцов

1936–1971

Родная деревня

Хотя проклиная проезжий
Дороги моих побережий,
Люблю я деревню Николу,
Где кончил начальную школу!

Бывает, что пылкий мальчишка
За гостем приедем по следу
В дорогу торопится слишком:
— Я тоже отсюда уеду!

Среди удивлённых девчонок
Храбрится, едва из пелёнок:
— Ну что по провинции шляться?
В столицу пора отправляться!

Когда ж повзрослеет в столице,
Посмотрит на жизнь за границей,

Тогда он оценит Николу,
Где кончил начальную школу...

Фонохрестоматия (« Слушаем актёрское чтение »)

Н. М. Рубцов. «Родная деревня»

1. Что вы можете сказать о характере героя стихотворения, прослушав звукозапись? Таким ли он представлялся вам при первом прочтении стихотворения?
2. Что вам показалось особенно привлекательным в стихотворении Рубцова?

Дон-Аминадо

1888–1957

Дон-Аминадо — псевдоним Аминада Петровича Шполянско-го, поэта, фелъетониста, рассказчика, журналиста. Родился он в Херсонской области. Первый сборник стихов «Песни войны» вышел в 1914 году. С 1920 года поэт находился в эмиграции.

Одним из наиболее даровитых поэтов называл его М. Горький.

Города и годы

Старый Лондон пахнет ромом,
Жестью, дымом и туманом.
Но и этот запах может
Стать единственно желанным.

Ослепительный Неаполь,
Весь пронизанный закатом,
Пахнет муляями и слизью,
Тухлой рыбой и канатом.

Город Гамбург пахнет снедью,
Лесом, бочками, и жиром,
И гнетущим, вездесущим,
Знаменитым добрым сыром.

А Севилья пахнет кожей,
Кипарисом, и вервеной¹,
И прекрасной чайной розой,
Несравнимой, несравненной.

Вечных запахов Парижа
Только два. Они всё те же:
Запах жареных каштанов
И фиалок запах свежий.

Есть чем вспомнить в поздний вечер,
Когда мало жить осталось,
То, чем в жизни этой брэнной
Сердце жадно надышалось!..

Но один есть в мире запах,
И одна есть в мире нега:
Это русский зимний полдень,
Это русский запах снега.

Лишь его не может вспомнить
Сердце, помнящее много.
И уже толпятся тени
У последнего порога.

Фонохрестоматия (»» Слушаем актёрское чтение »»)

Дон-Аминадо. «Города и годы»

1. Как вы думаете, почему так подробно и долго поэт перечисляет запахи разных городов?
2. Что хочет сказать поэт тем, что он не может вспомнить запах русского снега? Почему так мучительно пытается это сделать?
3. Каково настроение поэта, вынужденного жить вдали от родины? Удалось ли актеру передать это настроение?
4. Подготовьте выразительное чтение стихотворения.

¹ Растение вербена у Дон-Аминадо названо *вервёной*.

Размышляем о прочитанном

1. Какие мысли передают нам поэты, рассказывая о Родине и родной природе, вспоминая минуты особого состояния души?
2. Постарайтесь зрительно представить картины, которые воссоздаёт И. А. Бунин в стихотворении «Помню долгий зимний вечер...», опишите их устно с использованием лексики стихотворения: *долгий зимний вечер, тускло льётся свет лампы, буря плачет, золотые волны ржи, тихий шёпот лета* и т. д. Какие художественные средства помогают поэту передать своё настроение?
3. Какие изобразительные средства (эпитеты, сравнения, метафоры, гиперболы) помогают поэтам так необычно рассказать о родной природе и выразить собственные настроения и чувства?
4. Какие мысли и чувства сообщает читателю Дон-Аминадо строфой стихотворения «Города и годы»?

*Но один есть в мире запах,
И одна есть в мире нега:
Это русский зимний полдень,
Это русский запах снега...*

5. Как вы думаете, в чём хочет убедить читателя Н. М. Рубцов в стихотворении «Родная деревня»?
6. Как связаны в стихотворении Н. М. Рубцова любовь к родной земле и нравственно-душевное взросление человека?

Литература и изобразительное искусство

1. Прочитайте стихотворения Д. Б. Кедрина и А. А. Прокофьева, внимательно рассмотрите репродукцию картины В. М. Васнецова «Алёнушка». Стихотворения Кедрина и Прокофьева — два разных по содержанию произведения, хотя и близких по настроению. В чём различие и в чём сходство двух стихотворений? Какое из этих стихотворных произведений понравилось вам больше? Почему? Эти стихотворения перекликаются с сюжетом картины Васнецова. Какие строки из стихотворений Кедрина и Прокофьева это подтверждают?
2. На переплёте вашего учебника помещена репродукция картины известного русского художника М. В. Нестерова «Лель». Лель — сказочно-мифологический образ юноши-пастуха, музыканта и певца, — стал в произведениях русских поэтов,

художников, композиторов символом самой поэзии. Внимательно рассмотрите репродукцию картины. Напишите небольшое сочинение по картине, стараясь наиболее точно передать то поэтическое состояние природы, которое сумел запечатлеть живописец. Поразмышляйте над вопросом: «Можно ли средствами живописи передать звучание музыки?» Удалось ли это сделать М. В. Нестерову? Какова, по вашим ощущениям, музыка Леля? Попробуйте описать её в вашем сочинении.

3. Какие картины известных вам художников-пейзажистов вы подобрали бы к каждому из стихотворений?

Обогащаем свою речь

Подберите синонимы к поэтическим выражениям. Какие новые оттенки смысла появились в найденных вами словосочетаниях?

долгий зимний вечер — *золотые волны ржи* —
буря плачет у окна — *шёпот зреющих колосьев* —

Проект

Используя ресурсы Интернета, подготовьте вместе с одноклассниками иллюстрированный сборник стихотворений «Родная природа в русской поэзии» (составители работают над содержанием сборника, художники — над иллюстрациями, литературоведы готовят вступительную статью).

ПИСАТЕЛИ УЛЫБАЮТСЯ

Этот раздел целиком посвящён юмористическим страницам. Вы читаете небольшие произведения Саши Чёрного.

Саша ЧЁРНЫЙ

1880–1932

Это ваш слуга покорный,
Он зовется «Саша Чёрный»...
Почему? Не знаю сам.

Так писал о своём литературном имени (псевдониме) Александр Михайлович Гликберг. Родился он в Одессе. Детство прошло в городе Белая Церковь на Украине, а юность — в Житомире. Там же, в Житомире, он начал печататься в газете «Волынский вестник». Но настоящая писательская жизнь Саши Чёрного началась в Петербурге. Здесь выходит первая его книга — сборник стихов «Родные мотивы» (1906). Позднее вместе с известными писателями-сатириками Аркадием Аверченко, Надеждой Тэффи он редактирует журнал «Сатирикон». Как свидетельствует Корней Иванович Чуковский, «получив свежий номер журнала, читатель прежде всего искал в нём стихов Саши Чёрного. Не было такой курсистки, такого студента, такого врача, адвоката, учителя, инженера, которые не знали бы их наизусть». С 1918 года Саша Чёрный вынужден был жить за границей — сначала в Литве, потом в Германии, а затем во Франции.

За границей Саша Чёрный стал преимущественно детским писателем. Самая известная книга, изданная писателем за границей, — «Детский остров». Это сборник остроумных, лиричных, озорных и мудрых произведений для юных читателей.

Кавказский пленник

Так весело было в саду! Цвела черёмуха, высоко в воздухе вздымая пенистые гроздья цветов. Сережки на берёзах уже отцвели, но сквозным кружевным шатром зыбилась на ветру молодая, ещё изумрудная листва. На старой лиственнице у пристани по всем лапам свежо зеленели пучками мягкие иголки, и между ними алые точки — цвет. На клумбе тёмными сморчками повывлезли из тёплой земли ещё не развернувшиеся листья пионов. Воробьи стайками перелетали с клена на берёзу, с берёзы на крышу сарая: кричали, кувыркались, дрались, — просто так, от избытка жизни, как дерутся школьники, разбегаясь по домам после уроков. Над скворечницей, как приклеенный, сидел на кленовой ветке скворец, смотрел на солнце, на весёлую рябь речонки... В такой чудесный день никакие хозяйственные заботы в птичью голову не шли. А вдоль решётчатого забора, отделявшего сад от соседней усадьбы, бешено носились псы: по ту сторону, распластавшись почти до земли, шоколадно-чёрная такса, по эту — дворняжка Тузик, лохматая серая муфта с хвостом в виде вопросительного знака... Добегали до края ограды, поворачивались и стремительно мчались назад. До тех пор, пока, высунув языки, в изнеможении не падали наземь. Бока ходили ходуном, глаза весело перемигивались. Мчаться вперёд... Большого собачьего удовольствия ведь и на свете нет!

Внизу, за ещё сквозными кустами сирени, покачивалась на Крестовке пристань. Мало кто из петербуржцев знал, что в самой столице выбегает к Елагину мосту такая захолустная речонка, омывая северный край Кре-

стовского острова. А речка была славная... Переливалась солнечной чешуёй вода. Микроскопические рыбки оплывали хороводом пёстрые сваи перед домами. Посредине во всю длину тянулась узкая, обсаженная черёмухой коса. Против середины косы вздымался большой сарай, и желтел покатый к воде спуск: английский гребной клуб. Из сарая шестеро тоненьких юношей в белых фуфайках и кепках вынесли длинную-длинную лёгкую гичку, будто пила-рыба на двенадцати ногах купаться пошла. Спустили лодку на воду, уселись и понеслись к Елагину острову, плавно, в такт гребли, откатываясь на подвижных сиденьях назад для нового взмаха... Сын прачки, помогавший матери на берегу укладывать бельё в корзину, посмотрел вслед и сам себя от удовольствия ногой лягнул.

У пристани, внизу, отчаянно скрипела на цепочке и шлёпалась о воду лодка. Да и как ей было не скрипеть и не шлёпать, когда тройка озорных мальчишек перелезла по отмели через забор, забралась в лодку и изо всех сил стала её раскачивать. Вправо — влево, вправо — влево... Вот-вот краем зачерпнёт воды до самого борта!

Плывший на плоскодонном челне старичок в малиновом гарусном шарфе лениво шарил глазами по прибрежным кустам. То там, то сям покачивались прибитые к берегу поленья, чурбашки либо обломки досок... Старичок подтягивал багром добычу, укладывал поперёк челна и медленно шлёпал по воде дальше... Засмотрелся на далёкие старые вётлы вдоль окраинной дороги Елагина острова, послушал, как на мостике справа гудят копыта, скрестил руки и вёсла и позабыл про свои дрова.

А в Крестовку с Невы вплыла новая компания: писаря с гармошками, девушки с цветными, похожими на детские воздушные шары зонтиками... Лёгкая песенка под перебор весёлых ладов прокатилась по речушке, лёгкие волны светлыми горбиками поплыли к берегам. Скворец в саду на кленовой ветке внимательно склонил голову: знакомая песня! В прошлом году он её здесь

слышал, — не та ли самая компания в лодках проплывает?..

Всем было весело в этот весенний день: воробьям на крыше сарая, таксе и дворняжке, отдохавшим у ворот после гонки вдоль забора, неизвестным мальчишкам в привязанной лодке, молодым англичанам, выплывавшим на гичке к Стрелке¹, писарям и девушкам на Крестовке. Даже чья-то старая-старая бабушка, отдохавшая по ту сторону сада в плетёном кресле на балконе, подставляла лёгкому ветру ладонь, шевелила пальцами и улыбалась: так мирно блестела сквозь зеленеющие вершины река, так плавно звучали на реке голоса, так бодро, отставив генеральский хвост по ветру, шагал по двору рыжий петух мимо самого носа распластавшейся на тёплом бревне кошки...

* * *

В длинном, примыкающем к саду флигеле тоже было радостно и уютно. В кабинете на письменном столе сидел рыжий котёнок и, удивлённо прислушиваясь, потрогивал лапкой басовую струну мандолины. В шкафу кротко блестели золотыми буквами корешки книг. Они отдыхали... А на стене, над старым, похожим на мягкую гитару диваном висели портреты тех, кто книги эти когда-то написал: курчавый, благосклонный Пушкин, седые, бородатые Тургенев и Толстой, гусар Лермонтов с вздёрнутым носиком... В ясный цвет синевовых обоев были выкрашены и двери и рамы. Ветер сквозь форточку вздувал тюлевую занавеску, будто парус надувал. Ему ведь всё равно, лишь бы забавляться. Чужеземный фикус подымал свежесмытые листья к окну, заглядывал в сад: «какая у них тут в Петербурге весна?»

За отдёрнутой портьерой виднелась милой терракотовой² окраски столовая. На карнизе кафельной печи

¹ *Стрёлка* — мыс Васильевского острова в Петербурге, разделяющий Неву на два рукава.

² *Терракотовый* — светло-коричневый с красноватым оттенком.

сидела пучеглазая, румяная матрёшка: одна нога босая, точно обсосанная, другая — в роскошной бархатной валенке. Сбоку дремал дубовый буфет с верхним этажом на львиных лапах. За гранёными стеклами блесст прабабушкин чайный сервиз, тёмно-голубой в золотых виноградинах. Вверху бились вдоль окна молодые весенние мухи, волновались, искали выхода в сад. На овальном столе лежала детская книга, раскрытая на картинке. Раскрашивали её, должно быть, детские руки: кулаки у людей были синие, лица — зелёные, а курточки и волосы телесного цвета, — иногда ведь так приятно раскрасить совсем не так, как в жизни полагается. С кухни доносился весёлый, дробный стук сечки: кухарка рубила мясо для котлет и в такт стуку и тиканью стенных часов мурлыкала какую-то котлетную польку.

Перед закрытой стеклянной дверью, ведущей из столовой в сад, стояли, прижав к стеклу носы, две девочки, две сестры. Если бы кто из сада на них взглянул, сразу бы увидел, что только им во всём саду и доме в этот солнечный весенний день было грустно. У старшей Вали даже слезинка блестела на щеке, вот-вот капнет на передничек. А младшая, Катюша, надутая-пренадутая, сердито смотрела на скворца, сдвинув пухлые брови, — точно скворец её куклу клюнул или через форточку пышку с маком унёс.

Дело, конечно, не в пышке. Только что прочли они в первый раз в жизни страницу за страницей по очереди «Кавказского пленника» Толстого и разволновались ужасно. Раз написано, — значит, настоящая правда. Это ведь не детская сказка про Бабу-Ягу, которую, может быть, взрослые нарочно выдумали, чтобы детей пугать...

Старших никого не было: мама уехала на конке на Петербургскую сторону за покупками, отец в банке — на службе. Кухарка про «Кавказского пленника», разумеется, не знает, няня в гости укатила, кума у неё именинница... Можно было бы няне всё своими слова-

ми пересказать, у неё ведь сын фельдфебелем на Кавказе служит, письма ей пишет. Может быть, она от него узнает: правда ли? мучают ли так людей? Или когда-то мучили, а теперь запрещено?..

— Что ж, всё-таки удрал он в конце концов благополучно, — сказала со вздохом Катюша.

Ей уже надоело кукситься, — день был такой светлый. И раз окончание хорошее, значит, не стоит особенно и горевать.

— Может быть, Жилин потом со своими солдатами устроил засаду и поймал в плен тех самых татар, которые его мучили... Правда?

— И больно-пребольно велел их высечь! — обрадовалась Валя. — Крапивой! Вот вам, вот вам! Чтоб не мучили, чтоб в яму не сажали, чтоб колодок не надевали... Не кричать! Не сметь кричать... А то ещё получите.

Впрочем, Валя сейчас же и передумала:

— Нет, знаешь, сечь их не надо. Жилин бы только презрительно посмотрел на них и сказал: «Русские офицеры великодушны... Марш! На все четыре стороны. И зарубите себе на вашем кавказском носу... Если вы ещё раз посмеете сажать русских в яму, я вас всех отсюда из пушки, как... капусту порублю! Слышите вы!.. Татарской же девочке Дине, которая меня лепёшками кормила, передайте георгиевскую медаль и вот эту русскую азбуку, чтоб она русской грамоте научилась и сама могла бы „Кавказского пленника“ прочесть. А теперь вон с моих глаз!»

— Вон! — закричала Катюша и топнула каблучком в пол.

— Постой, не кричи, — сказала Валя. — И вот, когда она научилась читать по-русски, она тихонько удрала к Жилину... И потом вышла за него замуж...

Катюша даже взвизгнула от удовольствия, так ей понравился такой конец. Теперь, когда они расправились с татарами и так хорошо устроили судьбу Дины и Жилина, им стало немного легче... Они надели калошки,

вязанные кофточки, еле-еле открыли вдвоём набухшую дверь и вышли на крыльцо.

Неизменный адъютант Тузик, виляя косматым хвостом, подбежал к девочкам. Сёстры спрыгнули с крыльца и пошли по влажным дорожкам вокруг сада. Нечего, в самом деле, разбойникам потакать!

* * *

В углу сада, у старой заброшенной оранжереи, девочки остановились над ямой. На дне горбом лежали прошлогодние, слежавшиеся листья... Они переглянулись и поняли друг друга без слов.

— А где ж мы пленных возьмём? — спросила младшая, с наслаждением втискивая в глубину каблуком пустой вазон.

— Мишку посадим...

— Ну, конечно! А кто будет Диной?

— Я.

— Нет, я!..

— Нет, я!..

Сёстры подумали и решили, что спорить не стоит. Конечно, лучше быть Диной, чем свирепым татаринном. Но сначала они обе будут татарами и поймают Мишку в плен. А потом Валя станет Диной, а Катюша её подругой, и обе помогут пленникам бежать. Кто ж будет вторым пленником, Костылиным?

Тузик угодливо завертел у девочкиных ног хвостом. Чего же и искать больше?

— Ми-ша!

— Мишечка!..

— Мышонок!

— Чего надо! — звонко отозвался с улицы дворницкий мальчик Миша.

— Играть иди!

Через минуту Миша, дожёвывая баранку, стоял перед сёстрами. Он был совсем ещё маленький, мальчик с пальчик, в надвинутом до самого носа картузе и привык во всём подчиняться девочкам из флигеля.

— Во что играть будем?

— В «Кавказского пленника», — объяснила Валя. — Да глотай ты скорей свою баранку! Ты будто Жилин, русский офицер. Ты будто из крепости к своей маме верхом едешь. Она тебе невесту приискала, хорошую и умницу, и имение у неё есть. А мы тебя в плен возьмём и в яму посадим. Понял?

— Сажайте, что ж.

— И Тузик с тобой. Вроде товарища. А лошадь под тобой мы застрелим.

— Стреляй, ладно.

Мишка сел верхом на прут и поскакал по дорожке, взбивая копытами грязь...

— Паф! Паф-паф! — закричали девочки с двух сторон. — Что ж ты не падаешь?! Вались с лошади, сию минуту вались...

— Не попали! — Мишка дерзко фыркнул, брыкнул ногой и помчался вдоль забора.

— Паф! Паф!

— Не попали...

Что с таким непонятливым мальчиком сделаешь? Сёстры наперерез бросились к Мишке, стащили его с лошади и, подгоняя шлепками, потащили к яме. Ещё упирается! Что это на него сегодня нашло...

— Постой, постой! — Валя полетела к флигелю и стрелой примчалась назад с постельным ковриком, чтоб Мишке мягче было на дне сидеть.

Мишка прыгнул, уселся. Тузик за ним, — он сразу понял, в чём игра заключается.

— Чего теперь делать? — спросил Мишка из ямы, утирая ватным рукавом нос.

Катюша задумалась.

— Выкуп? Но Жилин бедный. И всё равно обманет... Что с него взять? А Тузик? Ведь он — Костылин, он богатый...

Девочки уселись в оранжерее на шербатой ступеньке и на дощечке нацарапали огрызком карандаша за Тузика всё, что следовало: *«Я попался им в лапы. При-*

шлите пять тысяч монет. Любящий вас пленник». Дощечку мигом доставили дворнику Семёну, который колот во дворе дрова, и, не ожидая ответа, побежали к яме.

Пленники вели себя очень странно. Хоть бы попытались удрать, что ли... Катались весело по коврику, задрав кверху ноги и лапы, и обдавали друг друга охапками ржавых листьев.

— Стоп! — закричала Валя. — Вот я вас сейчас рожему татарину продам...

— Продавай, ладно, — равнодушно отозвался Мишка. — Как дальше играть-то?

— Ты куколок будто лепи и наверх нам бросай... Мы теперь татарские девочки... А мы тебе за это лепёшки бросать будем.

— Из чего лепить-то?

В самом деле. Не из листьев же. Валя опять слетала домой и принесла в корзинке плюшевого слона, резинового верблюда, матрёшку, безногого паяца и платяную щётку, — всё, что на скорую руку в детской собрала. Да у кухарки выпросила три пирожка с капустой (ещё вкуснее лепёшек!).

Покидали Мишке игрушки, а он их вихрем все сразу назад выбросил.

— Не так скоро! Чучело какое...

— Ладно. Давай лепёшки!

С «лепёшками» тоже вышло не совсем хорошо. Первый пирожок поймал на лету Тузик и с быстротой фокусника его проглотил. Угрём из-под Мишкиной подмышки вырвался, — проглотил и второй... И только третий удалось передать на палочке кавказскому пленнику.

Потом девочки, пыхтя и толкая друг дружку, спустили в яму длинный шест, чтобы пленники, наконец, удрали.

Но ни Мишка, ни Тузик даже с места не тронулись. Разве плохо в теплой яме? Над головой облака сквозь берёзки продираются, в кармане у Мишки ещё кусок

булки нашёлся. Тузик стал блох искать, а потом к мальчику примостился, — на коврике мягко, — и ежом свернулся. Куда там ещё бежать?

Кричали девочки, сердились, приказывали. Кончилось тем, что сами в яму соскочили, уселись с пленниками рядом и тоже стали на облака смотреть. Ведь могло быть и четыре пленника. А бежать днём всё равно не полагается. У Толстого так ведь и написано: «Звёзды видны, а месяц ещё не всходил»... Время ещё есть. И колодки надо на всех набить, — в оранжерее целую охапку дощечек нашли.

Тузик в полусне покорно протянул девочкам лапу: «Набивайте хоть на все четыре... Всё равно сами и снимете».

* * *

Часа через два вернулась с Петербургской стороны мама девочек. Обошла все комнаты, — нет дочек. Посмотрела в сад: нет! Кликнула было няню, да вспомнила, что няня сегодня к куме в Галерную Гавань отправилась. Кухарка ничего не знает. Дворник показал дощечку: «пять тысяч монет»... Что такое? Да и его Мишка бог весть куда провалился.

Всполошилась она, вышла на крыльцо...

— Дети! Ау... Валя! Ка-тю-ша!

И вдруг с конца сада, точно из-под земли, детские голоса:

— Мы здесь!

— Где здесь?!

— В оранжерее...

Побежала мать на голоса. И что же? Сидят, прижавшись плечо к плечу, в яме на коврике все четверо: Мишка, Тузик и девочки, и у всех глаза от удовольствия блестя.

— Что вы здесь делаете?

— Мы кавказские пленники.

— Какие там пленники! Ведь сыро же здесь... Сейчас же марш домой!..

Вскарабкались девочки по шести, Мишка за ними, а Тузик и без шеста обошёлся.

Идут домой, к матери с двух сторон, как котята, жмутся. Даже непонятно им самим, как это утром их «Кавказский пленник» так расстроил? Ведь превесёлая же, право, штука.

Игорь-Робинзон

Отец уехал по делам в Париж. Мама с экономкой ушли в соседнее местечко за покупками. Игоря не взяли, — до местечка три километра да обратно три. Жара, он «слабый», он устанет... И не надо! Слабый... А мама не слабая? Вчера по парку и вокруг пруда он километров восемнадцать рысью проскакал. Попробовала бы экономка за ним угнаться... И потом в сарайчике на вытянутой руке жестянку с краской десять секунд держал. Слабый...

Игорь заглянул на кухню, выпросил у кухарки кусок теста, вылепил из него бюст Гоголя и поставил на скамейку сохнуть на солнце. Но пришёл индюк, выругался на своём индюшачьем языке, клюнул Игоря в кушак, а Гоголя съел. Дурак надутый!

На лужке за тополями паслась корова. Не очень-то с ней поиграешь в красном галстукее... У тореадора — шпага, а у Игоря только ореховый прут. И тележок её тоже нелепое создание. Чуть увидит мальчика, сейчас же подойдет боком, защежит губами угол курточки и давай сосать. Это новую-то курточку!

И вспомнил: у пристани на пруду — лодка. Можно покачаться, половить на английскую булавку рыбу, поднять адмиральский флаг — голубой носовой платок на пруте. Мало ли что можно.

Запрещено одному кататься в лодке. Но сидеть в лодке, когда она на замке и цепочке, — разговору об этом не было...

Побежал-побежал, наискось через парк, сквозь цепкую повилику, колючую ежевику, кусачую крапиву.

Продрался к пристани, влез в лодку и стал воду ржавой жестяной вычерпывать. Флаг поднял, на скамейку газетный лист подстелил — неудобно же адмиралу на мокрой доске сидеть, — сел и давай лодку раскачивать. Волны справа, волны слева, по тихому пруду зыбь побежала... Зажигательное стекло из кармана вынул и стал сквозь него вдаль смотреть, будто в подзорную трубку: на горизонте тучи, корабль скрипит по швам, в парусах штормовой ветер гудит... «Свистать всех наверх!»

И докачался. Цепочка натянулась, вырвала из трухлявого столба крючок и вместе с замком хлопнулась в воду. Обернулся Игорь — пристань в пяти шагах качается — кланяется. До свидания, адмирал!

Адмирал, однако, не растерялся, схватил со дна весло, еле поднял, хотел за пристань зацепиться — далеко... А лёгкий ветерок залопотал в тополях вокруг пруда и боком понёс лодку на середину прямо к тенистому островку. Игорь веслом в одну сторону поболтал, в другую, весло упрямое, всё норовит из уключины выскочить и мальчика рукояткой на скамейке опрокинуть. Бросил весло, притих и стал ждать, куда Бог вынесет. А сердце на весь пруд колотится.

Зашипела над лодкой зелёная лоза, кролики по кустам брызнули; лодка вздрогнула и остановилась. Остров!

Что делает в первые минуты мореплаватель, прибывший бурей к необитаемому острову? Осматривает своё владение. Игорь так и сделал. Со всех сторон вода. Посредине острова резная будка, в будке охалка старого сена. Под кустами можжевельника у самых корней притаились испуганные кролики, — это их садовник сюда перевёз. Мальчик измерил остров: в длину двадцать пять шагов, в ширину — пятнадцать. Места много, очень много, — чем меньше мальчик, тем просторнее ему кажется клочок земли... А вдруг там, под будкой, клад? Или вход в подземные катакомбы, которые тянутся до самого Парижа? Ай!..

Он побежал к лодке, но поздно. Ведь он же её не привязал, — вильнула носом и отплыла!..

— Настя!.. Я потерпел кру-ше-ни-е!!

Корова на лугу удивлённо подняла морду. В парке насмешливо залопотал индюк... Кухня далеко, конечно, Настя не услышит.

Что же делать? Хныкать? Ни за что! Не могут же его здесь забыть надолго-надолго, пока у него не отрастёт, как у Робинзона, большая борода... К закату вернутся родители... хватятся Игоря — ну и как-нибудь догадаются, где он... А если не догадаются? Ночевать в будке, в темноте, без ужина? Чтобы холодный уж под рубашку забрался! Уснуть, конечно, и на дереве можно. В первую ночь Робинзон всегда на дереве спит. Ну, а если он свалится в воду?

— Настя! Я потерпел...

Нет, не стоит кричать. Только индюку удовольствие, — ишь как передразнивает.

Сел Игорь на пень и задумался. К ногам, прыгая сквозь шершавые ветви, подобрались кролики, понюхали пятки. Станный мальчик, ничего им не привёз — ни капусты, ни морковки... Игорь очнулся, хотел погладить самого маленького чёрного, а они опять во все стороны так и дёрнули. Один серый толстяк так перепугался, что запутался в узловатых корнях и стал задними лапами о землю хлопать...

Прилетела оса. Почему у мальчиков нет крыльев? Минута — и был бы дома... Прилетела и стала вокруг носа Игоря кружиться. И сверху и сбоку, — он пересел, а она снова и снова, хоть в воду от неё прыгай... Но Игорь догадался — вынул из кармана сладкую конфетную булочку, положил на пень, — и оса оставила его в покое.

О! Что такое? На пруду наискось от проточного канала заструилась полоска воды, точно подводная лодка под самой водой шла... Всё ближе, всё ближе к островку. Игорь всмотрелся: крыса. Ага! Значит, садовник прав, они, подлые, с мельницы приплывают сюда душить кроликов.

Он ей покажет! Схватил бесстрашно камень да в неё. Второй залп!.. Третий залп! Хитрая тварь быстро спрятала усатое рыльце под воду, и шагах в десяти заструилась обратная полоска к каналу. Удрала...

Ужасно. Вдруг она ночью приведёт за собой целую флотилию крыс? Приплывут и обгрызут у сонного Игоря уши. Хорош он будет без ушей...

— Эй, там! Я на острове!..

Ни звука. Телёнок подошёл к воде, боднул головой тополь и вдруг, задрав пробочником хвост, поскакал, брыкаясь, вдоль ограды парка.

Между островом и парком качается пустая лодка. Тополя кольцом обступили пруд и шелестят высокими вершинами. Хлопья тополевой ваты медленно кружатся над водой. Рыба плеснула хвостом... Вот ведь досада, — английская булавка в лодке осталась! Игорь вздохнул, но успокоился: щука большая, как бы он её из воды вытащил? Пожалуй, она бы его сама в пруд стянула...

— Настя!

Ах, как тяжело быть Робинзоном... Пошел Игорь в будку и стал придумывать планы спасения. Если бы было ружьё, он бы выстрелил три раза. Сигнал бедствия! Или, если вверху над прудом покажется аэроплан, — он часто здесь пролетает, — можно будет крикнуть лётчику:

— Спуститесь у большого дома за парком и скажите, что я здесь... И что я очень хочу есть!..

Но ни ружья, ни аэроплана не было. Он согрелся на сене, закрыл заплаканные глаза (да, да — заплаканные) и задремал.

И приснилось ему, что из пруда вылез огромный зелёный крокодил, поставил передние лапы на остров и спрашивает у осы: «Эй, ты, жужжалка! А где здесь маленький мальчик? Я сегодня именинник, вот он у меня и пойдёт на третье блюдо...» А оса прилипла к конфетной бумажке, рот сладким соком набила и, к счастью, ничего ответить не может. И крокодил стал сердито лаять...

Дёрнулся Игорь во сне, ударился плечом о косяк и проснулся... Боже мой, да это же пудель садовника лает!

Выбежал Игорь из будки, — в самом деле на берегу пруда пудель, лохматый чёрный друг, смотрит на пустую лодку и взволнованно лает. Увидал мальчика на острове да так и залился визгливой флейтой в собачьей истерике:

— И-и-и! Ай-яй! И!

Ужасно взволновалась собака: как мальчик на остров попал? Почему пустая лодка по воде плавает? Как помочь?

А мальчик руками машет, свистит, зовёт.

Бултыхнулся пудель в воду, что тут долго думать, — и поплыл, фыркая, к острову. Лапами загребает, голову вверх задрал.

Приплыл, встряхнулся и прямо к Игорю на грудь. Водой всего обрызгал, в нос лизнул, в ухо лизнул, — радуется. А Игорь и вдвое рад:

— Цезарь! Умница... Ну, теперь я не один на острове, ты у меня вместо Пятницы будешь.

Что за Пятница? Пудель Цезарь ведь Робинзона не читал, откуда же ему знать?

Обшарил Цезарь все углы, кролики глупые под кусты забились, дрожат, не понимают, что умный пудель их обижать не станет.

Что дальше делать? Смотрит собака на лодку, на мальчика, зовёт с собой домой. Да как доберёшься? На спину к Цезарю сесть? Нельзя, — мальчик ведь потяжелей собаки.

И придумал Игорь, — беда всему научит. Вырвал из записной книжки страничку и написал крупными буквами письмо садовнику:

«Шер Жибер! Совэ муа, силь ву пле. Же сюи сюр лиль!»¹

Показал собаке записку, показал ей на берег и привязал записку над головой пуделя к ошейнику.

¹ «Дорогой Жибер! Спасите меня, пожалуйста. Я здесь на острове!» (фр.)

— Ступай, ступай в воду! Беги к Жиберу и отдай ему записку...

Пудель понял, взвизгнул, лизнул снова Игоря в губы — не бойся, мол, всё исполню — и в воду, только брызги веером полетели. Доплыл, встряхнулся и исчез в парке.

Старый бельгиец-садовник сначала не понял, в чём дело. Прибежала его собака мокрая, головой в ноги тычется. Увидал он записку, развернул... Буквы корявые, почерк детский... Подписи нет. Какой остров? Кого спасти?.. Пожал плечами и бросил записку в смородину.

Но пудель на этом не успокоился. Тянет Жиберу за фартук к пруду... Испугался садовник — ах, Боже мой, не случилось ли с Игорем беды, собака ведь мокрая... Побежал к пруду за собакой, за ним Настя переваливается, руками всплёскивает.

Ах, как Игорь обрадовался...

— Monsieur Жибер, перевезите меня домой, пожалуйста!

— Да как ты на остров попал?

— Не знаю. Сел в лодку. Лодка меня и привезла... а потом уплыла... Как её теперь достать?

Ну, садовник не глупей пуделя был. Достал из-за кустов вертушку с бечёвкой, которой он грядки выравнивал, привязал к веревке камень, бросил в лодку — как раз под скамейку угодил — и притянул лодку осторожно к берегу. Потом уж дело пустое: сел в лодку с пуделем, в три взмаха догрёб до острова и доставил Игоря-Робинзона на берег, прямо к калитке парка.

По дороге пожурил, конечно: зачем в лодку сел без спроса? А если б в воду упал?

— Ничего, monsieur Жибер. Цезарь бы меня вытащил. Но ведь я же не упал!

Поговори-ка после этого с мальчиком...

Побежал Игорь в дом. Слава Богу, ещё никто не вернулся. Сел за стол и стал из картона большую золотую медаль для пуделя мастерить.

Надпись придумал такую:

«Пуделю Цезарю за спасение погибающего мальчика, который самовольно застрял на острове.

Детский Спасательный Комитет».

Размышляем о прочитанном

1. Вы прочитали рассказ Л. Н. Толстого «Кавказский пленник», обсудили его содержание. Саша Чёрный рассказывает о впечатлениях детей, самостоятельно прочитавших этот рассказ и решивших воспроизвести его в своей игре. Какими героями в этой игре хотели бы вы быть? Почему дети не хотели быть Костылиным?

Понравилась ли вам эта детская игра? Какой она вам показалась — весёлой, смешной, наивной?

2. Ещё одна история, придуманная Сашей Чёрным, — про Игоря-Робинзона. Что в ней интересного, забавного? Что вам понравилось, а что показалось неинтересным?

Творческое задание

Придумайте одну или несколько игр, используя сюжеты прочитанных вами произведений. Роль какого литературного героя вы хотели бы исполнить в такой игре?

Совершенствуем свою речь

1. Анализируя юмористическое произведение, подумайте: за счёт чего фразы становятся смешными? Как их надо произнести?

В кабинете на письменном столе сидел рыжий котёнок и, удивлённо прислушиваясь, потрогивал лапкой басовую струну мандолины...;

Чужеземный фикус подымал свежесмытые листья к окну, заглядывая в сад: «какая у них тут в Петербурге весна?»;

Сбоку дремал дубовый буфет.

2. Какие литературные средства и приёмы помогают сделать произведения юмористическими (сравнения, эпитеты, особые ситуации)? Приведите примеры.

Юлий Черсанович Ким

Род. в 1936 г.

Юлий Черсанович Ким родился в Москве. Окончил Московский государственный педагогический институт. После института преподавал историю и литературу на Камчатке, затем в Москве. Работал учителем 9 лет. В институте начал писать песни, вскоре они зазвучали во многих фильмах («Бумбараш», «Двенадцать стульев», «Про Красную Шапочку», «Обыкновенное чудо» и др.). В 1996 году вышли книги Ю. Кима («Творческий вечер», «Летучий ковёр»). Его песни до сих пор звучат в концертах, по радио, по телевидению и радуют слушателей.

Прочитайте весёлую песню Ю. Кима «Рыба-кит» вслух или спойте её.

Как вы думаете, что делает её такой весёлой и бодрой?

Рыба-кит

На далёком Севере
Бродит рыба-кит,
А за ним на сейнере
Ходят рыбаки.

Но нет кита, но нет кита,
Но нет кита, не видно.
Вот беда, ну вот беда,
Ну до чего ж обидно!

Как-то ночью чёрною
Вышел капитан,

И в трубу подзорную
Ищет он кита.

Но нет кита, но нет кита,
Но нет кита, не видно.
Вот беда, ну вот беда,
Ну до чего ж обидно!

Как-то юнга Дудочкин
Бросил в море лот,
И на эту удочку
Клюнул кашалот.

Вот и кит, ну что за вид,
Ну только рёбра видно.
Ах какой, худой такой,
Ну до чего ж обидно!

На далёком Севере
Ходит рыба-кит,
А за ним на сейнере
Ходят рыбаки.

Но нет кита, но нет кита,
Но нет кита, не видно.
Вот беда, ну вот беда,
Ну до чего ж обидно!

Совершенствуем свою речь

1. Читая или слушая исполнение юмористического стихотворения-песни известного поэта Юлия Кима, мы весело улыбаемся. Как ритм стихотворения, повторы, неожиданные словосочетания помогают нам понять, что это юмористическое произведение и что это песня?
2. Объясните значение слов и подберите к ним синонимы:

<i>бродит</i> —	<i>лот</i> —
<i>сейнер</i> —	<i>рыбак</i> —
<i>беда</i> —	<i>обидно</i> —
<i>юнга</i> —	

Учимся читать выразительно

Подготовьтесь к конкурсу на самое смешное чтение наизусть (возможно инсценированное) стихотворения Ю. Кима «Рыба-кит».

О ТАЛАНТЛИВОМ ЧИТАТЕЛЕ

Литературе так же нужны талантливые читатели, как и талантливые писатели. Именно на них, на этих талантливых, чутких, обладающих творческим воображением читателей, и рассчитывает автор, когда напрягает все свои душевные силы в поисках верного образа, верного поворота действия, верного слова.

Художник-автор берёт на себя только часть работы. Остальное должен дополнить своим воображением художник-читатель.

С. Я. Маршак

Размышляем о прочитанном

Как вы понимаете слова С. Я. Маршака? Подготовьте развёрнутый ответ на этот вопрос.

Проверьте себя

Итоговые вопросы

1. Какие, на ваш взгляд, произведения, включённые в ваш учебник, навсегда останутся любимыми для многих поколений читателей? Назовите их, вспомните о героях, событиях особенно полюбившихся произведений.
2. Проверьте себя. Какое произведение так заканчивается:
«Засеют как следует, а взойдёт такое, что и разобрать нельзя: арбуз не арбуз, тыква не тыква, огурец не огурец... чёрт знает что такое!»;
«Когда же пришло время и нам оставить тихий родной город, здесь же в последний день мы оба, полные жизни и надежды, произнесли над маленькою могилкой свои обеты»?
3. Назовите жанры литературных произведений, которые были включены в ваш учебник, приведите примеры (сказ, басня, стихотворение, рассказ и т. д.). Чем отличается сказ от сказки, рассказ от повести?
4. Приведите примеры перекрёстной, опоясывающей рифмовки из знакомых вам стихотворений.
5. В каких произведениях вам встречались сравнения, гиперболы, метафоры (приведите примеры)?
6. Какой герой какого произведения кажется вам самым интересным? А вашим товарищам?
7. Прочитайте наизусть одно из стихотворений, выученных вами в течение года.
8. Прочитайте высказывание С. Я. Маршака «О талантливом читателе». Как вы понимаете слова писателя? Подготовьте собственное рассуждение о талантливом писателе и о талантливом читателе.

ИЗ ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Роберт Льюис СТИВЕНСОН

1850–1894

Роберт Льюис Стивенсон — английский писатель, из семьи шотландских инженеров, строителей маяков. Мальчик рос болезненным, часто болезнь надолго приковывала его к постели.

«Детство моё, по правде сказать, — писал он впоследствии, — было безрадостное. Жар, бред, бессонница, тягостные дни, нескончаемые ночи».

Мечта стать спасателем кораблей, бороться со стихией, путешествовать привела его к письменному столу.

Стивенсон писал романы, рассказы, очерки, путевые заметки. Наибольшим успехом у читателей пользовались его приключенческие романы о морских странствиях, о коварных пиратах, о благородных рыцарях, о бесстрашных героях, борцах за справедливость. Наиболее любимы юными читателями нашей страны романы Стивенсона «Остров сокровищ» и «Чёрная стрела». Романы писателя увлекают стремительно развивающимся сюжетом, сценами сражений, поединков, они учат ненавидеть зло и предательство, а в главных героях этих книг читатель видит пример честности, верности и отваги.

К истории горячо любимой родины, Шотландии, писатель обращается не только в романах, но и в стихотворных произ-

ведениях, в исторических балладах. «Вересковый мёд» — одна из таких баллад. Познакомьтесь с ней в переводе Самуила Яковлевича Маршака.

Вересковый¹ мёд

Шотландская баллада

Из вереска напиток
Забыт давным-давно.
А был он слаще мёда,
Пьянее, чем вино.

В котлах его варили
И пили всей семьёй
Малютки-медовары
В пещерах под землёй.

Пришёл король шотландский,
Безжалостный к врагам,
Погнал он бедных пиктов²
К скалистым берегам.

На вересковом поле,
На поле боевом,
Лежал живой на мёртвом
И мёртвый на живом.

Лето в стране настало,
Вереск опять цветёт,
Но некому готовить
Вересковый мёд.

В своих могилках тесных,
В горах родной земли,
Малютки-медовары
Приют себе нашли.

¹ *Вéреск* — низкий вечнозеленый кустарник с мелкими листьями и лилово-розовыми цветами.

² *Пикты* — народ, в давние времена населявший Шотландию. В V в. Шотландия была завоёвана скоттами.

Король по склону едет
Над морем на коне,
А рядом реют чайки
С дорогой наравне.

Король глядит угрюмо
И думает: «Кругом
Цветет медвяный вереск,
А мёда мы не пьём!»

Но вот его вассалы
Приметили двоих
Последних медоваров,
Оставшихся в живых.

Вышли они из-под камня,
Щурясь на белый свет, —
Старый горбатый карлик
И мальчик пятнадцати лет.

К берегу моря крутому
Их привели на допрос,
Но ни один из пленных
Слова не произнёс.

Сидел король шотландский,
Не шевелясь, в седле,
А маленькие люди
Стояли на земле.

Гневно король промолвил:
— Пытка обоих ждёт,
Если не скажете, черти,
Как вы готовили мёд!

Сын и отец молчали,
Стоя у края скалы.
Вереск звенел над ними,
В море катились валы.

«Вересковый мёд». Кадр из мультфильма. Реж. И. Гурвич. 1974

И вдруг голосок раздался:
— Слушай, шотландский король,
Поговорить с тобою
С глазу на глаз позволю!

Старость боится смерти.
Жизнь я изменой куплю,
Выдам заветную тайну! —
Карлик сказал королю.

Голос его воробьиный
Резко и чётко звучал:
— Тайну давно бы я выдал,
Если бы сын не мешал!

Мальчику жизни не жалко,
Гибель ему нипочём.
Мне продавать свою совесть
Совестно будет при нём.

Пускай его крепко свяжут
И бросят в пучину вод —
А я научу шотландцев
Готовить старинный мёд!

Сильный шотландский воин
Мальчика крепко связал
И бросил в открытое море
С прибрежных отвесных скал.

Волны над ним сомкнулись,
Замер последний крик.
И эхом ему ответил
С обрыва отец-старик:

— Правду сказал я, шотландцы,
От сына я ждал беды.
Не верил я в стойкость юных,
Не бреющих бороды.

А мне костёр не страшен.
Пускай со мною умрёт
Моя святая тайна —
Мой вересковый мёд!

Размышляем о прочитанном

1. Что вы читали о Стивенсоне и какие его произведения знакомы вам по самостоятельному чтению?
2. О каких событиях рассказала вам баллада «Вересковый мёд»? Понравилась ли она вам? О чём заставила вас задуматься?
3. Какие черты характера героя прославляются автором?

4. Какой смысл вкладывается автором в две последние строфы?

*— Правду сказал я, шотландцы,
От сына я ждал беды.
Не верил я в стойкость юных,
Не бреющих бороды.*

*А мне костёр не страшен.
Пускай со мною умрёт
Моя святая тайна —
Мой вересковый мёд!*

5. Какие признаки жанра баллады вы можете найти в «Вересковом мёде» Р. Л. Стивенсона?

Учимся читать выразительно

Подготовьте выразительное чтение баллады. Постарайтесь при чтении передать черты непростого характера старого медовара (мужественность, хитрость, верность долгу, презрение к смерти).

Даниель ДЕФО

1660—1731

Даниель Дефо родился в Бристоле в семье торговца мясом Джеймса Фо (частицу «де» Даниель прибавил к своей фамилии, уже став взрослым). Отец хотел видеть своего сына священником и отдал его на обучение в духовную академию; здесь он изучил несколько иностранных языков, занимался историей, географией, астрономией.

Но священником он не стал. Он мечтал о путешествиях, хотел повидать мир, чужие страны. Он стал купцом, занимался торговлей, побывал в Испании, Португалии, Голландии, Франции, Италии. Богатства он не нажил и в коммерции не преуспел. Впоследствии он и вовсе отошёл от торговли.

Его привлекала журналистика, и он постоянно размышлял над способами наилучшей организации жизни общества. Он был сторонником свободы слова и печати, придерживался демократических взглядов, считал, что личные качества человека гораздо важнее, чем знатное происхождение, что только личная доблесть, достойные поступки и честность возвышают человека. Дефо выступал против несправедливых законов, наказывающих бедняков и защищающих богачей. Он стремился содействовать быстрейшему развитию Англии, её промышленности и торговли.

На склоне лет Дефо начал писать романы. Свой первый роман «Робинзон Крузо» он написал, когда ему было почти шестьдесят лет. Роман имел огромный успех, и тогда Дефо принялся за его продолжение, рассказав во второй и третьей частях романа обо всём, что случилось с Робинзоном уже после того, как он покинул необитаемый остров, на котором провёл двадцать восемь лет своей жизни.

Среди многих описаний путешествий Робинзона рассказывается и о том, как он вместе с другими торговцами проехал

через всю Сибирь, побывал в Тобольске, добрался до западных границ России, отправился к себе на родину — в Англию. В своих романах Дефо рассказывает о людях, которым приходится преодолевать много трудностей. Его героями становятся сироты, подкидыши, пираты, вынужденные вести борьбу за свою жизнь. Достоинство романов Дефо — в их верности жизни. Его герои деятельны, энергичны, умны.

«Робинзон Крузо» — удивительная книга! Она была написана очень давно — в 1719 году и сразу сделала Робинзона Крузо бессмертным. Дефо говорил, что в Робинзоне Крузо он изобразил самого себя, свою жизнь. Но не только свою. История Робинзона Крузо — это рассказ о том, как человек (им может быть каждый) в повседневном труде ведёт борьбу за существование, познаёт природу, учится обрабатывать землю, строить, мастерить, вести хозяйство. В этом смысле путь Робинзона проходит каждый. И всё чаще «робинзонами» называют тех, кто действительно оказывается вдали от людей наедине с природой, и ему как бы снова приходится обустривать свою жизнь, повторяя путь всего человечества от состояния дикости до создания человеческих условий существования.

По Н. П. Михальской

Робинзон Крузо

Отрывок

Глава шестая

Робинзон на необитаемом острове. —

Он добывает вещи с корабля и строит себе жильё

Проснулся я поздно. Погода была ясная, ветер утих, море перестало бесноваться.

Я взглянул на покинутый нами корабль и с удивлением увидел, что на прежнем месте его уже нет. Теперь его прибило ближе к берегу. Он очутился неподалёку от той самой скалы, о которую меня чуть не разби-

ло волной. Должно быть, ночью его приподнял прилив, сдвинул с мели и пригнал сюда. Теперь он стоял не дальше мили от того места, где я ночевал. Волны, очевидно, не разбили его: он держался на воде почти прямо.

Я тотчас же решил пробраться на корабль, чтобы заpastись провизией и разными другими вещами.

Спустившись с дерева, я ещё раз осмотрелся кругом. Первое, что я увидел, была наша шлюпка, лежавшая по правую руку, на берегу, в двух милях отсюда — там, куда её швырнул ураган. Я пошёл было в том направлении, но оказалось, что прямой дорогой туда не пройдёшь: в берег глубоко врезалась бухта, шириною в полмили, и преграждала путь. Я повернул назад, потому что мне было гораздо важнее попасть на корабль: я надеялся найти там еду.

После полудня волны совсем улеглись, и отлив был такой сильный, что четверть мили до корабля я шёл по сухому дну.

Тут снова у меня заняло сердце: мне стало ясно, что все мы теперь были бы живы, если бы не испугались бури и не покинули свой корабль. Нужно было только выждать, чтобы шторм прошёл, и мы благополучно добрались бы до берега, и я не был бы теперь вынужден бедствовать в этой безлюдной пустыне.

При мысли о своём одиночестве я заплакал, но, вспомнив, что слёзы никогда не прекращают несчастий, решил продолжать свой путь и во что бы то ни стало добраться до разбитого судна. Раздевшись, я вошёл в воду и поплыл.

Но самое трудное было ещё впереди: взобраться на корабль я не мог. Он стоял на мелком месте, так что почти целиком выступал из воды, а ухватиться было не за что. Я долго плавал вокруг него и вдруг заметил корабельный канат (удивляюсь, как он сразу не бросился мне в глаза!). Канат свешивался из люка, и конец его приходился так высоко над водой, что мне с величайшим трудом удалось поймать его. Я поднялся

по канату до кубрика¹. Подводная часть корабля была пробита, и трюм был наполнен водой. Корабль стоял на твёрдой песчаной отмели, корма его сильно приподнялась, а нос почти касался воды. Таким образом, вода не попала в корму, и ни одна из вещей, находившихся там, не подмокла. Я поспешил туда, так как мне раньше всего хотелось узнать, какие вещи испортились, а какие уцелели.

Оказалось, что весь запас корабельной провизии остался совершенно сухим. А так как меня мучил голод, то я первым делом пошёл в кладовую, набрал сухарей и, продолжая осмотр корабля, ел на ходу, чтобы не терять времени. В кают-компании я нашёл бутылку рома и отхлебнул из неё несколько хороших глотков, так как очень нуждался в подкреплении сил для предстоящей работы.

Прежде всего мне нужна была лодка, чтобы перевезти на берег те вещи, которые могли мне понадобиться. Но лодку было неоткуда взять, а желать невозможного бесполезно. Нужно было придумать что-нибудь другое. На корабле были запасные мачты, стеньги² и рей³. Из этого материала я решил построить плот и горячо принялся за работу.

Выбрав несколько бревён полегче, я выбросил их за борт, обвязав предварительно каждое бревно канатом, чтобы их не унесло. Затем я спустился с корабля, протянул к себе четыре бревна, крепко связал их с обоих концов, скрепив ещё сверху двумя или тремя досочками, положенными накрест, и у меня вышло нечто вроде плота.

Меня этот плот отлично выдерживал, но для большого груза он был слишком лёгок и мал.

Пришлось мне снова взбираться на корабль. Там разыскал я пилу нашего корабельного плотника и распилил запасную мачту на три бревна, которые и при-

¹ *Кубрик* — помещение для матросов в носовой части корабля.

² *Стеньга* — вертикальный брус, составляющий продолжение мачты.

³ *Рей* — подвижной поперечный брус на мачтах.

ладил к плоту. Плот стал шире и гораздо устойчивее. Эта работа стоила мне огромных усилий, но желание запастись всем необходимым для жизни поддерживало меня, и я сделал то, на что при обыкновенных обстоятельствах у меня не хватило бы сил.

Теперь мой плот был широк и крепок, он мог выдерживать значительный груз.

Чем же нагрузить этот плот и что сделать, чтобы его не смыло приливом? Долго раздумывать было некогда, нужно было торопиться.

Раньше всего я уложил на плоту все доски, какие нашлись на корабле; потом взял три сундука, принадлежавших нашим матросам, взломал замки и выбросил всё содержимое. Потом я отобрал те вещи, которые могли понадобиться мне больше всего, и наполнил ими все три сундука. В один сундук я сложил съестные припасы: рис, сухари, три круга голландского сыру, пять больших кусков вяленой козлятины, служившей нам на корабле главной мясной пищей, и остатки ячменя, который мы везли из Европы для бывших на судне кур; кур мы давно уже съели, а немного зерна осталось. Этот ячмень был перемешан с пшеницей; он очень пригодился бы мне, но, к сожалению, как потом оказалось, был сильно попорчен крысами. Кроме того, я нашёл несколько ящиков вина и до шести галлонов¹ рисовой водки, принадлежащих нашему капитану.

Эти ящики я тоже поставил на плот, рядом с сундуками.

Между тем, покуда я был занят погрузкой, начался прилив, и я с огорчением увидел, что мой кафтан, рубашку и камзол, оставленные мной на берегу, унесло в море.

Теперь у меня остались только чулки да штаны (полотняные, короткие, до колен), которые я не снял, когда плыл к кораблю. Это заставило меня подумать о

¹ Галлон — английская мера жидких тел, равна 3,78 литра.

«Робинзон Крузо». Худ. И. Ильинский, А. Константиновский

том, чтобы запастись не только едой, но и одеждой. На корабле было достаточное количество курток и брюк, но я взял пока одну только пару, потому что меня соблазняло гораздо больше многое другое, и прежде всего рабочие инструменты.

После долгих поисков я нашёл ящик нашего плотника, и это была для меня поистине драгоценная находка, которой я не отдал бы в то время за целый корабль, наполненный золотом. Я поставил на плот этот ящик, даже не заглянув в него, так как мне было отлично известно, какие инструменты находятся в нём.

Теперь мне оставалось запастись оружием и зарядами. В каюте я нашёл два хороших охотничьих ружья и два пистолета, которые я уложил на плоту вместе с пороховницей, мешочком дробы и двумя старыми, заржавленными шпагами. Я знал, что у нас на корабле было три бочонка пороху, но не знал, где они хранятся. Однако после тщательных поисков все три бочонка нашлись. Один оказался подмоченным, а два других были сухи, и я перетащил их на плот вместе с ружьями и шпагами. Теперь мой плот был достаточно нагружен, и надо было отправляться в путь. Добраться до берега на плоту без паруса, без руля — нелёгкая задача: довольно было самого слабого встречного ветра, чтобы всё моё снаряжение опрокинулось.

К счастью, море было спокойно. Начинался прилив, который должен был погнать меня к берегу. Кроме того, поднялся небольшой ветерок, тоже попутный. Поэтому, захватив с собой сломанные вёсла от корабельной шлюпки, я поспешил в обратный путь. Вскоре мне удалось высмотреть маленькую бухту, к которой я и направил свой плот. С большим трудом я провёл его поперёк течения и наконец вошёл в эту бухту, упершись в дно веслом, едва начался отлив, мой плот со всем грузом оказался на сухом берегу.

Теперь мне предстояло осмотреть окрестности и выбрать себе удобное местечко для жилья — такое, где я мог бы сложить всё своё имущество, не боясь, что оно

погибнет. Я всё ещё не знал, куда я попал: на материк или на остров. Живут ли здесь люди? Водятся ли здесь хищные звери? В полумиле от меня или немного дальше виднелся холм, крутой и высокий. Я решил подняться на него, чтобы осмотреться кругом. Взяв ружьё, пистолет и пороховницу, я отправился на разведку.

Взбираться на вершину холма было трудно. Когда же я наконец взобрался, я увидел, какая горькая участь выпала мне на долю: я был на острове! Кругом со всех сторон расстилалось море, за которым нигде не было видно земли; если не считать торчавших в отдалении нескольких рифов да двух островков, лежавших в милях девяти к западу. Эти островки были маленькие, гораздо меньше моего.

Я сделал и другое открытие: растительность на острове была дикая, нигде не было видно ни клочка возделанной земли. Значит, людей здесь и в самом деле не было!

Хищные звери здесь тоже как будто не водились, по крайней мере я не заметил ни одного. Зато птицы водились во множестве, всё каких-то неизвестных мне пород, так что потом, когда мне случалось подстрелить птицу, я никогда не мог определить по виду, годится в пищу её мясо или нет.

Спускаясь с холма, я подстрелил одну птицу, очень большую: она сидела на дереве у опушки леса.

Я думаю, это был первый выстрел, раздавшийся в этих диких местах. Не успел я выстрелить, как над лесом взвилась туча птиц. Каждая кричала на свой лад, но ни один из этих криков не походил на крики знакомых мне птиц.

Убитая мною птица напоминала нашего европейского ястреба и окраской перьев, и формой клюва. Только когти у неё были гораздо короче. Мясо её отдавало падалью, и я не мог его есть.

Таковы были открытия, которые я сделал в первый день. Потом я воротился к плоту и принялся перета-

скивать вещи на берег. Это заняло у меня весь остаток дня.

К вечеру я снова стал думать, как и где мне устроиться на ночь.

Лечь прямо на землю я боялся: что, если мне грозит нападение какого-нибудь хищного зверья? Поэтому, выбрав на берегу удобное местечко для ночлега, я загородил его со всех сторон сундуками и ящиками, а внутри этой ограды соорудил из досок нечто вроде шалаша.

Беспокоил меня также вопрос, как я буду добывать себе пищу, когда у меня выйдут запасы: кроме птиц да двух каких-то зверьков, вроде нашего зайца, выскочивших из лесу при звуке моего выстрела, никаких живых существ я здесь не видел.

Впрочем, в настоящее время меня гораздо больше занимало другое. Я увёз с корабля далеко не всё, что можно было взять: там осталось много вещей, которые могли мне пригодиться, и прежде всего паруса и канаты. Поэтому я решил, если мне ничто не помешает, снова побывать на корабле. Я был уверен, что при первой же буре его разобьёт в щепки. Нужно было отложить все другие дела и спешно заняться разгрузкой судна. Нельзя успокаиваться, пока я не свезу на берег все вещи, до последнего гвоздика.

Придя к такому решению, я стал думать, ехать ли мне на плоту или отправиться вплавь, как в первый раз. Я решил, что удобнее отправиться вплавь. Только на этот раз я разделся в шалаше, оставшись в одной нижней клетчатой сорочке, в полотняных штанах и кожаных туфлях на босу ногу.

Как и в первый раз, я взобрался на корабль по канату, затем сколотил новый плот и перевёз на нём много полезных вещей. Во-первых, я захватил всё, что нашлось в чуланчике нашего плотника, а именно: два или три мешка с гвоздями (большими и мелкими), отвёртку, дюжины две топоров, а главное — такую полезную вещь, как точило.

Потом я прихватил несколько вещей, найденных мною у нашего канонира¹: три железных лома, два бочонка с ружейными пулями и немного пороху. Потом я разыскал на корабле целый ворох всевозможного платья да прихватил ещё запасной парус, гамак, несколько тюфяков и подушек. Всё это я сложил на плоту и, к великому моему удовольствию, доставил на берег в целости.

Отправляясь на корабль, я боялся, как бы в моё отсутствие на провизию не напали бы какие-нибудь хищники. К счастью, этого не случилось.

Только какой-то зверёк прибежал из лесу и уселся на одном из моих сундуков. Увидев меня, он отбежал немного в сторону, но тотчас же остановился, встал на задние лапы и с невозмутимым спокойствием, без всякого страха поглядел мне в глаза, словно хотел познакомиться со мной.

Зверёк был красивый, похожий на дикую кошку. Я прицелился в него из ружья, но он, не догадываясь об угрожающей ему опасности, даже не тронулся с места. Тогда я бросил ему кусок сухаря, хотя это было с моей стороны неразумно, так как сухарей у меня было мало и мне следовало их беречь. Всё же зверёк так понравился мне, что я выделил ему этот кусок сухаря. Он подбежал, обнюхал сухарь, съел его и облизнулся с большим удовольствием. Видно было, что он ждёт продолжения. Но больше я не дал ему ничего. Он посидел немного и ушёл.

После этого я принялся строить себе палатку. Я сделал её из паруса и жердей, которые нарезал в лесу. В палатку я перенёс всё, что могло испортиться от солнца и дождя, а вокруг нагромоздил пустые ящики и сундуки, на случай внезапного нападения людей или диких зверей.

Вход в палатку я загородил снаружи большим сундуком, поставив его боком, а изнутри загородился до-

¹ Канонёр — пушкарь, артиллерист.

сками. Затем я разостлал на земле постель, положил у изголовья два пистолета, рядом с постелью — ружьё и лёг.

После кораблекрушения это была первая ночь, которую я провёл в постели. Я крепко проспал до утра, так как в предыдущую ночь спал очень мало, а весь день работал без отдыха: сперва грузил вещи с корабля на плот, а потом переправлял их на берег.

Ни у кого, я думаю, не было такого огромного склада вещей, какой был теперь у меня. Но мне всё казалось мало. Корабль был цел, и покуда не отнесло его в сторону, покуда на нём оставалась хоть одна вещь, которой я мог воспользоваться, я считал необходимым свезти отсюда на берег всё, что возможно. Поэтому каждый день я отправлялся туда во время отлива и привозил с собою всё новые и новые вещи.

Особенно успешным было моё третье путешествие. Я разобрал все снасти и взял с собой все верёвки. В этот раз я привёз большой кусок запасной парусины, служившей у нас для починки парусов, и бочонок с подмокшим порохом, который я было оставил на корабле. В конце концов я переправил на берег все паруса; только пришлось разрезать их на куски и перевезти по частям. Впрочем, я не жалел об этом: паруса были нужны мне отнюдь не для мореплавания, и вся их ценность заключалась для меня в парусине, из которой они были сшиты.

Теперь с корабля было взято решительно всё, что под силу поднять одному человеку. Остались только громоздкие вещи, за которые я и принялся в следующий рейс. Я начал с канатов. Каждый канат я разрезал на куски такой величины, чтобы мне не было слишком трудно управляться с ними, и по кускам перевёз три каната. Кроме того, я взял с корабля все железные части, какие мог отодрать при помощи топора. Затем, отрубив все оставшиеся рей, я построил из них плот побольше, погрузил на него все эти тяжести и пустился в обратный путь.

Но на этот раз счастье изменило мне: мой плот был так тяжело нагружен, что мне было очень трудно им управлять.

Когда, войдя в бухточку, я подходил к берегу, где было сложено остальное моё имущество, плот опрокинулся, и я упал в воду со всем моим грузом. Утонуть я не мог, так как это произошло неподалёку от берега, но почти весь мой груз очутился под водой, главное, затонуло железо, которым я так дорожил.

Правда, когда начался отлив, я вытащил на берег почти все куски каната и несколько кусков железа, но мне приходилось нырять за каждым куском, и это очень утомило меня.

Мои поездки на корабль продолжались изо дня в день, и каждый раз я привозил что-нибудь новое.

Уже тринадцать дней я жил на острове и за это время побывал на корабле одиннадцать раз, перетаскивая на берег решительно всё, что в состоянии поднять пара человеческих рук. Не сомневаюсь, что, если бы тихая погода продержалась дольше, я перевёз бы по частям весь корабль.

Делая приготовления к двенадцатому рейсу, я заметил, что поднимается ветер. Тем не менее, дождавшись отлива, я отправился на корабль. Во время прежних своих посещений я так основательно обшарил нашу каюту, что мне казалось, будто там уже ничего невозможно найти. Но вдруг мне бросился в глаза маленький шкаф с двумя ящиками: в одном я нашёл три бритвы, ножницы и около дюжины хороших вилок и ножей; в другом ящике оказались деньги, частью европейской, частью бразильской серебряной и золотой монетой — всего до тридцати шести фунтов стерлингов. Я усмехнулся при виде этих денег.

— Негодный мусор, — проговорил я, — на что ты мне теперь? Всю кучу золота я охотно отдал бы за любой из этих грошовых ножей. Мне некуда тебя девать. Так отправляйся же на дно морское. Если бы ты лежал на полу, право, не стоило бы труда нагибаться, чтобы под-

нять тебя. — Но, поразмыслив немного, я всё же завернул деньги в кусок парусины и прихватил их с собой.

Море бушевало всю ночь, и, когда поутру я выглянул из своей палатки, от корабля не осталось и следа. Теперь я мог всецело заняться вопросом, который тревожил меня с первого дня: что мне делать, чтобы на меня не напали ни хищные звери, ни дикие люди? Какое жильё мне устроить? Выкопать пещеру или поставить палатку? В конце концов я решил сделать и то и другое.

К этому времени мне стало ясно, что выбранное мною место на берегу не годится для постройки жилища: это было болотистое, низменное место, у самого моря. Жить в подобных местах очень вредно. К тому же поблизости не было пресной воды. Я решил найти другой клочок земли, более пригодный для жилья. Мне было нужно, чтобы жильё моё было защищено и от солнечного зноя, и от хищников; чтобы оно стояло в таком месте, где нет сырости; чтобы вблизи была пресная вода. Кроме того, мне непременно хотелось, чтобы из моего дома было видно море.

— Может случиться, что неподалёку от острова появится корабль, — говорил я себе, — а если я не буду видеть моря, я могу пропустить этот случай.

Как видите, мне всё ещё не хотелось расставаться с надеждой.

После долгих поисков я нашёл наконец подходящий участок для постройки жилища. Это была небольшая гладкая полянка на скате высокого холма. От вершины до самой полянки холм спускался отвесной стеной, так что я мог не опасаться нападения сверху. В этой стене у самой полянки было небольшое углубление, как будто вход в пещеру, но никакой пещеры не было. Вот тут-то, прямо против этого углубления, на зелёной полянке, я и решил разбить палатку. Место это находилось на северо-западном склоне холма, так что почти до самого вечера оно оставалось в тени. А перед вечером его озаряло заходящее солнце.

«Робинзон Крузо». Худ. И. Ильинский

Прежде чем ставить палатку, я взял заострённую палку и описал перед самым углублением полукруг ярдов¹ десяти в диаметре. Затем по всему полукругу я вбил в землю два ряда крепких высоких кольев, заострённых на верхних концах. Между двумя рядами кольев я оставил небольшой промежуток и заполнил его до самого верха обрезками канатов, взятых с корабля. Я сложил их рядами, один на другой, а изнутри укрепил ограду подпорками. Ограда вышла у меня на славу: ни пролезть сквозь неё, ни перелезть через неё не мог ни человек, ни зверь. Эта работа потребовала много времени и труда. Особенно трудно было нарубить в лесу жердей, перенести их на место постройки, обтесать и вбить в землю. Забор был сплошной, двери не было. Для входа в моё жилище мне служила лестница. Я приставлял её к частоколу всякий раз, когда мне нужно было войти или выйти.

¹ Ярд — английская мера длины, равна 0,9144 метра.

Размышляем о прочитанном

1. Что вы можете рассказать о Даниеле Дефо — авторе «Робинзона Крузо»?
2. Прочитали ли вы роман «Робинзон Крузо» целиком? Что вы знаете об этом герое? Нравится ли вам его характер?
3. Кто может назвать себя «робинзоном»? Какими качествами должен обладать такой человек?
4. Расскажите о Робинзоне. Кого из героев литературных произведений, о которых вы прочитали в пятом классе, можно назвать «робинзонами»? Почему?
5. Герой Даниеля Дефо Робинзон Крузо записывал все перенесенные им горести, а рядом всё, что случилось с ним радостного, или, как он говорит, «отрадного»:

З л о

Я заброшен судьбой на мрачный, необитаемый остров и не имею никакой надежды на избавление.

Я как бы выделен и отрезан от всего мира и обречён на горе.

Я отделён от всего человечества; я отшельник, изгнанный из общества людей.

Д о б р о

Но я жив и не утонул, подобно всем моим товарищам.

Но зато я выделен из всего нашего экипажа: смерть пощадила одного меня, и тот, кто столь чудесным образом спас меня от смерти, может спасти меня и из моего безотрадного положения.

Но я не умер с голоду и не погиб в этом пустынном месте, где человеку нечем питаться. <...>

О чём свидетельствует такой дневник? Как он характеризует героя?

Как вы думаете, что может дать герою подобный дневник в особых обстоятельствах?

Творческое задание

Как вы думаете, почему роман Даниеля Дефо стал одним из самых читаемых произведений мировой литературы. Подготовьте развёрнутый устный ответ на этот вопрос.

Д. Дефо. «Робинзон Крузо»

1. Послушайте ещё раз музыку, на фоне которой актёр читает полное название книги о Робинзоне. Как вы считаете, отражает ли музыка те переживания героя, о которых рассказал писатель?
2. Душевное состояние героя, описанное в «Дневнике», меняется день ото дня. Как вы думаете почему? Как актёр передаёт эти изменения? Перескажите содержание «Дневника», передавая изменения в настроении Робинзона.
3. Как вы думаете, почему автор отказался от продолжения «Дневника» героя? Может быть, дело не в том, что закончились чернила?

Ханс Кристиан АНДЕРСЕН

1805—1875

Ханс Кристиан Андерсен родился в городе Оденсе на острове Фюн в семье сапожника. «Детство моё, — вспоминал он, — прошло в одной-единственной комнате, почти целиком заставленной сапожным верстаком, кроватью и раздвижной скамьёй, на которой я спал,

зато стены были увешаны картинами, на комоде стояли красивые чашки, стаканы и безделушки, а над верстаком, у окна, висела полка с книгами и нотами. Тесное помещение казалось мне большим и роскошным... Из кухни вела лестница на чердак, где в водосточном желобе между нашим и соседским домом стоял ящик с землёй, в котором росли лук и петрушка, это был весь огород моей матери; он до сих пор цветёт в моей сказке „Снежная королева“».

В детстве всё интересно и важно — цветы, и самодельные игрушки, и кукольный театр, и прогулки по городу. Интересно было рассматривать афиши, наблюдать, как иногда проходили по улицам матросы и солдаты. Но самым интересным и важным в жизни Ханса были истории, сказки, которые по вечерам рассказывали старшие. Особенно много самых удивительных историй знала бабушка. Её сказки были самыми замечательными, а песни, которые она пела, самыми прекрасными. Ханс внимательно слушал, запоминал, и ему самому хотелось рассказать обо всём, что приходило ему в голову.

В сказках Андерсена вещи оживают. Игрушки устраивают бал. Воротничок собирается жениться. Старый уличный фонарь важно лежит в кресле возле тёплой печки. Грифель пляшет. Фантастические существа встречаются с обыкновенными людьми. В сказках Андерсена мы видим самых разных персонажей — девочек и мальчиков, принцев и принцесс, королей и

королев, писателя и студента, пастуха и аптекаря, солдата и сапожника.

За свою жизнь писатель объездил все страны Европы. А его сказки путешествуют по всему миру.

По Н. П. Михальской

Снежная королева

История первая,

в которой говорится о зеркале и его осколках

Ну, начнём! Дойдя до конца нашей истории, мы будем знать больше, чем теперь. Так вот, жил однажды тролль, злющий-презлющий, как сам дьявол. Раз он был в особенно хорошем расположении духа: он смастерил такое зеркало, в котором всё доброе и прекрасное уменьшалось донельзя, всё же негодное и безобразное, напротив, так и бросалось в глаза и казалось ещё хуже. Прекраснейшие пейзажи выглядели в нём варёным шпинатом¹, а лучшие из людей — уродами или казались стоящими кверху ногами и без животов, так что тролль не мог не хохотать, радуясь своей выдумке. Все ученики тролля — у него была своя школа — рассказывали о зеркале, как о каком-то чуде.

— Теперь только, — говорили они, — можно увидеть весь мир и людей в их настоящем свете!

И вот они бегали с зеркалом повсюду. Скоро не осталось ни одной страны, ни одного человека, которые бы не отразились в нём в искажённом виде. Напоследок захотелось им добраться и до неба, чтобы посмеяться над ангелами и самим Творцом.

Всё выше и выше летели они, и вдруг зеркало так перекосило, что оно вырвалось у них из рук, полетело на землю и разбилось вдребезги. Миллионы, биллионы его осколков наделали, однако, несравненно больше вреда,

¹ *Шпинат* — растение, листья которого употребляются в пищу. При варке шпинат превращается в зелёную кашу.

чем само зеркало. Некоторые из них, величиной всего с песчинку, разлетаясь по белу свету, попадали, случилось, людям в глаза и так там и оставались. Человек же с таким осколком в глазу начинал видеть всё навыворот или замечать в каждой вещи одно лишь дурное, так как каждый осколок сохранял свойство, которым отличалось прежде целое зеркало. Некоторым людям осколки попадали прямо в сердце, и это было хуже всего: сердце превращалось в кусок льда. Были между этими осколками и большие — такие, что их можно было вставить в оконные рамы, но уж в эти окна не стоило смотреть на своих добрых друзей. Наконец, были такие осколки, которые пошли на очки; только беда была, если люди надевали их для того, чтобы смотреть на вещи и судить о них вернее.

Злой тролль хохотал до колик в животе и наслаждался, словно его щекотали. А по свету летало ещё много осколков зеркала.

Послушаем же!

История вторая Мальчик и девочка

В большом городе, где столько домов и людей, что не всем удаётся отгородить себе хоть маленькое местечко для садика, и где поэтому большинству жителей приходится довольствоваться комнатными цветами в горшках, жили двое бедных детей, но у них был садик побольше цветочного горшка.

Они не были в родстве, но любили друг друга, как брат и сестра.

Родители их жили под самой крышей в двух смежных домах. Там, где кровли домов почти сходились, под выступами кровель шёл водосточный жёлоб, и туда как раз были обращены чердачные окошки обеих семей. Таким образом, стоило только перешагнуть с одного желоба на другой — и вы попадали к соседям.

У родителей было по большому деревянному ящику; в них росли овощи и небольшие кусты роз — в каждом

по одному; кусты чудесно разрастались. Родителям пришлось в голову поставить эти ящики поперёк желобов, и словно две цветущие грядки протянулись от одного окна к другому. Горох спускался из ящиков зелёными гирляндами, розовые кусты обрамляли окна и сплетались ветвями; а мальчик и девочка ходили друг к другу по крыше в гости и сидели на скамеечке под розами. Тут они чудесно играли.

Зимой окна зачастую замерзали, и это удовольствие прекращалось. Но дети нагревали на печке медные монеты и прикладывали их к замёрзшим стёклам — сейчас же оттаивало чудесное отверстие, такое круглое-круглое, а в него выглядывал весёлый, ласковый глазок — это смотрели, каждый из своего окна, мальчик и девочка: Кай и Герда. Летом они в один прыжок могли очутиться друг у друга, а зимой надо было сначала спуститься на много-много ступенек вниз, а затем подняться на столько же вверх. На дворе же ветер крутил снег.

— Это роятся белые пчёлки! — говорила старая бабушка.

— А у них тоже есть королева? — спрашивал мальчик: он знал, что у настоящих пчёл есть такая.

— Есть, — отвечала бабушка. — Она там, где рой всего гуще, она больше всех и никогда подолгу не остается на земле — всегда взлетает на чёрное облако. Часто по ночам пролетает она по городским улицам и заглядывает в окошки, и стекла тогда покрываются ледяными узорами, словно цветами.

— Видели, видели! — говорили дети и верили, что всё это сушая правда.

— А Снежная королева не может войти сюда? — спросила раз девочка.

— Пусть-ка попробует! — сказал мальчик. — Я посажу её на тёплую печку, вот она и растает.

Но бабушка погладила его по головке и завела разговор о другом.

Вечером, когда Кай был дома и почти совсем разделся, собираясь лечь спать, он вскарабкался на стол у

окна и поглядел в маленький, оттаявший на оконном стекле кружочек. За окном порхали снежинки; одна из них, побольше, упала на край цветочного ящика и начала расти, расти, пока наконец не превратилась в женщину, закутанную в тончайший белый тюль, сотканный, казалось, из миллионов снежных звёздочек. Она была так прелестна и нежна, но изо льда, из ослепительного, сверкающего льда, и всё же живая! Глаза её сияли, как звёзды, но в них не было ни теплоты, ни покоя. Она кивнула мальчику и поманила его рукой. Мальчуган испугался и спрыгнул со стула; мимо окна промелькнуло что-то похожее на большую птицу.

На другой день был славный мороз, но затем сделалась оттепель, а там пришла и весна. Солнце светило, зелень опять показалась из земли, ласточки вили под крышей гнезда, окна растворили, и дети снова сидели в своём маленьком садике высоко над всеми этажами.

В то лето розы цвели особенно пышно.

Девочка выучила псалом¹, в котором тоже говорилось о розах; девочка пела его мальчику, думая при этом о своих розах, и он подпевал ей:

Розы цветут... красота, красота!
Скоро узрим мы Младенца Христа.

Дети пели, взявшись за руки, целовали розы, смотрели на солнечное сияние и разговаривали с ним, — им чудилось, что с него глядел на них сам Младенец Христос. Один раз Кай и Герда рассматривали книжку с картинками — зверями и птицами; на больших башенных часах пробило пять.

— Ай! — вскрикнул вдруг мальчик. — Меня кольнуло прямо в сердце, и что-то попало в глаз!

Девочка обвила ручонкой его шею; он мигал глазами, но ни в одном ничего не было видно.

— Должно быть, выскочило, — сказал он.

¹ Псалом — церковное песнопение, входящее в Псалтырь (часть Библии, Книга псалмов).

Но в том-то и дело, что нет. Это был как раз крошечный осколок дьявольского зеркала, в котором, как мы, конечно, помним, всё великое и доброе казалось ничтожным и гадким, а злое и дурное отражалось ещё ярче, дурные стороны каждой вещи выступали ещё резче.

Бедняжка Кай! Теперь сердце его должно было превратиться в кусок льда! Боль прошла, но самый осколок остался.

— О чём же ты плачешь? — спросил он Герду. — Мне совсем не больно. Какая ты делаешься некрасивая! Фу! — закричал он затем. — Эту розу точит червь. А та совсем кривая. Какие гадкие розы! Не лучше ящиков, в которых торчат!

И он толкнул ящик ногою и обломал две розы.

— Кай, что ты делаешь? — закричала девочка, а он, увидя её испуг, сорвал ещё одну и убежал от миленькой маленькой Герды в своё окно.

Приносила ли после того ему девочка книжку с картинками — он говорил, что эти картинки хороши только для грудных ребят; рассказывала ли что-нибудь бабушка — он придирался к её словам. А потом... дошёл и до того, что крался за ней, передразнивая её походку, стал надевать очки, подражать её голосу. Выходило очень похоже и смешило людей. Скоро мальчик выучился передразнивать и всех соседей. Он отлично умел выставить напоказ все их странности и недостатки, и люди говорили:

— Что за голова у этого мальчугана!

А причиной всему был осколок зеркала, что попал ему в глаз, а затем и в сердце. Потому-то он и передразнивал даже маленькую миленькую Герду, которая любила его всем сердцем.

И забавы его стали теперь совсем иными, такими мудрёными. Раз зимою, когда шёл снег, он явился с большим увеличительным стеклом и подставил под снег полу своего синего пальто.

— Погляди в стекло, Герда, — сказал он.

Каждая снежинка казалась под стеклом куда больше, чем была на самом деле, и походила на роскошный цветок или десятиугольную звезду. Это было очень красиво.

— Видишь, как искусно сделано! — сказал Кай. — Это гораздо интереснее настоящих цветов! И какая точность! Ни единой неправильной линии! Ах, если бы только они не таяли!

Немного спустя Кай явился в больших рукавицах, с санками за спиной, крикнул Герде в самое ухо: «Мне позволили покататься на большой площади с другими мальчиками!» — и убежал.

На площади каталось множество детей. Те, что были постарше, привязывали свои санки к крестьянским саням и прокатывались таким образом довольно далеко. Веселье так и кипело. В самый разгар его на площади появились большие сани, покрашенные в белый цвет. В них сидел кто-то укутанный в белую меховую шубу и в такой же шапке. Сани объехали вокруг площади два раза. Кай живо привязал к ним свои санки и покатился. Большие сани понеслись быстрее и затем свернули с площади в переулок. Сидевший в них человек обернулся и дружески кивнул Каю, точно знакомому. Кай несколько раз порывался отвязать свои санки, но человек в шубе кивал ему, и он продолжал ехать.

Вот они выехали за городские ворота. Снег повалил вдруг хлопьями, да так густо, что Кай не мог видеть своей протянутой руки. Мальчик поспешил отпустить веревку, которою зацепился за большие сани, но санки его точно приросли к ним и продолжали нестись вихрем. Кай громко закричал — никто не услышал его. Снег валил, санки мчались, ныряя в сугробах, прыгая через изгороди и канавы. Кай весь дрожал, хотел прочесть «Отче наш», но в уме у него вертелась одна таблица умножения.

Снежные хлопья всё росли и обратились под конец в больших белых куриц. Вдруг они разлетелись в стороны, большие сани остановились, и сидевший в них че-

«Снежная королева». Худ. Я. Шанцер

ловек встал. Это была высокая, стройная, ослепительно белая женщина — Снежная королева; и шуба, и шапка на ней были из снега.

— Славно проехались! — сказала она. — Но ты совсем замёрз — полезай ко мне в медвежью шубу!

И, посадив мальчика в сани, она завернула его в свою шубу. Кай словно опустился в снежный сугроб.

— Всё ещё мёрзнешь? — спросила она и поцеловала его в лоб.

У! Поцелуй её был холоднее льда, он пронизал его насквозь и дошел до самого сердца, а оно и без того уже было наполовину ледяным. Каю показалось, что он сейчас умрёт... Но это только на одну минуту, а потом, напротив, ему стало хорошо, он даже совсем перестал зябнуть.

— Мои санки! Не забудь мои санки! — вспомнил он прежде всего о санках.

И санки были привязаны на спину одной из белых куриц, которая и полетела с ними за большими санями. Снежная королева поцеловала Кая ещё раз, и он позабыл и Герду, и бабушку, и всех домашних.

— Больше я не буду целовать тебя, — сказала она. — А не то зацелую до смерти.

Кай взглянул на неё. Она была так хороша! Более умного, прелестного лица он не мог себе и представить. Теперь она не казалась ему ледяною, как в тот раз, когда сидела за окном и кивала ему головой.

Он совсем не боялся её и рассказал ей, что знает все четыре действия арифметики, да ещё с дробями, знает, сколько в каждой стране квадратных миль и жителей, а она только улыбалась в ответ. И тогда ему показалось, что он в самом деле знает мало.

В тот же миг Снежная королева подхватила его, и они взвились на чёрное облако. Буря выла и стонала, словно распевала старинные песни; они летели над лесами и озёрами, над морями и твёрдой землёй; под ними дули холодные ветры, выли волки, сверкал снег, летали с криком чёрные вороны, а над ними сиял большой

ясный месяц. На него смотрел Кай всю долгую-долгую зимнюю ночь — днём он спал у ног Снежной королевы.

История третья

Цветник женщины, умевшей колдовать

А что же было с Гердой, когда Кай не вернулся? И куда он девался? Никто этого не знал.

Мальчики рассказали только, что видели, как он привязал свои санки к большим великолепным саням, которые потом свернули в переулок и выехали за городские ворота.

Много было пролито слез; горько и долго плакала Герда. Наконец порешили, что Кай умер, утонул в реке, протекавшей за городом. Долго тянулись мрачные зимние дни.

Но вот настала весна, выглянуло солнце.

— Кай умер и больше не вернётся! — сказала Герда.

— Не верю! — отвечал солнечный свет.

— Он умер и больше не вернётся! — повторила она ласточкам.

— Не верим! — ответили они.

Под конец и сама Герда перестала этому верить.

— Надену-ка я свои красные башмачки (Кай ни разу ещё не видал их), — сказала она однажды утром, — да пойду к реке спросить про него.

Было ещё очень рано. Она поцеловала спящую бабушку, надела красные башмачки и побежала одна-одинёшенька за город, прямо к реке.

— Правда, что ты взяла моего названного братца? — спросила Герда. — Я подарю тебе свои красные башмачки, если ты отдашь мне его назад!

И девочке почудилось, что волны как-то странно кивают ей. Тогда она сняла свои красные башмачки — самое драгоценное, что у неё было, — и бросила их в реку. Но они упали как раз у берега, и волны сейчас же выбросили их — река как будто не хотела брать у девочки её драгоценность, так как не могла вернуть ей Кая. Девочка же подумала, что бросила башмач-

ки недостаточно далеко, влезла в лодку, качавшуюся в тростнике, стала на самый краешек кормы и опять бросила башмачки в воду. Лодка не была привязана и от её движения стала медленно отплывать от берега.

Девочка хотела поскорее выпрыгнуть на берег, но, пока она пробиралась с кормы на нос, лодка уже отошла далеко от берега и быстро понеслась по течению.

Герда ужасно испугалась и принялась плакать и кричать, но никто, кроме воробьёв, не слышал её криков. Воробьи же не могли перенести её на сушу и только летели за ней вдоль берега и щебетали, словно желая её утешить:

— Мы здесь! Мы здесь!

Лодку уносило всё дальше. Герда сидела смирно, в одних чулках: красные башмачки её плыли за лодкой, но не могли догнать её.

«Может быть, река несёт меня к Каю?» — подумала Герда, повеселела, встала на ноги и долго-долго любовалась красивыми зелёными берегами.

Но вот она приплыла к большому вишнёвому саду, в котором приютился домик с красными и синими стеклами в окошках и с соломенной крышей. У дверей стояли два деревянных солдата и отдавали честь всем, кто проплывал мимо. Герда закричала им — она приняла их за живых, но они, понятно, не ответили ей. Вот она подплыла к ним ещё ближе, лодка подошла чуть не к самому берегу, и девочка закричала ещё громче. Из домика вышла, опираясь на клюку, старая-престарая старушка в большой соломенной шляпе, расписанной чудесными цветами.

— Ах ты бедная крошка! — сказала старушка. — Как это ты попала на такую большую быструю реку да забралась так далеко?

С этими словами старушка вошла в воду, зацепила лодку своей клюкой, притянула её к берегу и высадила Герду.

Герда была рада-радёшенька, что очутилась наконец на суше, хоть и побаивалась чужой старухи.

— Ну, пойдём. Расскажи мне, кто ты и как сюда попала, — сказала старушка.

Герда стала рассказывать ей обо всём, а старушка покачивала головой и повторяла: «Гм! Гм!» Когда девочка кончила, она спросила старуху, не видала ли она Кая. Та ответила, что он ещё не проходил тут, но, верно, пройдет, так что девочке пока не о чём горевать, пусть лучше попробует вишен да полюбуется цветами, что растут в саду: они красивее нарисованных в любой книжке с картинками и все умеют рассказывать сказки. Тут старушка взяла Герду за руку, увела к себе в домик и заперла дверь на ключ.

Окна были высоко от пола и все из разноцветных — красных, голубых и жёлтых — стеклышек; от этого и сама комната была освещена каким-то удивительным радужным светом. На столе стояла корзинка с чудесными вишнями, и Герда могла есть их сколько душе угодно. Пока же она ела, старушка расчёсывала ей волосы золотым гребешком. Волосы вились кудрями и золотым сиянием окружали милое, приветливое, круглое, словно роза, личико девочки.

— Давно мне хотелось иметь такую миленькую девочку! — сказала старушка. — Вот увидишь, как ладно мы заживём с тобой!

И она продолжала расчёсывать кудри девочки; и чем дальше чесала, тем больше Герда забывала своего названного братца Кая — старушка умела колдовать. Она не была злою колдуньей и колдовала только изредка, для своего удовольствия; теперь же ей очень захотелось оставить у себя Герду. И вот она пошла в сад, дотронулась своей клюкой до всех розовых кустов, и те как стояли в полном цвету, так все и ушли глубоко-глубоко в землю, и следа от них не осталось. Старушка боялась, что Герда при виде этих роз вспомнит о своих розах, а там и о Кае да и убежит от неё.

Потом старушка повела Герду в цветник. Тут были цветы всех родов и всех времен года. Во всём свете не нашлось бы книжки с картинками пестрее, краси-

вее этого цветника. Герда прыгала от радости и играла среди цветов, пока солнце не село за высокими вишнёвыми деревьями. Тогда её уложили в чудесную постельку с красными шёлковыми перинками, набитыми голубыми фиалками. Девочка заснула, и ей снились сны, какие видит разве королева в день своей свадьбы.

На другой день Герде опять позволили играть в чудесном цветнике на солнце. Так прошло много дней. Герда знала теперь каждый цветочек, но как ни много их было, ей всё-таки казалось, что какого-то недостаёт, только какого же? Раз она сидела и рассматривала соломённую шляпу старушки, расписанную цветами; самым красивым из них как раз была роза — старушка забыла её стереть, когда загнала живые розы в землю. Вот что значит рассеянность!

— Как! Тут нет роз? — сказала Герда и сейчас же побегала искать их на грядках.

Искала, искала, да так их и не нашла.

Тогда девочка опустилась на землю и заплакала. Тёплые слёзы упали как раз на то место, где стоял прежде один из розовых кустов, и как только они смочили землю, куст мгновенно вырос из неё, такой же цветущий, как прежде.

Герда обвила его ручонками, принялась целовать цветы и вспомнила о тех чудных розах, что цвели у неё дома, а вместе с тем и о Кае.

— Как же я замешкалась! — сказала девочка. — Мне ведь надо искать Кая!.. Не знаете ли вы, где он? — спросила она у роз. — Верите ли вы тому, что он умер и не вернётся больше?

— Он не умер! — сказали розы. — Мы ведь были под землёй, где все умершие, но Кая меж ними не было.

— Спасибо вам! — сказала Герда и пошла к другим цветам, заглядывала в их чашечки и спрашивала: — Не знаете ли вы, где Кай?

Но каждый цветок грелся на солнышке и думал только о собственной своей сказке или истории. Много их

выслушала Герда, но ни один из цветков не сказал ни слова о Кае.

И Герда пошла к одуванчику, сиявшему в блестящей зелёной траве.

— Ты, маленькое ясное солнышко! — сказала ему Герда. — Скажи, не знаешь ли ты, где мне искать моего названного братца?

Одуванчик засиял ещё ярче и взглянул на девочку. Какую же песенку спел он ей? Увы! И в этой песенке ни слова не говорилось о Кае!

— Был первый весенний день, солнце грело и так приветливо светило на маленький дворик. Лучи его скользили по белой соседней стене, и возле самой стены из зелёной травки выглядывали первые жёлтенькие цветочки, сверкавшие на солнце словно золотые. Во двор вышла посидеть старушка бабушка. Вот пришла из гостей её внучка, бедная служанка, и крепко поцеловала старушку. Поцелуй девушки дороже золота — он идёт прямо от сердца. Золото на её губах, золото в сердце, золото и на небе в утренний час! Вот и всё! — сказал одуванчик.

— Бедная моя бабушка! — вздохнула Герда. — Верно, она скучает обо мне. Верно, горюет, как горевала о Кае. Но я скоро вернусь и приведу его с собой. Нечего больше и расспрашивать цветы — от них ничего не добьёшься, они знают только свои сказки и песенки! — И она побежала в конец сада.

Дверь была заперта, но Герда так долго шатала ржавый засов, что он поддался, дверь отворилась, и девочка так, босоножкой, и пустилась бежать по дороге. Раза три она оглядывалась, но никто не гнался за нею.

Наконец она устала, присела на камень и огляделась кругом: лето уже прошло, на дворе стояла поздняя осень, а в чудесном саду старушки, где вечно сияло солнышко и цвели цветы всех времён года, этого не было заметно.

— Господи! Как же я замешкалась! Ведь уж осень на дворе! Тут не до отдыха! — сказала Герда и опять пустилась в путь.

Ах, как ныли её бедные усталые ножки! Как холодно, сыро было вокруг! Длинные листья на ивах совсем пожелтели, туман оседал на них крупными каплями и стекал на землю; листья так и сыпались. Один терновник стоял весь покрытый вязжущими, терпкими ягодами. Каким серым, унылым казался весь мир!

История четвёртая

Принц и принцесса

Пришлось Герде опять присесть отдохнуть. На снегу прямо перед ней прыгал большой ворон. Он долго смотрел на девочку, кивая ей головою, и наконец заговорил:

— Кар-кар! Здравствуй!

Чище этого он выговаривать по-человечески не мог, но, видимо, желал девочке добра и спросил её, куда это она бредёт по белу свету совсем одна. Слово «одна» Герда поняла отлично и сразу почувствовала всё его значение. Рассказав ворону всю свою жизнь, девочка спросила, не видел ли он Кая.

Ворон задумчиво покачал головой и сказал:

— Очень вероятно, очень вероятно!

— Как! Правда? — воскликнула девочка и чуть не задушила ворона поцелуями.

— Потихе, потихе! — сказал ворон. — Я думаю, что это был твой Кай. Но теперь он, верно, забыл тебя со своею принцессой!

— Разве он живёт у принцессы? — спросила Герда.

— А вот послушай, — сказал ворон. — Только мне ужасно трудно говорить по-вашему. Вот если бы ты понимала по-вороньи, я рассказал бы тебе обо всём куда лучше.

— Нет, этому меня не учили, — сказала Герда.

— Ну ничего, — сказал ворон. — Расскажу как сумею, хоть и плохо.

И он рассказал обо всём, что сам знал.

— В королевстве, где мы с тобой находимся, есть принцесса, такая умница, что и сказать нельзя! Она прочла все газеты на свете и позабыла всё, что в них

прочла, — вот какая умница! Раз как-то сидела она на троне — а веселья-то в этом не слишком много, как говорят люди, — и напевала песенку: «Отчего бы мне не выйти замуж?» «А ведь и в самом деле!» — подумала она, и ей захотелось замуж. Но в мужья она хотела выбрать себе такого человека, который бы сумел отвечать, когда с ним заговорят, а не такого, что умел бы только важничать, — это ведь так скучно! И вот барабанным боем созвали всех придворных дам и объявили им волю принцессы. Все они были очень довольны и сказали: «Вот это нам нравится! Мы и сами недавно об этом думали!» Всё это истинная правда! — прибавил ворон. — У меня при дворе есть невеста — она ручная ворона, — от неё-то я и знаю всё это.

На другой день все газеты вышли с каймой из сердец и с вензелями¹ принцессы. В газетах было объявлено, что каждый молодой человек приятной наружности может явиться во дворец и побеседовать с принцессой; того же, кто будет держать себя вполне свободно, как дома, и окажется всех красноречивее, принцесса изберёт себе в мужья. Да, да! — повторил ворон. — Всё это так же верно, как то, что я сижу здесь перед тобою. Народ повалил во дворец валом, пошла давка и толкотня, но толку не вышло никакого ни в первый, ни во второй день. На улице все женихи говорили отлично, но стоило им перешагнуть дворцовый порог, увидеть гвардию всю в серебре, а лакеев в золоте и вступить в огромные, залитые светом залы, как их брала оторопь. Подступят к трону, где сидит принцесса, да и повторяют только её же последние слова, а ей вовсе не это было нужно. Право, их всех точно опаивали дурманом! А выйдя за ворота, они опять обретали дар слова. От самых ворот до дверей тянулся длинный-длинный хвост женихов. Я сам там был и видел.

— Ну, а Кай-то, Кай? — спросила Герда. — Когда же он явился? И он пришёл свататься?

¹ *Вэнзель* — переплетённые между собой начальные буквы имени и фамилии.

— Пстой! Пстой! Теперь мы как раз дошли и до него! На третий день явился небольшой человечек, не в карете, не верхом, а просто пешком, и прямо вошёл во дворец. Глаза его блестели, как твои; волосы у него были длинные, но одет он был бедно.

— Это Кай! — обрадовалась Герда. — Я нашла его! — И она захлопала в ладоши.

— За спиной у него была котомка, — продолжал ворон.

— Нет, это, верно, были его саночки! — сказала Герда. — Он ушёл из дому с санками.

— Очень возможно, — сказал ворон. — Я не разглядел хорошенько. Так вот, моя невеста рассказывала мне, что, войдя в дворцовые ворота и увидав гвардию в серебре, а на лестницах лакеев в золоте, он ни капельки не смутился, кивнул головой и сказал: «Скучненько, должно быть, стоять тут на лестнице, я лучше войду в комнаты!» Залы были залиты светом. Тайные советники и превосходительства расхаживали без сапог, разнося золотые блюда, — торжественнее уж нельзя было! А его сапоги громко скрипели, но он этим не смущался.

— Это, наверно, Кай! — воскликнула Герда. — Я знаю, что на нём были новые сапоги. Я сама слышала, как они скрипели, когда он приходил к бабушке.

— Да, они таки скрипели порядком, — продолжал ворон. — Но он смело подошёл к принцессе. Она сидела на жемчужине величиною с колесо прялки, а кругом стояли придворные дамы со своими служанками и служанками служанок и кавалеры с камердинерами¹, слугами камердинеров и прислужниками камердинерских слуг. Чем ближе кто-нибудь стоял к дверям, тем важнее, надменнее держался. На прислужника камердинерских слуг, стоявшего в самых дверях, нельзя было и взглянуть без дрожи — такой он был важный!

— Вот страх-то! — сказала Герда. — А Кай всё-таки женился на принцессе?

¹ Камердинер — здесь: слуга во дворце.

— Не будь я вороном, я бы сам женился на ней, хоть я и помолвлен. Он вступил с принцессой в беседу и говорил так же хорошо, как я, когда говорю повороньи, — так, по крайней мере, сказала мне моя ручная невеста. Держался он вообще очень свободно и мило и заявил, что пришёл не свататься, а только послушать умные речи принцессы. Ну и вот, она ему понравилась, он ей тоже.

— Да-да, это Кай! — сказала Герда. — Он ведь такой умный! Он знал все четыре действия арифметики, да ещё с дробями!.. Ах, проводи же меня во дворец!

— Легко сказать, — отвечал ворон, — да как это сделать? Постой, я поговорю с моей ручной невестой, она что-нибудь придумает и посоветует нам. Ты думаешь, что тебя вот так прямо и впустят во дворец? Как же, не очень-то впускают таких девочек!

— Меня впустят! — сказала Герда. — Когда Кай услышит, что я тут, он сейчас же прибежит за мною.

— Подожди меня тут у решётки, — сказал ворон, повертел головой и улетел.

Вернулся он уже совсем под вечер и закаркал:

— Кар, кар! Моя невеста шлет тебе тысячу поклонов и вот этот маленький хлебец. Она стащила его в кухне — там их много, а ты, верно, голодна!.. Ну, во дворец тебе не попасть: ты ведь босая — гвардия в серебре и лакеи в золоте ни за что не пропустят тебя. Но не плачь, ты всё-таки попадёшь туда. Невеста моя знает, как пройти в спальню принцессы с чёрного хода, и знает, где достать ключ.

И вот они вошли в сад, пошли по длинным аллеям, где один за другим падали осенние листья, и, когда все огоньки в дворцовых окнах погасли, ворон провёл девочку в маленькую полуотворённую дверцу.

О, как билось сердечко Герды от страха и нетерпения! Точно она собиралась сделать что-то дурное, а ведь она только хотела узнать, не здесь ли её Кай! Да, да, он, верно, здесь! Герда так живо представляла себе его умные глаза, длинные волосы; она ясно видела, как он

улыбался ей, когда они, бывало, сидели рядышком под кустами роз. Он, вероятно, обрадуется, когда увидит её, услышит, на какой длинный путь решилась она ради него, и узнает, как горевали о нём все домашние! Ах, она была просто вне себя от страха и радости...

Но вот они и на площадке лестницы. На шкафу горела лампочка, а на полу сидела ручная ворона и осматривалась по сторонам. Герда присела и поклонилась, как учила её бабушка.

— Мой жених рассказывал мне о вас столько хорошего, барышня! — сказала ручная ворона. — И ваша жизнь также очень трогательна! Не угодно ли вам взять лампу, а я пойду вперёд. Мы пойдём прямой дорогой, тут мы никого не встретим.

— А мне кажется, кто-то идёт за нами, — сказала Герда, и в ту же минуту мимо неё с лёгким шумом промчались какие-то тени: лошади с развевающимися гривами и тонкими ногами, охотники, дамы и кавалеры верхами.

— Это сны! — сказала ручная ворона. — Тем лучше для нас, удобнее будет рассмотреть спящих.

Тут они вошли в первый зал, где стены были обиты розовым атласом, затканым цветами. Мимо девочки опять пронеслись сны, но так быстро, что она не успела и рассмотреть всадников. Один зал был великолепнее другого. Герда была совсем ослеплена этой роскошью. Наконец они дошли до спальни. Потолок напоминал верхушку огромной пальмы с драгоценными хрустальными листьями; с середины его спускался толстый золотой стебель, на котором висели две кровати в виде лилий. Одна была белая, в ней спала принцесса, другая — красная, и в ней Герда надеялась найти Кая. Девочка слегка отогнула один из красных лепестков и увидела тёмно-русый затылок. Это Кай! Она громко назвала его по имени и поднесла лампу к самому его лицу. Сны с шумом умчались прочь; принц проснулся и повернул голову... Ах, это был не Кай!

Принц походил на него только с затылка, но был так же молод и красив. Из белой лилии выглянула принцесса и спросила, что случилось. Герда заплакала и рассказала всю свою историю, упомянув и о том, что сделали для неё вороны.

— Ах ты бедняжка! — сказали принц и принцесса, похвалили ворон, объявили, что ничуть не гnevаются на них — только пусть они не делают этого впредь, — и захотели даже наградить их.

— Хотите быть вольными птицами? — спросила принцесса. — Или желаете занять должность придворных ворон, на полном содержании из кухонных остатков?

Ворон с вороной поклонились и попросили должности при дворе — они подумали о старости и сказали:

— Хорошо ведь иметь верный кусок хлеба на старости лет!

Принц встал и уступил свою постель Герде; больше он пока ничего не мог для неё сделать. А она сложила ручки и подумала: «Как добры все люди и животные!», закрыла глазки и сладко заснула. Сны опять прилетели в спальню, но теперь они были похожи на Божьих ангелов и везли на маленьких саночках Кая, который кивал Герде головою. Увы, всё это было лишь во сне и исчезло, как только девочка проснулась.

На другой день её одели с ног до головы в шёлк и бархат и позволили ей оставаться во дворце сколько она пожелает.

Девочка могла жить да поживать тут припеваючи, но она прогостила всего несколько дней и стала просить, чтобы ей дали повозку с лошастью и пару башмаков — она опять хотела пуститься разыскивать по белу свету своего названного братца.

Ей дали и башмаки, и муфту, и чудесное платье, а когда она простилась со всеми, к воротам подъехала карета из чистого золота с сияющими, как звёзды, гербами принца и принцессы; у кучера, лакеев и фореито-

ров¹ — ей дали и фореёторов — красовались на головах маленькие золотые короны.

Принц и принцесса сами усадили Герду в карету и пожелали ей счастливого пути.

Лесной ворон, который уже успел жениться, провожал девочку первые три мили и сидел в карете рядом с нею — он не мог ехать, сидя спиною к лошадям. Ручная ворона сидела на воротах и хлопала крыльями. Она не ехала провожать Герду, потому что страдала головными болями, с тех пор как получила должность при дворе и слишком много ела. Карета битком была набита сахарными крендельками, а ящик под сиденьем — фруктами и пряниками.

— Прощай! Прощай! — закричали принц и принцесса.

Герда заплакала, ворона тоже. Тяжёлое было расставание! Ворон взлетел на дерево и махал чёрными крыльями до тех пор, пока карета, сиявшая, как солнце, не скрылась из виду.

История пятая

Маленькая разбойница

Вот Герда въехала в тёмный лес, в котором жили разбойники; карета горела как жар, она резала разбойникам глаза, и они этого не потерпели.

— Золото! Золото! — закричали они, схватив лошадей под уздцы, убили маленьких фореёторов, кучера и слуг и вытащили из кареты Герду.

— Ишь какая славненькая, жирненькая! Орешками откормлена! — сказала старуха разбойница с длинной жёсткой бородой и мохнатыми, нависшими бровями. — Жирненькая, что твой барашек! Ну-ка, какова на вкус будет?

И она вытащила острый сверкающий нож. Вот ужас!

¹ *Фореётор* — верховой, правящий передними лошадыми при запряжке цугом, т. е. гуськом.

— Ай! — закричала она вдруг: её укусила за ухо собственная дочка, которая сидела у неё за спиной и была такая необузданная и своевольная, что просто любо. — Ах ты дрянная девчонка! — закричала мать, но убить Герду не успела.

— Она будет играть со мной, — сказала маленькая разбойница. — Она отдаст мне свою муфту, своё хорошенькое платьице и будет спать со мной в моей постельке.

И девочка опять так укусила мать, что та подпрыгнула и завертелась на одном месте. Разбойники захохотали:

— Ишь как пляшет со своей девчонкой!

— Я хочу сесть в карету! — закричала маленькая разбойница и настояла на своём — она была ужасно избалованна и упряма.

Они уселись с Гердой в карету и помчались в чащу леса.

Маленькая разбойница была ростом с Герду, но сильнее, шире в плечах и гораздо смуглее. Глаза у неё были совсем чёрные, но какие-то печальные. Она обняла Герду и сказала:

— Они тебя не убьют, пока я не рассержусь на тебя. Ты, верно, принцесса?

— Нет, — отвечала девочка и рассказала, что пришлось ей испытать и как она любит Кая.

Маленькая разбойница серьёзно поглядела на неё, слегка кивнула головой и сказала:

— Они тебя не убьют, даже если я и рассержусь на тебя, я лучше сама убью тебя!

И она отёрла слёзы Герде, а потом спрятала обе руки в её хорошенькую мягкую тёплую муфточку.

Вот карета остановилась; они въехали во двор разбойничьего замка.

Он весь был в огромных трещинах; из них вылетали вороны и вороны. Откуда-то выскочили огромные бульдоги; казалось, каждый из них легко проглотит человека, но они только высоко подпрыгивали

в воздух и даже не лаяли — это было запрещено. Посреди огромной залы с полуразвалившимися, покрытыми копотью стенами и каменным полом пылал огонь. Дым подымался к потолку и сам должен был искать себе выхода. Над огнём кипел в огромном котле суп, а на вертелах жарились зайцы и кролики.

— Ты будешь спать вместе со мной вот тут, возле моего маленького зверинца, — сказала Герде маленькая разбойница.

Девочек накормили, напоили, и они ушли в свой угол, где была постлана солома, накрытая коврами. По-выше сидело на жердочках больше сотни голубей. Все они, казалось, спали, но, когда девочки подошли, слегка зашевелились.

— Все мои! — сказала маленькая разбойница, схватила одного голубя за ноги и так тряхнула его, что тот забил крыльями. — На, поцелуй его! — крикнула она, ткнув голубя Герде прямо в лицо. — А вот тут сидят лесные плутишки, — продолжала она, указывая на двух голубей, сидевших в небольшом углублении в стене, за деревянную решёткой. — Эти двое — лесные плутишки. Их надо держать взаперти, не то живо улетят! А вот и мой милый старичина башка! — И девочка потянула за рога привязанного к стене северного оленя в блестящем медном ошейнике. — Его тоже нужно держать на привязи, иначе удерёт! Каждый вечер я щекочу его под шеей своим острым ножом — он до смерти этого боится.

С этими словами маленькая разбойница вытащила из расщелины в стене длинный нож и провела им по шее оленя. Бедное животное забрыкалось, а девочка захохотала и потащила Герду к постели.

— Разве ты спишь с ножом? — спросила её Герда.

— Всегда! — отвечала маленькая разбойница. — Как знать, что может случиться!.. Но Расскажи мне ещё раз о Кае и о том, как ты пустилась странствовать по белу свету.

«Снежная королева». Худ. Я. Шанцер

Герда рассказала. Лесные голуби в клетке тихо ворковали; другие голуби уже спали. Маленькая разбойница обвинила одною рукой шею Герды — в другой у неё был нож — и захрапела, но Герда не могла сомкнуть глаз, не зная, убьют её или оставят в живых.

Вдруг лесные голуби проворковали:

— Курр! Курр! Мы видели Кая! Белая курица несла на спине его санки, а он сидел в санях Снежной королевы. Они летели над лесом, когда мы, птенчики, ещё лежали в гнезде. Онадохнула на нас, и все умерли, кроме нас двоих... Курр! Курр!

— Что вы говорите! — воскликнула Герда. — Куда же полетела Снежная королева? Знаете?

— Она полетела, наверно, в Лапландию — ведь там вечный снег и лёд. Спроси у северного оленя, что стоит тут на привязи.

— Да, там вечный снег и лёд. Чудо как хорошо! — сказал северный олень. — Там прыгаешь себе на воле по огромным блестящим ледяным равнинам. Там раскинут летний шатер Снежной королевы, а постоянные её чертоги¹ — у Северного полюса, на острове Шпицберген.

— О Кай, мой милый Кай!.. — вздохнула Герда.

— Лежи смирно, — сказала маленькая разбойница. — Не то я пырну тебя ножом!

Утром Герда рассказала ей, что слышала от лесных голубей. Маленькая разбойница серьёзно посмотрела на Герду, кивнула головой и сказала:

— Ну, так и быть!.. А ты знаешь, где Лапландия? — спросила она затем у северного оленя.

— Кому же и знать, как не мне! — отвечал олень, и глаза его заблестели. — Там я родился и вырос, там прыгал по снежным равнинам.

— Так слушай, — сказала Герде маленькая разбойница. — Видишь, все наши ушли, дома одна мать; немного погодя она хлебнёт из большой бутылки и вздремнёт, тогда я кое-что сделаю для тебя.

¹ Чертог — великолепное здание, дворец.

Потом, когда старуха хлебнула из своей бутылки и захрапела, маленькая разбойница подошла к северному оленю и сказала:

— Ещё долго можно было бы потешаться над тобой! Уж больно ты бываешь уморительным, когда тебя щекочут острым ножом. Ну, да так и быть! Я отвяжу тебя и выпущу на волю. Ты можешь убежать в свою Лапландию, но должен за это отвезти ко дворцу Снежной королевы вот эту девочку — там её названный брат. Ты ведь, конечно, слышал, что она рассказывала? Она говорила довольно громко, а ты всегда подслушиваешь.

Северный олень подпрыгнул от радости. Маленькая разбойница посадила на него Герду, крепко привязала её ради осторожности и даже подсунула под неё мягкую подушечку, чтобы ей удобнее было сидеть.

— Так и быть, — сказала она затем, — возьми назад свои меховые сапожки — будет ведь холодно! А муфту уж я оставляю себе, больно она хороша. Но мёрзнуть я тебе не дам: вот огромные рукавицы моей матери, они дойдут тебе до самых локтей. Сунь в них руки! Ну вот, теперь руками ты похожа на мою безобразную мать.

Герда плакала от радости.

— Терпеть не могу, когда хнычут! — сказала маленькая разбойница. — Теперь ты должна радоваться. Вот тебе ещё два хлеба и окорок, чтобы тебе не пришлось голодать.

И то и другое было привязано к оленю.

Затем маленькая разбойница отворила дверь, заманила собак в дом, перерезала своим острым ножом верёвку, которою был привязан олень, и сказала ему:

— Ну, живо! Да береги смотри девчонку.

Герда протянула маленькой разбойнице обе руки в огромных рукавицах и попрощалась с нею. Северный олень пустился во всю прыть через пни и кочки по лесу, по болотам и степям. Волки выли, вороны каркали.

Уф! Уф! — послышалось вдруг с неба, и оно словно зачихало огнём.

— Вот моё родное северное сияние! — сказал олень. —
Гляди, как горит!

И он побежал дальше, не останавливаясь ни днём ни ночью. Хлебы были съедены, ветчина тоже, и вот они очутились в Лапландии.

История шестая Лапландка и финка

Олень остановился у жалкой избушки. Крыша спускалась до самой земли, а дверь была такая низенькая, что людям приходилось проползать в неё на четвереньках.

Дома была одна старуха лапландка, жарившая при свете жировой лампы рыбу. Северный олень рассказал лапландке всю историю Герды, но сначала рассказал свою собственную — она казалась ему гораздо важнее.

Герда же так окоченела от холода, что и говорить не могла.

— Ах вы бедняги! — сказала лапландка. — Долгий же вам ещё предстоит путь! Придётся сделать сто миль с лишним, пока доберетесь до Финляндии, где Снежная королева живёт на даче и каждый вечер зажигает голубые бенгальские огни. Я напишу два слова на сушёной треске — бумаги у меня нет, — а вы снесёте её финке, которая живет в тех местах и лучше моего сумеет научить вас, что надо делать.

Когда Герда согрелась, поела и попила, лапландка написала два слова на сушёной треске, велела Герде хорошенько беречь её, потом привязала девочку к спине оленя, и тот снова помчался.

Уф! Уф! — слышалось опять с неба, и оно стало выбрасывать столбы чудесного голубого пламени. Так добежал олень с Гердой и до Финляндии и постучался в дымовую трубу финки — у неё и дверей-то не было.

Ну и жара стояла в её жилье! Сама финка, низенькая, толстая женщина, ходила полуголая. Живо стащила она с Герды платье, рукавицы и сапоги, иначе девочке было бы жарко, положила оленю на голову кусок

льда и затем принялась читать то, что было написано на сушёной треске.

Она прочла всё от слова до слова три раза, пока не заучила наизусть, и потом сунула треску в котёл с супом — рыба ведь ещё годилась в пищу, а у финки ничего даром не пропадало.

Тут олень рассказал сначала свою историю, а потом историю Герды. Финка мигала своими умными глазками, но не говорила ни слова.

— Ты такая мудрая женщина... — сказал олень. — Не изобразишь ли ты для девочки такое питьё, которое бы дало ей силу двенадцати богатырей? Тогда бы она одолела Снежную королеву!

— Силу двенадцати богатырей! — сказала финка. — Да, много в этом толку!

С этими словами она взяла с полки большой кожаный свиток и развернула его: на нём стояли какие-то удивительные письмена.

Финка принялась читать их и читала до того, что пот градом покатился с её лба.

Олень опять принялся просить за Герду, а сама Герда смотрела на финку такими умоляющими, полными слёз глазами, что та опять заморгала, отвела оленя в сторону и, меняя ему на голове лёд, шепнула:

— Кай в самом деле у Снежной королевы, но он вполне доволен и думает, что лучше ему нигде быть не может. Причиной же всему осколки зеркала, что сидят у него в сердце и в глазу. Их надо удалить, иначе Снежная королева сохранит над ним свою власть.

— А не можешь ли ты дать Герде что-нибудь такое, что сделает её сильнее всех?

— Сильнее, чем она есть, я не могу её сделать. Не видишь разве, как велика её сила? Не видишь, что ей служат и люди и животные? Ведь она босая обошла полсвета! Но она не должна от нас узнать о своей силе, что живет в её сердце; её сила в том, что она невинный милый ребёнок. Если она сама не сможет проникнуть в покои Снежной королевы и извлечь из сердца Кая

осколки, то мы и подавно ей не поможем! В двух милях отсюда начинается сад Снежной королевы. Отнеси туда девочку, спусти у большого куста, покрытого красными ягодами, и, не мешкая, возвращайся обратно.

С этими словами финка посадила Герду на спину оленя, и тот бросился бежать со всех ног.

— Ай, я без тёплых сапог! Ай, я без рукавиц! — закричала Герда, очутившись на морозе.

Но олень не смел остановиться, пока не добежал до куста с красными ягодами.

Тут он спустил девочку, поцеловал её в самые губы, и по щекам его покатались крупные блестящие слёзы. Затем он стрелой пустился назад. Бедная девочка осталась одна на трескучем морозе, без башмаков, без рукавиц.

Она побежала вперёд что было мочи. Навстречу ей нёсся целый полк снежных хлопьев, но они не падали с неба — небо было совсем ясное и на нём пылало северное сияние, — нет, они бежали по земле прямо на Герду и становились всё крупнее и крупнее. Герда вспомнила большие красивые хлопья под увеличительным стеклом, но эти были куда больше, страшнее и все живые.

Это были передовые отряды войска Снежной королевы. Одни напоминали собой больших безобразных ежей, другие — стоголовых змей, третьи — толстых медвежат с взъерошенною шерстью. Все они одинаково сверкали белизной, все были живыми снежными хлопьями.

Герда начала читать «Отче наш»; было так холодно, что дыхание девочки сейчас же превращалось в густой туман. Туман этот всё сгущался и сгущался, но вот из него начали выделяться маленькие, светлые ангелочки, которые, ступив на землю, вырастали в больших грозных ангелов со шлемами на головах и копьями и щитами в руках. Число их всё прибывало, и, когда Герда окончила молитву, вокруг неё образовался уже целый легион. Ангелы приняли снежных страшилищ на копья, и те рассыпались на тысячи снежинок. Герда могла теперь смело идти вперёд; ангелы гладили её руки и

ноги, и ей не было уже так холодно. Наконец девочка добралась до чертогов Снежной королевы.

Посмотрим же, что было в это время с Каем.

Он и не думал о Герде, а уж меньше всего о том, что она так близко от него.

История седьмая

Что случилось в чертогах Снежной королевы и что случилось потом

Стены чертогов были снежные метели, окна и двери были буйные ветры. Сотни огромных зал, смотря по тому, как наметала их вьюга, тянулись один за другим. Все они были освещены северным сиянием, и самая большая простиралась на много-много миль. Как холодно, как пустынно было в этих белых, ярко сверкающих чертогах! Веселье никогда и не заглядывало сюда. Никогда не устраивались здесь медвежьи балы с танцами под музыку бури, в которых могли бы отличаться грацией и умением ходить на задних лапах белые медведи; никогда не составлялись партии в карты с ссорами и дракою и не сходились на беседу за чашкой кофе беленькие кумушки-лисиčky — нет, никогда, никто!

Холодно, пустынно, мёртво и грандиозно! Северное сияние вспыхивало и горело так правильно, что можно было с точностью рассчитать, в какую минуту свет усилится и в какую ослабеет. Посреди самой большой пустынной снежной залы находилось замёрзшее озеро. Лёд треснул на нём на тысячи кусков, таких одинаковых и правильных, что это казалось каким-то фокусом. Посреди озера восседала Снежная королева, когда бывала дома, говоря, что сидит на зеркале разума; по её мнению, это было единственное и лучшее зеркало на свете.

Кай совсем посинел, почти почернел от холода, но не замечал этого — поцелуй Снежной королевы сделали его нечувствительным к холоду, да и самое сердце

его было куском льда. Кай возился с плоскими остроконечными льдинами, укладывая их на всевозможные лады. Есть ведь такая игра — складывание фигур из деревянных дощечек, которая называется китайской головоломкой. Кай тоже складывал разные затейливые фигуры, но из льдин, и это называлось ледяной игрой разума. В его глазах эти фигуры были чудом искусства, а складывание их — занятием первостепенной важности. Это происходило оттого, что в глазу у него сидел осколок волшебного зеркала. Он складывал из льдин целые слова, но никак не мог сложить того, что ему особенно хотелось, — слово «вечность». Снежная королева сказала ему: «Если ты сложишь это слово, ты будешь сам себе господин, и я подарю тебе весь свет и пару новых коньков». Но он никак не мог его сложить.

— Теперь я полечу в тёплые края, — сказала Снежная королева.

И она улетела, а Кай остался один в необозримой пустынной зале, смотрел на льдины и всё думал, думал, так что в голове у него трещало. Он сидел на одном месте, такой бледный, неподвижный, словно неживой. Можно было подумать, что он замёрз.

В это время в огромные ворота, в которые вечно дули буйные ветры, входила Герда. Она прочла вечернюю молитву, и ветры улеглись, точно заснули. Она вошла в огромную пустынную ледяную залу и увидела Кая. Она тотчас узнала его, бросилась ему на шею, крепко обняла его и воскликнула:

— Кай, милый мой Кай! Наконец-то я нашла тебя!

Но он сидел всё такой же неподвижный и холодный. Тогда Герда заплакала; горячие слёзы её упали ему на грудь, проникли в сердце, растопили его ледяную кору и расплавили осколок. Кай взглянул на Герду, а она запела:

Розы цветут... Красота, красота!
Скоро узрим мы Младенца Христа.

Кай вдруг залился слезами и плакал так сильно, что осколок вытек из глаза вместе со слезами. Тогда он узнал Герду и обрадовался:

— Герда! Милая Герда!.. Где же это ты была так долго? Где был я сам? — И он оглянулся вокруг. — Как здесь холодно, пустынно!..

И он крепко прижался к Герде. Она смеялась и плакала от радости. Да, радость была такая, что даже льдины пустились в пляс, а когда устали, улеглись и составили то самое слово, которое задала сложить Каю Снежная королева. Сложив его, он мог сделаться сам себе господином да ещё получить от неё в дар весь свет и пару новых коньков.

Герда поцеловала Кая в обе щеки, и они опять зацвели розами; поцеловала его в глаза, и они заблестали, как её; поцеловала его руки и ноги, и он опять стал бодрым и здоровым.

Кай ничуть не страшился прибытия Снежной королевы — его отпускная лежала тут, написанная блестящими ледяными буквами.

Кай с Гердой рука об руку вышли из ледяных чертогов. Они шли и говорили о бабушке, о розах, что цвели в их садике, и перед ними стихали буйные ветры, проглядывало солнце. Когда же они дошли до куста с красными ягодами, там уже ждал их северный олень.

Кай и Герда отправились сначала к финке, отогрелись у неё и узнали дорогу домой, а потом — к лапландке. Та сшила им новое платье, починила свои сани и поехала их провожать.

Олень тоже провожал молодых путников вплоть до самой границы Лапландии, где уже пробивалась первая зелень. Тут Кай и Герда простились с ним и с лапландкой.

Вот перед ними и лес. Запели первые птички, деревья покрылись зелёными почками. Из леса навстречу путникам выехала верхом на великолепной лошади молодая девушка в ярко-красной шапочке и с пистолетом за поясом.

Герда сразу узнала и лошадь — она была когда-то впряжена в золотую карету, — и девушку. Это была маленькая разбойница.

Она тоже узнала Герду. Вот была радость!

— Ишь ты, бродяга! — сказала она Каю. — Хотела бы я знать, стоишь ли ты того, чтобы за тобой бегали на край света?

Но Герда потрепала её по щеке и спросила о принце и принцессе.

— Они уехали в чужие края, — отвечала молодая разбойница.

— А ворон? — спросила Герда.

— Лесной ворон умер; ручная ворона осталась вдовой, ходит с чёрной шерстинкой на ножке и жалуется на судьбу. Но всё это пустяки, а ты вот расскажи-ка лучше, что с тобой было и как ты нашла его.

Герда и Кай рассказали ей обо всём.

— Ну, вот и сказке конец! — сказала молодая разбойница, пожала им руки и обещала навестить их, если когда-нибудь заедет в их город.

Затем она отправилась своей дорогой, а Кай и Герда — своей.

Они шли, и по дороге расцветали весенние цветы, зеленела травка. Вот раздался колокольный звон, и они узнали колокольни своего родного города. Они поднялись по знакомой лестнице и вошли в комнату, где всё было по-старому: маятник всё так же стучал «тик-так» и стрелка двигалась по циферблату. Но, проходя в низенькую дверь, они заметили, что стали взрослыми людьми. Цветущие розовые кусты заглядывали с крыши в открытое окошко; тут же стояли их детские стульчики. Кай с Гердой сели каждый на свой и взяли друг друга за руки. Холодное, пустынное великолепие чертогов Снежной королевы было забыто ими, как тяжёлый сон.

Бабушка сидела на солнышке и громко читала Евангелие: «Если не будете как дети, не войдёте в Царствие Небесное!»

Кай и Герда взглянули друг на друга и тут только поняли смысл старого псалма:

Розы цветут... Красота, красота!
Скоро узрим мы Младенца Христа.

Так сидели они рядышком, оба уже взрослые, но дети сердцем и душою, а на дворе стояло тёплое благодатное лето.

Размышляем о прочитанном

1. Как можно объяснить название сказки? Из скольких историй состоят приключения действующих лиц?
2. Кто главные герои сказки? Чем интересна была их жизнь? Как начинается сказка? Похоже ли её начало на начало русских народных сказок?
3. Почему у тролля было особенно хорошее настроение? Что делали тролль и его ученики с людьми, их характерами? Что происходило с разбитым зеркалом?
4. Расскажите о жизни мальчика и девочки, об их садике. Как жили обе семьи? Постарайтесь близко к тексту пересказать эпизод с появлением Снежной королевы. Как осколок попал в глаз Кая?
5. С чего началось путешествие Герды? Что вы можете рассказать о цветнике женщины, умевшей колдовать? Почему Герда забыла обо всём и как ей удалось вспомнить о Кая? Как она встретила с принцем и принцессой? Чем они помогли Герде?
6. Каков особый мир маленькой разбойницы? Почему разбойница пожалела Герду и даже помогла ей в дальнейшем пути?
7. Последняя остановка у жалкой избушки; лапландка и финка; их помощь Герде. Чем эти эпизоды напоминают нам русские народные сказки?
8. Что помогло Герде и Каю в чертогах Снежной королевы? Кто встретился им на обратном пути?
9. Что хотел сказать читателям своей сказкой Андерсен? Как вы понимаете концовку сказки?

Литература и изобразительное искусство

Внимательно рассмотрите иллюстрации к сказке «Снежная королева». Согласны ли вы с восприятием сказки и её героев художником? Напишите письменный отзыв об иллюстрациях.

<...> Есть на свете страна, которую мы узнаём и начинаем любить с самого раннего возраста.

Это Дания. Маленькая северная страна, с трёх сторон окружённая морем, пленяет нас с детства потому, что в ней жил и писал величайший сказочник мира Ханс Кристиан Андерсен.

Он входит в наши дома прежде, чем мы научились читать, — входит лёгкой, почти неслышной поступью, как прославленный им волшебник, мастер снов и сказок, маленький Оле-лукойе, — тот самый Оле — закрой-глазки, который появляется у постели детей по вечерам, без башмаков, в толстых чулках, с двумя зонтиками под мышкой. Один зонтик у него весь расшит и разрисован цветными узорами и картинками. Оле раскрывает его над хорошими детьми. Другой зонтик — гладкий, простой, без картинок. Если его раскроют над вами, вы не увидите ночью ничего, кроме темноты... Пёстрый зонтик, который он раскрывает над вами, — это сказочное небо андерсеновского мира, расшитое чудесными, неожиданными узорами. Их можно рассматривать без конца. Чего тут только нет!

Эльфы и тролли народной сказки, крошечная девочка Дюймовочка, вышедшая на белый свет из тюльпана, печальная маленькая русалка, подплывающая под самые окна человеческого жилья, прозрачный дворец из тончайшего китайского фарфора и детские салазки, летящие в холодном вихре вслед за большими белыми санями Снежной королевы...

И во всей этой безмерной, богатой, щедрой фантастике — какое чувство меры и правды!

Волшебное царство превращается у Андерсена в живой, понятный, знакомый мир... Всеми праздному, надменному, самодовольному миру, где царствует свинья-копилка, Андерсен противопоставляет другой мир — труда, вдохновения, мужества.

Маленькая Герда, разыскивающая Кая по всему свету, гадкий утёнок и даже игрушечный оловянный солдатик на одной ноге — всё это образцы стойкости, твёрдой воли и нежного сердца. Любимые герои Андерсена — простые и чистые люди.

Вот почему все народы мира кладут своим детям в изголовье как лучший подарок сказки Андерсена. У нас в стране он давно уже обрёл вторую родину. Лев Толстой, Добролюбов, Горький с благодарностью и нежностью называли его имя.

Поколение за поколением воспитывалось на его сказках, радуясь, негодуя и сочувствуя до слёз его героям.

С. Я. Маршак

Размышляем о прочитанном

1. Вы прочитали небольшой отрывок из статьи детского писателя Самуила Яковлевича Маршака «Мастер снов и сказок», в которой он рассказывает о своём отношении к сказкам Андерсена, о настроении, которое они сообщают читателю. Прочитайте эту статью вслух, подтвердите мысли писателя примерами из прочитанной сказки «Снежная королева».
2. В каких поступках Герды мы видим, как говорит Маршак, «образцы стойкости, твёрдой воли и нежного сердца»? Кого в этой сказке можно отнести к «праздному, надменному, самодовольному миру»? Какие герои сказки олицетворяют «мир труда, вдохновения, мужества»?
3. Какие сказки Андерсена вы бы хотели навсегда сохранить в своей домашней библиотеке и иметь возможность перечитывать? Обсудите этот вопрос с родителями.
4. Расскажите о каждом из героев сказки, выделив главное в его характере.

Марк ТВЕН

1835–1910

Настоящее имя писателя — Самюэл Клеменс, а Марк Твен — это его литературный псевдоним, которым он подписывал свои произведения. Самюэл родился в семье судьи Джона Клеменса. Родные и близкие называли его Сэм. Он был самым обыкновенным мальчиш-

кой, играл вместе с приятелями в разбойников, воображал себя Робинзоном Крузо, жившим на необитаемом острове, стрелял из лука и сражался на самодельных рапирах. И всё же было в Сэме что-то особенное, что отличало его от всех остальных. Он был фантазёром и выдумщиком, придумывал самые интересные игры. Сэм был впечатлительным и наблюдательным и всё, что видел вокруг, запоминал хорошо. Учился он в школе, где в одном и том же классе занимались ученики младшего и старшего возраста. Сэм не был прилежным учеником, но сочинения, которые он писал, очень часто отмечались как лучшие. Он получал за них награды.

Когда Сэму было двенадцать лет, умер его отец. Пришлось работать и зарабатывать на жизнь. Сначала он поступил в типографию рассыльным. Когда ему исполнилось шестнадцать лет, он почувствовал себя взрослым, поступил учеником к лоцману, овладел искусством водить по реке пароходы. Это дело пришлось ему по душе. Он любил речные просторы, утренние туманы, ощущение свободы во время плавания по Миссисипи. Слова «марк твен» кричит измеряющий глубину матрос — это значит, что пароход может плыть, он не сядет на мель. Как часто лоцман Клеменс слышал эти слова — «марк твен». Они снова и снова звучали в его воспоминаниях. Впоследствии он сделал их своим литературным именем.

Марк Твен мечтал найти залежи серебра и разбогатеть, но разбогатеть ему не удалось. Однако он завоевал известность

как журналист. Мировую известность Марку Твену принесли романы «Приключения Тома Сойера», «Принц и нищий», «Приключения Гекльберри Финна», «Янки при дворе короля Артура». Том Сойер и Гек Финн известны во всех концах света, их любят и дети, и взрослые. Том — фантазёр и выдумщик. Он выдумывает удивительные истории и интересные игры — в индейцев, в разбойников, в пиратов, живущих на острове. Обе книги Марка Твена — и про Тома, и про Гека — названы «Приключения». Но приключения эти разные, и рассказано о них по-разному. «Приключения Тома Сойера» — весёлая, радостная книга детства. «Приключения Гекльберри Финна» — книга о суровой действительности.

«Вся американская литература вышла из одной книги Марка Твена, из его „Гекльберри Финна“... Лучшей книги у нас нет», — сказал знаменитый американский писатель XX века Эрнест Хемингуэй.

По Н. П. Михальской

Приключения Тома Сойера

Отрывок

Глава первая

Том играет, воюет, скрывается

— **Том!**

Никакого ответа.

— **Том!**

Никакого ответа.

— Куда же он запропастился, этот мальчишка?..
Том!

Старушка спустила очки на кончик носа и оглядела комнату поверх очков; потом вздёрнула очки на лоб и глянула из-под них. Она никогда или почти никогда не смотрела сквозь очки, если ей приходилось отыскивать мелкий предмет вроде мальчика, потому что это были её парадные очки, гордость её сердца: они надевались

«для шику», а не для действительной надобности; она могла бы с таким же успехом глядеть сквозь печные за-слонки. В первую минуту она как будто растерялась и сказала не очень сердито, но всё же настолько громко, чтобы мебель могла её слышать:

— Ну попадись ты мне только, я тебя...

Она не кончила, потому что как раз в это время нагнулась и стала шарить щёткой под кроватью. Из-под кровати она не добыла ничего, кроме кошки.

— Вот негодный мальчишка! В жизнь свою не видала такого!

Она подошла к открытой двери и, став на пороге, зорко вглядывалась в заросли дурмана и кустики помидоров, из которых состоял её сад. Тома там не было. Тогда она возвысила голос, чтобы он был слышен на большом расстоянии, и крикнула:

— То-о-о-м!

Позади раздался лёгкий шум. Она оглянулась и в ту же секунду схватила за край куртки мальчишку, который собирался улизнуть.

— Ну, конечно! Мне следовало бы заглянуть в кладовую! Что ты там делал?

— Ничего.

— Ничего? Погляди на свои руки, погляди на свой рот. Чем это ты вымазал губы?

— Не знаю, тётя!

— А я знаю! Это варенье, вот что это такое! Сорок раз я тебе говорила, что, если ты не оставишь в покое варенья, я тебя высеку. Дай-ка сюда этот прут.

Розга засвистела в воздухе.

Опасность была неминуемая.

— Ай! Гляньте-ка, тётя, назад!

Старуха испуганно повернулась на каблуках и приподняла свои юбки, чтобы спастись от грозящей беды, а мальчишка пустился бежать, вскарабкался на высокий дощатый забор — и был таков!

Тётя Полли с минуту не могла опомниться от удивления, потом засмеялась негромко.

— Ну и мальчишка! Да неужто я всё-таки никогда не поумнею? Или мало ещё он дурачил меня? Но, видно, старый дурак всех дураков глупее. Недаром говорится, что старую собаку новым штукам не выучишь. Впрочем, у него и все штуки разные: что ни день, то другая, — разве тут догадаешься, что у него на уме? Он будто знает, до каких пор он может мучить меня безнаказанно, а когда я наконец рассержусь, сейчас же умчится прочь или рассмешит меня каким-нибудь вздором, и гнев у меня сразу остынет, и рука не поднимается хорошенько проучить его розгой. И я не исполняю своего долга, да простит меня Бог. Кто обходится без розги, тот губит ребёнка, говорит Священное Писание. Я же, грешная, балую его, и за это наказание постигнет нас обоих. Знаю, что голова у него полна всякой дури. Но что же мне делать? Ведь он сын моей покойной сестры, бедный малый, и у меня духу не хватает отстегать его розгой! Всякий раз, как я дам ему увильнуть от наказания, меня так мучает совесть, что и сказать не умею, а накажу — моё старое сердце прямо разрывается от жалости. Верно, верно сказано в Писании: век человеческий краток и полон скорбей! Ну, да ладно! Сегодня он сбежал с уроков и в класс не пошёл, будет лодырничать от обеда до вечера, а завтра мне придётся наказать его — засадить за трудную работу. Жестоко заставлять его работать в воскресные дни, когда у всех мальчиков праздник, но ничего не поделаешь: работу он ненавидит больше всего на свете, а мне надо же когда-нибудь исполнить свой долг, не то я сгублю малыша.

Том, действительно, весь день бил баклуши и очень весело провёл время. Он вернулся домой как раз кстати, чтобы помочь негритенку Джимми напилить дров на завтра и наколоть растопку или (говоря более точно) рассказать ему свои приключения. Младший брат Тома, Сид (не родной брат, а сводный), к этому времени уже справился со своей работой (ему было приказано собрать стружки и щепки), потому что это был послуш-

ный тихоня, который никогда не проказничал и не доставлял неприятностей старшим.

Пока Том уплетал свой ужин, пользуясь всяким удобным случаем, чтобы стянуть кусок сахара, тётя Полли задавала ему разные вопросы, полные глубокого коварства, надеясь, что он попадет в расставленные ею ловушки и проболтается. Подобно многим простодушным людям, она не без гордости считала себя тонкой дипломаткой и видела в своих наивнейших замыслах чудеса лукавства.

— Том, — сказала она, — сегодня в школе было, должно быть, порядочно жарко?

— Да, м¹.

— Страшно жарко, не правда ли?

— Да, м.

— А не захотелось ли тебе, Том, искупаться в реке?

Тому почудилось что-то неладное — лёгкое облако подозрения и страха коснулось его души. Он пытливо посмотрел в лицо тёти Полли, но оно ничего не сказало ему. И он ответил:

— Нет, м, не особенно.

Старуха протянула руку и пощупала у Тома рубашку.

— Но всё же, — сказала она, — ты, оказывается, не очень вспотел.

И она с гордостью подумала, как ловко ей удалось обнаружить, что рубашка у Тома сухая: никому и в голову не пришло, какая хитрость была у неё на уме. Том, однако же, успел уже сообразить, куда дует ветер, и предупредил дальнейшие вопросы:

— Наши мальчишки подставляли голову под насос — освежиться. У меня волосы до сих пор мокрые. Видите?

Тётя Полли была раздосадована: как могла она упустить такую важную улику? Но тотчас же её осенила новая мысль.

— Том, ведь, чтобы подставить голову под насос, тебе не пришлось распороть воротник рубашки в том месте, где я зашила его? Ну-ка расстегнись!

¹ М — первая и последняя буква слова «мадам».

Тревога сбежала с лица Тома. Он распахнул куртку. Воротник рубашки оказался крепко зашитым.

— Ну, хорошо, хорошо. Ступай. А я была уверена, что ты и в школу не ходил, и купался. Ладно, я не сержусь на тебя: ты хоть и порядочный плут, но всё же иногда бываешь лучше, чем можно подумать.

Ей было досадно, что её мудрость не привела ни к чему, и в то же время приятно, что отныне Том вступает на путь послушания.

Но тут вмешался Сидди.

— Что-то мне помнится, — сказал он, — будто вы зашивали ему воротник белой ниткой, а тут, поглядите, чёрная.

— Да, я зашила белой!.. Том!..

Но Том не стал дожидаться продолжения этой беседы и, убегая из комнаты, крикнул:

— Ну и вздую же я тебя, Сидди!

Укрывшись в надёжном месте, он осмотрел две большие иголки, заткнутые за ворот куртки и обмотанные нитками. Одна была обмотана чёрной ниткой, а другая — белой.

— Она бы и не заметила, если б не Сид. Впрочем, и она хороша: то у неё чёрная нитка, то белая. Уж шила бы какой-нибудь одной, а то поневоле собьёшься... А Сиды я всё-таки вздую, — чёрт меня возьми, если не вздую.

Том не был примерным мальчиком, таким, каким мог бы гордиться весь город. Зато он отлично знал, кто был примерным мальчиком, и ненавидел его.

Впрочем, через две минуты — и даже скорее — он позабыл все невзгоды. Не потому, что они были для него менее тяжки и горьки, чем невзгоды, обычно мучающие взрослых людей, но потому, что в эту минуту его захватила новая великая забота и вытеснила их из его головы. Точно так же и взрослые люди забывают всё своё горе, едва только их увлекут какие-нибудь новые замыслы.

Тома в настоящее время увлекла одна прелестная новинка: он научился у знакомого негра свистеть каким-

то особенным способом, и ему давно уже хотелось поупражняться на свободе в этом деле. Негр свистел по-птичье. У него получалась великолепная трель, для чего нужно было часто-часто дотрагиваться языком до нёба. Читатель, вероятно, помнит, как это делается, — если только он когда-нибудь был мальчиком. Настойчивость и усердие помогли Тому быстро овладеть новым искусством.

Он весело зашагал по улице, и рот его был полон сладкой музыки, а душа была полна благодарности. Он чувствовал себя, как астроном, открывший в небе новую планету, но радость его была непосредственное, полнее и глубже.

Летом вечера долгие. Было ещё светло. Вдруг Том перестал свистеть. Перед ним стоял незнакомец, чуть побольше его самого. Всякое новое лицо любого пола и любого возраста всегда вызывало общий интерес в маленьком, убогом городке Санкт-Петербурге¹. К тому же мальчик был прекрасно одет — прекрасно одет в будничный день! Это было прямо поразительно! Очень изящная шапочка, аккуратно застёгнутая синяя суконная куртка, новая и чистая, и такие же брюки! На ногах башмаки, даром что сегодня ещё только пятница. У него был даже галстук — очень яркая лента. Вообще он имел вид городского франта, нестерпимо раздражавший Тома. Чем больше Том глядел на это дивное диво, тем бледнее казался ему его собственный жалкий костюм и тем выше задирали он нос, показывая, как ему противны такие щегольские наряды. Оба мальчика не сказали ни слова. Стоило одному сделать шаг, делал шаг и другой, — но только в сторону, вбок, по кругу. Лицо к лицу и глаза в глаза — так они стояли очень долго. Наконец Том сказал:

— Я могу тебя поколотить.

— А ну-ка, попробуй!

¹ Американцы любят давать своим мелким городкам громкие названия столиц. У них есть несколько Парижей, Константинополей и т. д.

- Могу и поколочу!
- Нет, ты не можешь.
- Нет, я могу.
- Нет, не можешь.
- Нет, могу.
- Нет, не можешь.
- Могу!
- Не можешь!

Зловещее молчание.

- А как тебя зовут? — наконец спросил Том.
- А тебе какое дело?
- Вот я покажу тебе, какое мне дело.
- Ну, покажи. Отчего же не покажешь?
- Скажи ещё два слова, и покажу.
- Два слова! Два слова! Два слова! Вот тебе. Ну?
- Ишь какой ловкий! Да если бы я захотел, я мог бы вздуть тебя одною рукою, а другую пусть привяжут мне за спину.

— Почему же не вздуешь? Ведь ты говоришь, что можешь.

- И вздую, если будешь ко мне приставать.
- Ай-ай-ай! Видали мы таких!
- Думаешь, как расфуфырился, так уж и важная птица! Ой, какая шляпа!
- А ну-ка, попробуй сбить её у меня с головы! Вот тогда и получишь от меня на орехи...

- Врёшь!
- Сам ты врёшь!
- Только стращает, а сам трус!
- Ладно, проваливай!
- Эй, ты, слушай: если ты не уймёшься, я оторву тебе голову!
- Как же! Оторвёшь! Ой! ой! ой!
- И оторву!
- Чего же ты ждёшь? Почему ты всё стращаешь, а на деле и нет ничего? Трусишь, значит?
- И не думаю!
- Нет, трусишь!

— Нет, не трушу!

— Нет, трусишь!

Снова молчание. Пожирают друг друга глазами, топчутся на месте и делают новый круг.

Наконец они стоят плечом к плечу.

— Убирайся отсюда! — говорит Том.

— Сам убирайся!

— Не желаю.

— И я не желаю!

Так они стоят лицом к лицу, каждый выставил ногу вперёд под одним и тем же углом. С ненавистью глядя друг на друга, они начинают что есть силы толкаться. Но победа не даётся ни тому ни другому. Толкаются они долго, так что лица у них становятся разгорячёнными, красными. Понемногу они ослабляют свой натиск, хотя каждый по-прежнему остаётся настороже, и тогда Том говорит:

— Ты трус и щенок. Я скажу моему старшему брату. Он может отколотить тебя одним мизинцем. Я ему скажу, он отколотит.

— Очень я боюсь твоего старшего брата! У меня у самого есть брат, ещё побольше твоего, и он может швырнуть твоего — вон через тот забор.

Оба брата были выдуманы.

— Врёшь!

— Мало ли что ты скажешь!

Том большим пальцем ноги провёл черту по пыли и сказал:

— Посмей только переступить через эту черту. Я так тебя вздую, что ты с места не встанешь. Горе тому, кто перейдёт за черту.

Чужой мальчик тотчас же поспешил перейти за черту и сказал:

— Ну, посмотрим, как ты вздуешь меня.

— Отстань! Говорю тебе: лучше отстань!

— Да ведь ты же говорил, что побьёшь меня. Отчего же не бьёшь?

— Чёрт меня возьми, если не побью за два цента!

Чужой мальчик вынул из кармана два больших медяка и с насмешкой протянул их Тому.

Том ударил его по руке, и монеты упали на землю.

Через минуту оба мальчика катались в грязи, сцепившись, как две кошки. Они дёргали друг друга за волосы, за куртки, за штаны, они щипали и царапали друг другу носы, покрывая себя пылью и славой.

Наконец неопределенная масса приняла отчётливые очертания, и в дыму сражения стал виден Том, сидевший верхом на противнике и молотивший его кулаками.

— Проси пощады! — выговорил он.

Но мальчик старался высвободиться и громко ревел — больше всего от злобы.

— Проси пощады! — И молотьба продолжалась.

Наконец чужой мальчик невнятно пробормотал: «Перестань», и Том отпустил его на волю с таким наставлением:

— Это тебе наука. В другой раз будь умнее и гляди, кого задеваешь на улице.

Чужой мальчик побрёл прочь, стряхивая пыль с костюма, всхлипывая, сопя носом, время от времени оборачиваясь, качая головой и грозя жестоко разделаться с Томом в следующий раз, когда поймаёт его.

Том отвечал насмешками и направился к дому, гордый своей победой.

Но только он повернулся к незнакомцу спиной, тот запустил в него камнем и угодил ему между лопаток, а сам кинулся бежать, как антилопа. Том гнался за изменником до самого дома и таким образом узнал, где живёт враг. Постоял немного у калитки, вызывая врага на бой, но враг только строил ему рожи в окне, а выйти не пожелал. Наконец явилась мать врага, обозвала Тома гадким, испорченным, грубым мальчишкой и велела убираться прочь. Он ушёл, но, уходя, сказал, что будет бродить поблизости и подстерегать того мальчика.

Домой он вернулся поздно и, когда влез осторожно в окно, очутился в засаде: перед ним стояла его тёт-

ка. И когда тётка увидела, что случилось с его курткой и штанами, её решимость превратить его праздник в неволю и каторжный труд стала тверда, как алмаз.

Глава вторая

Великолепный маляр

Воскресное утро пришло, и летняя природа просияла — свежая, кипящая жизнью. В каждом сердце зазвенела песня, а если это сердце было молодо, из уст изливалась музыка. Радость была на каждом лице, всякий шагал, как на крыльях.

Белые акации стояли в цвету, и благоухание наполняло воздух. Кардифская гора, что возвышалась над городом, зазеленела растительностью. Она находилась как раз на таком расстоянии, чтобы казаться обетованной страной — заманчивой, безмятежной, мечтательной.

Том вышел из дома с ведром извёстки и длинной кистью. Он окинул взглядом забор, и в одно мгновение окружающая природа утратила всю весёлость, и в сердце у него водворилась тоска. Тридцать ярдов деревянного забора в девять футов¹ вышины! Жизнь показалась ему бессмыслицей, существование — тяжёлою ношею. Со вздохом он обмакнул кисть в извёстку и провёл ею по верхней доске, повторил это ещё и ещё раз и остановился: как ничтожна белая полоска по сравнению с огромным континентом некрашеного забора! В отчаянии опустил он на кадку, в которой было посажено дерево. Из ворот выбежал вприпрыжку Джим с жестяным ведром, напевая песенку «Девушки Буффало». Носить воду из городского насоса всегда было для Тома ненавистным трудом, но сейчас он с радостью взялся бы за эту работу. Он вспомнил, что у насоса всегда собирается много народу: белые, мулаты², чернокожие мальчишки и девчонки в ожидании своей очереди отдыхают, ведут меновую торговлю игрушками, ссорятся, дерутся, балу-

¹ *Фут* — мера длины в различных странах, в английской системе равен 30,48 см.

² *Мулаты* — потомки от смешанных браков негров и белых.

ются. Он вспомнил также, что, хотя до колодца было не более полутора шагов, Джим никогда не возвращался с ведром воды раньше как через час, да и то почти всегда кому-нибудь приходилось бегать за ним.

— Слушай-ка, Джим, хочешь, ты тут покрась немного, а я вместо тебя схожу за водою?

Джим покачал головой и сказал:

— Не могу, масса¹ Том! Старая миссис велела, чтобы я шёл прямо за водой и ни с кем не останавливался шалить по дороге. Она говорит: «Я уж знаю, — говорит, — что масса Том будет звать тебя белить забор, так ты его не слушай, а иди за своим делом». Она говорит: «Я сама, — говорит, — пойду посмотреть, как он будет белить».

— О, вздор! Мало ли что она говорит, Джим! Она всегда так говорит. Давай сюда ведро, я в минуту сбегаю. Она и не узнает.

— Ой, боюсь, масса Том, боюсь старой миссис! Она мне голову оторвёт, — ей-богу, оторвёт!

— Она! Да она пальцем никого не тронет, разве что начнет долбить напёрстком по голове, — так это великая важность! Кто же на это обращает внимание! Говорит она, правда, ужасные вещи, ну, да ведь от слов не больно, если только она при этом не плачет. Джим, я дам тебе мраморный шарик. Я дам тебе мой белый алебастровый шарик.

Джим начал колебаться.

— Белый шарик, Джим, отличный белый шарик!

— Так-то оно так, вещь хорошая! А только всё-таки, масса Том, я крепко боюсь старой миссис.

Джим был только человек и не мог противостоять искушению. Он поставил было ведро на землю и взял в руки алебастровый шар, но через минуту уже мчался по улице с ведром в руке и ноющим затылком, между тем как Том принялся деятельно мазать забор, а тётя

¹ *Масса* — неправильно произнесенное английское слово «мастер», т. е. барчук, молодой господин.

Полли удалялась с поля сражения с туфлей в руке и торжеством во взоре.

Но энергии Тома хватило ненадолго. Он начал думать о том, как весело он собирался провести этот день, и ему стало ещё тяжелее. Скоро все свободные мальчики выбегут на улицу гулять и резвиться. У них, конечно, затеяны разные весёлые игры, и как они будут потешаться над ним за то, что ему приходится так тяжело работать! Самая мысль об этом жгла его, как огнём. Он вытащил все свои сокровища и стал рассматривать их: ломаные игрушки, мраморные шарики, всякая дрянь, — этого не хватит и на то, чтобы купить себе хоть полчаса свободы. Он уложил свои скудные богатства в карман и отказался от мысли попытаться подкупить своих товарищей. В эту тяжкую и безнадежную минуту его вдруг осенило вдохновение — именно вдохновение, гениальная, блестящая мысль. Он взял кисть и спокойно принялся за работу. Вот вдали показался Бен Роджерс, тот самый мальчишка, насмешек которого Том боялся больше всего. Бен не шёл, а прыгал, скакал и приплясывал — верный знак, что на душе у него было легко и что он многого ждал от предстоящего дня. Он грыз яблоко и время от времени издавал протяжный мелодичный свист попеременно с более низкими нотами «дин-дон-дон», «дин-дон-дон», так как он изображал пароход. Подойдя ближе, он убавил шаг, стал посреди улицы и принялся медленно заворачивать, осторожно, с видимым усилием, потому что он представлял собой «Великую Миссури», сидящую на девять футов в воде. Он был судном, капитаном и сигнальными звонками в одно и то же время, так что ему приходилось изображать себя стоящим на собственной палубе, отдающим себе приказания и выполняющим их.

— Стоп-машина, сэр! Динь-дилинь, динь-дилинь-динь!

Он постепенно сошёл с середины дороги и приближался к тротуару.

— Назад! Дилинь-дилинь-динь!

Он вытянулся, держа руки по швам.

— Задний ход! Лево руля! Чшш-чшш-чшш!

Правая рука его величаво описывала большие круги, потому что она представляла собой колесо в сорок футов.

— Левым бортом! Право руля! Дилинь-динь-динь! Чшш-чшш-чшш!

Теперь он описывал круги левой рукой.

— Стоп, направо! Дилинь-динь-динь! Стоп, налево! Малый ход! Прямо, направо! Отдай канат! Стоп! Живей! Динь-дилинь-динь! Эй ты, на берегу! Чау! Чау! Чау! Чего стоишь? Принимай канат! Наматывай его на эту сваю! Затягива-а-й! Отпусти! Машина стала, сэр. Дилинь-динь-динь!

— Шт! шт! шт! — подражал он шипенью водомерного крана.

Том продолжал работать, не обращая внимания на пароход. Бен с удивлением уставился на него, потом сказал:

— Ги, ги! Попался, бычок, на верёвочку!

Ответа не было. Том глазами художника любовался своим последним штрихом, потом положил ещё один лёгкий мазок и откинулся назад — посмотреть. Бен подвёл своё судно ближе и стал с ним борт о борт. У Тома слюнки потекли при виде яблока, но он снова с усердием погрузился в работу.

Наконец Бен сказал:

— Алло, старина, приходится работать, ничего не поделаешь.

— Ах, это ты, Бен! Я и не заметил.

— Слушай-ка, я иду купаться, да, купаться! Небось и тебе хочется, а? Но тебе, конечно, придётся работать, не правда ли? Ну, конечно, ещё бы!

Том посмотрел на него и сказал:

— Что ты называешь работой?

— А разве это не работа?

Том снова принялся белить забор и при этом промолвил небрежно:

«Приключения Тома Сойера». Худ. М. Петров

— Может быть — да, а может быть — и нет. Я знаю только одно: Тому Сойеру она нравится.

— Вздор! Неужели ты хочешь сказать, что это занятие — приятное?

Кисть продолжала гулять по забору.

— Приятное? А что же в нём такого неприятного? Разве мальчикам каждый день случается белить заборы?

Дело явилось в ином свете. Бен перестал грызть яблоко. Том мягко водил кистью взад и вперёд, отступал на несколько шагов, чтобы полюбоваться эффектом, там и сям прибавлял мазок и снова критически осматривал сделанное, а Бен следил за каждым его движением, увлекаясь всё больше и больше.

Наконец Бен сказал:

— Слушай, Том, дай мне побелить немножко!

Том задумался и, казалось, был готов согласиться, но потом переменял своё намерение.

— Нет, нет, Бен, едва ли тебе это удастся. Видишь ли, тётя Полли ужасно привередлива насчёт этого забора: он ведь выходит на улицу. Будь это во дворе, другое дело, но тут она страшно строга — надо белить очень, очень старательно. Я так полагаю, что из тысячи, даже, пожалуй, из двух тысяч мальчиков не найдется ни одного, который сумел бы выбелить его как следует.

— Неужто? Полно! Дай мне только попробовать, только немножечко. Будь я на твоём месте, я бы тебе дал. А, Том?

— Бен, я бы с радостью, честное слово, да тётя Полли... Вот Джим тоже хотел, а она не позволила. Просился и Сид — не пустила и Сида. Теперь ты понимаешь, как мне трудно доверить эту работу тебе? Если ты начнёшь белить, да вдруг выйдет что-нибудь не так...

— Вздор! Я буду стараться не хуже тебя. Мне бы только попробовать! Слушай: я дам тебе обедок вот этого яблока.

— Ладно, изволь! Впрочем, нет, Бен, лучше не надо; боюсь я...

— Я дам тебе всё моё яблоко. Всё, что осталось...

Том вручил ему кисть с видимой неохотой, но с восторгом в душе. И пока бывший пароход «Великая Миссури» трудился и потел на солнце, отставной художник сидел на кадке в тени, болтая ногами, жевал яблоко и расставлял сети для новых простаков. В простаках недостатка не было: мальчишки то и дело подходили к забору, — подходили позубоскалить, а оставались белить. К тому времени, когда Бен выбился из сил, Том уже продал вторую очередь Билли Фишеру за бумажного змея; а когда и Фишер утомился, его сменил Джонни Миллер, внося в виде платы дохлую крысу с верёвочкой, — чтобы привязывать эту крысу за хвост и раскачивать, — и так далее, и так далее, час за часом. К полудню Том из жалкого бедняка, каким он был утром, превратился в богача, буквально утопающего в роскоши. Помимо вышепоименованных сокровищ, у него оказались двенадцать мраморных шариков, свистулька, осколок синего стекла от бутылки, чтобы глядеть сквозь него, пушка, сделанная из катушки ниток, ключ, который ничего не хотел отпирать, кусок мела, стеклянная пробка от графина, оловянный солдатик, пара головастиков, шесть хлопушек, одноглазый котёнок, медная ручка от двери, собачий ошейник, — только собаки не было, — рукоятка ножа, четыре апельсиновые корки и старая ломаная оконная рама. Он приятно и весело провёл время в большой компании, ничего не делая, а на заборе оказалось целых три слоя извёстки! Если бы у него хватило извёстки, он разорил бы всех мальчиков города.

Том сказал себе, что, в сущности, жизнь не так уж пуста и ничтожна. Сам того не зная, он открыл великий закон человеческих поступков и действий, а именно: для того, чтобы человек или мальчик страстно захотел обладать какой-нибудь вещью, пусть эта вещь достанется возможно труднее. Если бы он был таким же великим мудрецом, как и автор этой книги, он понял бы, что работа есть то, что мы обязаны делать, а игра есть то, что

мы не обязаны делать. И это помогло бы ему уразуметь, почему изготовление бумажных цветов — работа, а восхождение на Монблан — удовольствие. В Англии есть немало богатых джентльменов, которые в летние дни управляют четвёркой лошадей, везущих омнибус куда-нибудь за двадцать — тридцать миль, — только потому, что это благородное занятие стоит им значительных денег, но если бы им предложили за тот же труд жалованье, это сделало бы его тяжёлой работой, и они сейчас же попросили бы расчёт.

Размышляем о прочитанном

1. Что вы узнали о Марке Твене из статьи Н. П. Михальской? Каким было его детство? Что отличало его в школе от других учеников? Чем интересен его псевдоним?
2. Какие книги Марка Твена вы читали? Какие из них вам особенно понравились?
3. В чём проявлялась изобретательность Тома?
4. Постарайтесь рассказать о героях Марка Твена — как выглядели, во что играли, как изобретали всё новые и новые игры, забавы.
5. Прочитайте целиком одно из произведений Марка Твена, подготовьте отзыв или краткий пересказ прочитанного.

Фонохрестоматия (||| Слушаем актёрское чтение |||)

М. Твен. «Приключения Тома Сойера»

1. Почему мальчишки завидовали Тому?
2. В чём были, по мнению Тома, бесспорные преимущества жизни Гека?
3. Какие чувства испытывают мальчишки, рассказывая страшные истории? Какими средствами художественного чтения эти чувства передают актёры?
4. Прочитайте диалог Тома и Гека, передавая чувство страха и мальчишеское бахвальство.
5. Какие чувства вызвала у вас сцена торга? Убедительны ли в ней актёры, исполняющие роли Тома и Гека? Дайте развёрнутый ответ на этот вопрос.

Джек ЛОНДОН

1876—1916

Джек Лондон — американский писатель, родился в Сан-Франциско в семье разорившегося фермера. С детства он испытывал нужду и узнал труд; учась в школе, он зарабатывал продажей газет, затем работал на консервной фабрике, а в 14 лет, уйдя из дома, начал самостоятельную жизнь, полную приключений и лишений.

Лондон становится матросом на торговом судне; вернувшись в Америку из плавания, он сменяет множество профессий, скитается вместе с другими безработными по разным штатам, сидит в тюрьме за бродяжничество.

В 1897 году Лондон, захваченный «золотой лихорадкой», вызванной тем, что на Аляске (Клондайк) и в Северо-Западной Канаде было открыто золото, отправляется на далекий Север искать счастья. Север, суровая природа, нравы золотоискателей и индейцев дали Лондону богатый и свежий материал для многих его произведений, которые он создаёт, вернувшись на родину.

Тяга к хорошим книгам стала для будущего писателя важнейшей. Он много писал, иногда по пятнадцать часов в сутки. Северные рассказы, которые он создавал на основе личных наблюдений и переживаний, полюбили публике. Сам писатель говорил: «Я верю в благородство и достоинство человека. Я верю, что духовность и бескорыстие займут место грубой жестокости и людоедства».

Начиная с 1900 года появляются сборники его рассказов о жизни золотоискателей и индейцев Севера, затем о путешествиях и приключениях в южных морях. Рассказы имеют большой успех. Лондон становится профессиональным писателем. Северные и морские рассказы Лондона составляют ряд сборников («Сын волка», «Дети мороза», «Сказки южных морей» и др.).

Джек Лондон оставил нам много хороших и разных книг о мужественных, смелых и благородных людях. Будем же читать их, будем помнить советы писателя: «Изучайте приёмы писателей, завоевавших известность. Они стали мастерами, и в их произведениях можно найти секреты их мастерства. Запишите заглавными буквами — РАБОТАТЬ, РАБОТАТЬ всё время. Старайтесь познать тайны Земли, Вселенной, материи и духа, мерцающего в этой материи, во всём — от ничтожной личинки до божества».

Согласны ли вы с этой мыслью автора? Прочитайте интереснейшую историю о Кише, которую рассказал нам Джек Лондон, подумайте, какой пример подаёт главный герой рассказа. Чему он учит нас?

Сказание о Кише

Давным-давно у самого Полярного моря жил Киш. Долгие и счастливые годы был он первым человеком в своём поселке, умер, окружённый почётом, и имя его было у всех на устах. Так много воды утекло с тех пор, что только старики помнят его имя, помнят и правдивую повесть о нём, которую они слышали от своих отцов и которую сами передадут своим детям и детям своих детей, а те — своим, и так она будет переходить из уст в уста до конца времён. Зимней полярной ночью, когда северная буря завывает над ледяными просторами, а в воздухе носятся белые хлопья и никто не смеет выглянуть наружу, хорошо послушать рассказ о том, как Киш, что вышел из самой бедной иглу¹, достиг почёта и занял высокое место в своём поселке.

Киш, как гласит сказание, был смышлёным мальчиком, здоровым и сильным и видел уже тринадцать солнц. Так считают на Севере годы, потому что каждую зиму солнце оставляет землю во мраке, а на следующий год поднимается над землёй новое солнце, чтобы люди снова могли согреться и поглядеть друг другу в лицо.

¹ *Иглу* — хижина канадских эскимосов, сложенная из снежных плит.

Отец Киша был отважным охотником и встретил смерть в голодную годину, когда хотел отнять жизнь у большого полярного медведя, дабы даровать жизнь своим соплеменникам. Один на один он схватился с медведем, и тот переломал ему все кости; но на медведе было много мяса, и это спасло народ. Киш был единственным сыном, и, когда погиб его отец, он стал жить вдвоём с матерью. Но люди быстро всё забывают, забыли и о подвиге его отца, а Киш был всего только мальчик, мать его — всего только женщина, и о них тоже забыли, и они жили так, забытые всеми, в самой бедной иглу.

Но как-то вечером в большой иглу вождя Клош-Квана собрался совет, и тогда Киш показал, что в жилах у него горячая кровь, а в сердце — мужество мужчины, и он ни перед кем не станет гнуть спину. С достоинством взрослого он поднялся и ждал, когда наступит тишина и стихнет гул голосов.

— Я скажу правду, — так начал он. — Мне и матери моей даётся положенная доля мяса. Но это мясо часто бывает старое и жёсткое, и в нём слишком много костей.

Охотники — и совсем седые, и только начавшие сидеть, и те, что были в расцвете лет, и те, что были ещё юны, — все разинули рот. Никогда не доводилось им слышать подобных речей. Чтобы ребёнок говорил, как взрослый мужчина, и бросал им в лицо дерзкие слова!

Но Киш продолжал твёрдо и сурово:

— Мой отец, Бок, был храбрым охотником, вот почему я говорю так. Люди рассказывают, что Бок один приносил больше мяса, чем любые два охотника, даже из самых лучших, что своими руками он делил это мясо и своими глазами следил за тем, чтобы самой старой старухе и самому хилому старику досталась справедливая доля.

— Вон его! — закричали охотники. — Уберите отсюда этого мальчишку! Уложите его спать. Мал он ещё разговаривать с седоголовыми мужчинами.

Но Киш спокойно ждал, пока не уляжется волнение.

— У тебя есть жена, Уг-Глук, — сказал он, — и ты говоришь за неё. А у тебя, Массук, — жена и мать, и за них ты говоришь. У моей матери нет никого, кроме меня, и потому говорю я. И я сказал: Бок погиб потому, что он был храбрым охотником, а теперь я, его сын, и Айкига, мать моя, которая была его женой, должны иметь вдоволь мяса до тех пор, пока есть вдоволь мяса у племени. Я, Киш, сын Бока, сказал.

Он сел, но уши его чутко прислушивались к буре протеста и возмущения, вызванной его словами.

— Разве мальчишка смеет говорить на совете? — প্রশамкал старый Уг-Глук.

— С каких это пор грудные младенцы стали учить нас, мужчин? — зычным голосом спросил Массук. — Или я уже не мужчина, что любой мальчишка, которому захотелось мяса, может смеяться мне в лицо?

Гнев их кипел ключом. Они приказали Кишу сейчас же идти спать, грозили совсем лишить его мяса, обещали задать ему жестокую порку за дерзкий поступок. Глаза Киша загорелись, кровь забурилась и жарким румянцем прилила к щекам. Осыпaeмый бранью, он вскочил с места.

— Слушайте меня, вы, мужчины! — крикнул он. — Никогда больше не стану я говорить на совете, никогда — прежде чем вы не придёте ко мне и не скажете: «Говори, Киш, мы хотим, чтобы ты говорил». Так слушайте же, мужчины, моё последнее слово. Бок, мой отец, был великий охотник. Я, Киш, его сын, тоже буду охотиться и приносить мясо и есть его. И знайте отныне, что делёж моей добычи будет справедлив. И ни одна вдова, ни один беззащитный старик не будут больше плакать ночью оттого, что у них нет мяса, в то время как сильные мужчины стонут от тяжкой боли, ибо съели слишком много. И тогда будет считаться позором, если сильные мужчины станут объедаться мясом! Я, Киш, сказал всё.

Насмешками и глумлением проводили они Киша, когда он выходил из иглу, но он стиснул зубы и пошёл своей дорогой, не глядя ни вправо, ни влево.

На следующий день он направился вдоль берега, где земля встречается со льдами. Те, кто видел его, заметили, что он взял с собой лук и большой запас стрел с костяными наконечниками, а на плече нёс большое охотничье копье своего отца. И много было толков и много смеха по этому поводу. Это было невиданное событие. Никогда не случалось, чтобы мальчик его возраста ходил на охоту, да ещё один. Мужчины только покачивали головой да пророчески что-то бормотали, а женщины с сожалением смотрели на Айкигу, лицо которой было строго и печально.

— Он скоро вернётся, — сочувственно говорили женщины.

— Пусть идёт. Это послужит ему хорошим уроком, — говорили охотники. — Он вернётся скоро, тихий и покорный, и слова его будут кроткими.

Но прошёл день и другой, и на третий поднялась жестокая пурга, а Киша всё не было. Айкига рвала на себе волосы и вымазала лицо сажей в знак скорби, а женщины горькими словами корили мужчин за то, что они плохо обошлись с мальчиком и послали его на смерть; мужчины же молчали, готовясь идти на поиски тела, когда утихнет буря.

Однако на следующий день рано утром Киш появился в посёлке. Он пришёл с гордо поднятой головой. На плече он нёс часть туши убитого им зверя. И поступь его стала надменной, а речь звучала дерзко.

— Вы, мужчины, возьмите собак и нарты и ступайте по моему следу, — сказал он. — За день пути отсюда найдете много мяса на льду — медведицу и двух медвежат.

Айкига была вне себя от радости, он же принял её восторги, как настоящий мужчина, сказав:

— Идём, Айкига, надо поесть. А потом я лягу спать, потому что я устал.

И он вошёл в иглу и сытно поел, после чего спал двадцать часов подряд.

Сначала было много сомнений, много сомнений и споров. Выйти на полярного медведя — дело опасное, но трижды и три раза трижды опаснее — выйти на медведицу с медвежатами. Мужчины не могли поверить, что мальчик Киш один, совсем один, совершил такой великий подвиг. Но женщины рассказывали о свежем мясе только что убитого зверя, которое принёс Киш, и это поколебало их недоверие. И вот, наконец, они отправились в путь, ворча, что если даже Киш и убил зверя, то, верно, он не позаботился освежевать его и разделать тушу. А на Севере это нужно делать сразу, как только зверь убит, — иначе мясо замёрзнет так крепко, что его не возьмёт даже самый острый нож; а взвалить мороженую тушу в триста фунтов на нарты и везти по неровному льду — дело нелёгкое. Но, придя на место, они увидели то, чему не хотели верить: Киш не только убил медведей, но рассёк туши на четыре части, как истый охотник, и удалил внутренности.

Так было положено начало тайне Киша. Дни шли за днями, и тайна эта оставалась неразгаданной. Киш снова пошёл на охоту и убил молодого, почти взрослого медведя, а в другой раз — огромного медведя-самца и его самку. Обычно он уходил на три-четыре дня, но бывало, что пропадал среди ледяных просторов и целую неделю. Он никого не хотел брать с собой, и народ только диву давался. «Как он это делает? — спрашивали охотники друг у друга. — Даже собаки не берёт с собой, а ведь собака — большая подмога на охоте».

— Почему ты охотишься только на медведя? — спросил его как-то Клош-Кван.

И Киш сумел дать ему надлежащий ответ:

— Кто же не знает, что только на медведе так много мяса.

Но в посёлке стали поговаривать о колдовстве.

— Злые духи охотятся вместе с ним, — утверждали одни. — Поэтому его охота всегда удачна. Чем же ина-

че можно это объяснить, как не тем, что ему помогают злые духи?

— Кто знает? А может, это не злые духи, а добрые? — говорили другие. — Ведь его отец был великим охотником. Может, он теперь охотится вместе с сыном и учит его терпению, ловкости и отваге. Кто знает!

Так или не так, но Киша не покидала удача, и нередко менее искусным охотникам приходилось доставлять в посёлок его добычу. И в дележе он был справедлив. Так же, как и отец его, он следил за тем, чтобы самый хилый старик и самая старая старуха получали справедливую долю, а себе оставлял ровно столько, сколько нужно для пропитания. И поэтому-то, и ещё потому, что он был отважным охотником, на него стали смотреть с уважением и побаиваться его и начали говорить, что он должен стать вождём после смерти старого Клош-Квана. Теперь, когда он прославил себя такими подвигами, все ждали, что он снова появится в совете, но он не приходил, а им было стыдно позвать его.

— Я хочу построить себе новую иглу, — сказал Киш однажды Клош-Квану и другим охотникам. — Это должна быть просторная иглу, чтобы Айкиге и мне было удобно в ней жить.

— Так, — сказали те, с важностью кивая головой.

— Но у меня нет на это времени. Моё дело — охота, и она отнимает всё моё время. Было бы справедливо и правильно, чтобы мужчины и женщины, которые едят мясо, что я приношу, построили мне иглу.

И они выстроили ему такую большую, просторную иглу, что она была больше и просторнее даже жилища самого Клош-Квана. Киш и его мать перебрались туда, и впервые после смерти Бока Айкига стала жить в довольстве. И не только одно довольство окружало Айкигу, — она была матерью замечательного охотника, и на неё смотрели теперь как на первую женщину в посёлке, и другие женщины посещали её, чтобы испросить у неё совета, и ссылались на её мудрые слова в спорах друг с другом или со своими мужьями.

Но больше всего занимала все умы тайна чудесной охоты Киша. И как-то раз Уг-Глук бросил Кишу в лицо обвинение в колдовстве.

— Тебя обвиняют, — зловеще сказал Уг-Глук, — в сношениях с злыми духами; вот почему твоя охота удачна.

— Разве вы едите плохое мясо? — спросил Киш. — Разве кто-нибудь в посёлке заболел от него? Откуда ты можешь знать, что тут замешано колдовство? Или ты говоришь наугад — просто потому, что тебя душит зависть?

И Уг-Глук ушёл пристыженный, и женщины смеялись ему вслед. Но как-то вечером на совете после долгих споров было решено послать соглядатаев по следу Киша, когда он снова пойдёт на медведя, и узнать его тайну. И вот Киш отправился на охоту, а Бим и Боун, два молодых, лучших в посёлке охотника, пошли за ним по пятам, стараясь не попасться ему на глаза. Через пять дней они вернулись, дрожа от нетерпения, — так хотелось им поскорее рассказать то, что они видели. В жилище Клош-Квана был срочно созван совет, и Бим, тараща от изумления глаза, начал свой рассказ.

— Братья! Как нам было приказано, мы шли по следу Киша. И уж так осторожно мы шли, что он ни разу не заметил нас. В середине первого дня пути он встретился с большим медведем-самцом, и это был очень, очень большой медведь...

— Больше и не бывает, — перебил Боун и повёл рассказ дальше. — Но медведь не хотел вступать в борьбу, он повернул назад и стал не спеша уходить по льду. Мы смотрели на него со скалы на берегу, а он шёл в нашу сторону, и за ним, без всякого страха, шёл Киш. И Киш кричал на медведя, осыпал его бранью, размахивал руками и поднимал очень большой шум. И тогда медведь рассердился, встал на задние лапы и зарычал. А Киш шёл прямо на медведя...

— Да, да, — подхватил Бим. — Киш шёл прямо на медведя, и медведь бросился на него, и Киш побежал. Но когда Киш бежал, он уронил на лёд маленький круглый шарик, и медведь остановился, обнюхал

этот шарик и проглотил его. А Киш всё бежал и всё бросал маленькие круглые шарики, а медведь всё глотал их.

Тут поднялся крик, и все выразили сомнение, а Уг-Глук прямо заявил, что он не верит этим сказкам.

— Собственными глазами видели мы это, — убеждал их Бим.

— Да, да, собственными глазами, — подтвердил и Боун. — И так продолжалось долго, а потом медведь вдруг остановился, завыл от боли и начал, как бешеный, колотить передними лапами о лёд. А Киш побежал дальше по льду и стал на безопасном расстоянии. Но медведю было не до Киша, потому что маленькие круглые шарики наделали у него внутри большую беду.

— Да, большую беду, — перебил Бим. — Медведь царапал себя когтями и прыгал по льду, словно разыгравшийся щенок.

Но только он не играл, а рычал и выл от боли, — и всякому было ясно, что это не игра, а боль. Ни разу в жизни я такого не видал.

— Да, и я не видал, — опять вмешался Боун. — А какой это был огромный медведь!

— Колдовство, — проронил Уг-Глук.

— Не знаю, — отвечал Боун. — Я рассказываю только то, что видели мои глаза. Медведь был такой тяжёлый и прыгал с такою силой, что скоро устал и ослабел, и тогда он пошёл прочь вдоль берега и всё мотал головой из стороны в сторону, а потом садился и рычал и выл от боли — и снова шёл. А Киш тоже шёл за медведем, а мы — за Кишем, и так мы шли весь день и ещё три дня. Медведь всё слабел и выл от боли.

— Это колдовство! — воскликнул Уг-Глук. — Ясно, что это колдовство!

— Всё может быть.

Но тут Бим опять сменил Боуна:

— Медведь стал кружить. Он шёл то в одну сторону, то в другую, то назад, то вперёд, то по кругу и снова и

«Сказание о Кише». Худ. О. Попович

снова пересекал свой след и наконец пришёл к тому месту, где встретил его Киш. И тут он уже совсем ослабел и не мог даже ползти. И Киш подошёл к нему и прикончил его копьём.

— А потом? — спросил Клош-Кван.

— Потом Киш принялся свежевать медведя, а мы побежали сюда, чтобы рассказать, как Киш охотится на зверя.

К концу этого дня женщины притащили тушу медведя, в то время как мужчины собирали совет. Когда Киш вернулся, за ним послали гонца, приглашая его прийти тоже, но он велел сказать, что голоден и устал и что его иглу достаточно велика и удобна и может вместить много людей.

И любопытство было так велико, что весь совет во главе с Клош-Кваном поднялся и направился в иглу

Киша. Они застали его за едой, но он встретил их с почётом и усадил по старшинству. Айкига то горделиво выпрямлялась, то в смущении опускала глаза, но Киш был совершенно спокоен.

Клош-Кван повторил рассказ Бима и Боуна и, закончив его, произнес строгим голосом:

— Ты должен дать нам объяснение, о Киш. Расскажи, как ты охотишься. Нет ли здесь колдовства?

Киш поднял на него глаза и улыбнулся.

— Нет, о Клош-Кван! Не дело мальчика заниматься колдовством, и в колдовстве я ничего не смыслю. Я только придумал способ, как можно легко убить полярного медведя, вот и всё. Это смекалка, а не колдовство.

— И каждый может сделать это?

— Каждый.

Наступило долгое молчание.

Мужчины глядели друг на друга, а Киш продолжал есть.

— И ты... ты расскажешь нам, о Киш? — спросил наконец Клош-Кван дрожащим голосом.

— Да, я расскажу тебе. — Киш кончил высасывать мозг из кости и поднялся с места. — Это очень просто. Смотри!

Он взял узкую полоску китового уса и показал её всем. Концы у неё были острые, как иглы. Киш стал осторожно скатывать ус, пока он не исчез у него в руке; тогда он внезапно разжал руку, — и ус сразу распрямился. Затем Киш взял кусок тюленьего жира.

— Вот так, — сказал он. — Надо взять маленький кусочек тюленьего жира и сделать в нём ямку — вот так. Потом в ямку надо положить китовый ус — вот так, хорошенько его свернув, и закрыть его сверху другим кусочком жира. Потом это надо выставить на мороз, и, когда жир замёрзнет, получится маленький круглый шарик. Медведь проглотит шарик, жир растопится, острый китовый ус распрямится — медведю станет больно. А когда медведю станет очень больно, его легко убить копьём. Это совсем просто.

И Уг-Глук воскликнул:

— О!

И Клош-Кван сказал:

— А!

И каждый сказал по-своему, и все поняли.

Так кончается сказание о Кише, который жил давным-давно у самого Полярного моря. И потому, что Киш действовал смекалкой, а не колдовством, он из самой жалкой иглу поднялся высоко и стал вождём своего племени. И говорят, что, пока он жил, народ благоденствовал и не было ни одной вдовы, ни одного беззащитного старика, которые бы плакали ночью оттого, что у них нет мяса.

Размышляем о прочитанном

1. Кто главный герой рассказа? Каким вы его представляете? Что было самым главным в его характере? Почему его стали уважать люди? Почему он стал «первым человеком в своём посёлке, умер, окружённый почётом, и имя его было у всех на устах»?
2. Какие строки этого произведения говорят о том, что происходило это очень давно? Каким был отец Киша? Почему люди забыли о подвиге отца?
3. В чём была тайна Киша? Почему народ племени Киша благоденствовал?
4. Подготовьте рассказ о Кише, сопроводите его рисунками.
5. Как вы понимаете последнюю фразу этого рассказа: *И говорят, что, пока он жил, народ благоденствовал и не было ни одной вдовы, ни одного беззащитного старика, которые бы плакали ночью оттого, что у них нет мяса?* На какую причину благодарной памяти соплеменников о Кише указывают эти слова?

Литература и изобразительное искусство

Рассмотрите иллюстрацию художника О. Поповича. Таким ли вы представляете себе героя рассказа?

СПРАВОЧНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Стихи, и как читать их вслух

НЕСКОЛЬКО СОВЕТОВ ИЗВЕСТНОГО ЧТЕЦА ЯКОВА МИХАЙЛОВИЧА СМОЛЕНСКОГО

Я хочу поделиться с любителями звучащего слова некоторыми мыслями, наблюдениями, основанными на моём исполнительском и педагогическом опыте.

Из многочисленных признаков, отличающих стихотворную речь от прозаической, выделим сначала главный, решающий: ритмическую её организацию. «Ритм — это повторение через равные промежутки времени каких-либо однозначных явлений». Конечно, ритм имеет и художественная проза. Вы всегда отличите фразу Толстого от фразы Чехова... Но почти в любом случае прозаическая фраза производит на вас впечатление естественной — «как в жизни». В стихотворном слове как будто возникает некая дополнительная энергия. У Пушкина в «Домике в Коломне» читаем:

Как весело стихи свои вести
Под цифрами, в порядке, строй за строем,
Не позволять им в сторону брести,
Как войску, в пух рассыпанному боем!
Тут каждый стих замечен и в чести,
Тут каждый стих глядит себе героем...

Поэт отдаёт себе отчет в том, насколько сильнее, чем в обыденной речи, воздействует на человека каждый «слог», вставленный в речь стихотворную (*стихом* в науке о поэзии называется одна законченная строка стихотворения).

Этим магическим свойством стихотворного слова объясняется то, что стихи намного лаконичнее прозы. Остановимся подробнее на этом качестве стихотворной речи. Перед нами любимая с детства «Сказка о царе Салтане...». Вспомним строки:

Едет с грамотой гонец
И приехал наконец.

Предельная краткость изложения бросается в глаза. Гонец же преодолевает у Пушкина несметное расстояние при помощи двух строчек. Ритм сам по себе несёт некую повышенную эмоциональность. Именно она придаёт человеку новые силы при ходьбе в строю, она даёт добавочную энергию слову в стихе.

При создании художественного стихотворного произведения ритм может быть выражен только через сочетания слов. Слово в настоящей поэзии должно предельно точно выражать мысль автора, должно быть пронизано глубоким чувством, должно нести в себе образное содержание. Мысль, чувство, образ являются неперенными условиями для произведения любого вида.

Поэт умеет самые обыденные слова организовать так, что они становятся магическими, с необычайной силой действуют на нас. Поэт намеренно и властно сталкивает два ряда слов («повседневный», «низкий» бытовой и возвышенный, редко употребляемый в быту), и нас невольно поражает яркое образное несоответствие. Иногда сталкиваются два родственных глагола, несовершенного и совершенного вида: ехать и приехать. «Едет», поставленное в настоящем времени, создаёт впечатление необычайно длительного действия. «Приехал» — долгожданное завершение действия.

Мы — исполнители — должны понять, увидеть, как сделана вещь. Поэты для нас строители. Мы «принимаем» от них здание поэзии. Но, для того чтобы правильно его эксплуатировать, мы обязаны досконально знать, как прилажены друг к другу «слова-кирпичи», как они сцементированы, по каким образным каналам течет электричество мысли, где и как высекается драгоценная искра жизни.

Нам важно помнить, что стих со времён Ломоносова до наших дней — это ударность. Именно вокруг ударных гласных формируются все остальные элементы, создающие в совокуп-

ности стройное и прекрасное здание ритмов русской поэзии (1 — первый — ударный, второй — безударный) или (1 — первый — безударный, второй — ударный).

Анализируя любое стихотворение или стихотворный отрывок, особое внимание надо обращать на короткие, широко звучащие строчки. В них большей частью содержится та или иная смысловая вершина.

Всем без исключения мы настойчиво рекомендуем пристально вглядываться и вслушиваться в стих, проникая не только в глубину его мысли, но и в способ его построения. Без этого самая прекрасная мысль не может быть выражена.

И читать. Как можно больше читать и вслух, и про себя. Ничто так не воспитывает вкус и всевозможные навыки, как чтение.

Кроме того, рифма — полное созвучие одного или нескольких слогов. Существуют парная, кольцевая, или опоясывающая, перекрёстная рифмы, которые учитываются при чтении.

С самого детства перед человеком, подобно миру природы, простирается широкий мир поэзии. Каждый по-своему видит и чувствует родную природу: один ярче и сильнее, другой спокойнее реагирует на окружающую нас красоту. Это зависит от индивидуальных склонностей, от среды, воспитания. Так же и с поэзией...

Истинные любители поэзии, за всю жизнь не написавшие ни одной строчки, могут чувствовать поэзию в стихах, в природе, в человеческих проявлениях не менее сильно. Один из интереснейших поэтов Евгений Винокуров говорит: «Поэзия — это то, что входит в кровь читателя, оседает в ней...» Исполнитель стихов *не может не быть любителем поэзии.*

Прежде чем принимать вещь... к исполнению, нужно не только глубоко *вдуматься* в неё, но и найти в ней нечто такое, что порой даже неосознанно *заволнует* тебя. Если этот процесс не произойдёт — не будет правды в исполнении.

Учимся читать выразительно

1. Вы прочитали небольшой отрывок из статьи Я. М. Смоленского «Стихи, и как читать их вслух».

Что вы взяли бы себе на вооружение при подготовке чтения стихотворений наизусть? Какие советы вам особенно пригодились бы:

- правильно выбрать стихотворение, глубоко вдуматься и изучить его;

- осмыслить ритм («Ритм сам по себе несёт некую повышенную эмоциональность»), логические ударения, паузы;

- понять особую магию слов (бытовых и возвышенных) избранного стихотворения;

- осознать чувства и интонации, которыми пронизано избранное для чтения произведение;

- найти в себе ответные чувства на то, что высказано автором?

2. Что вы прежде всего принимаете во внимание при подготовке выразительного чтения стихотворения?

3. Подготовьте к конкурсному чтению своё любимое стихотворение.

Словарь имён

- Анікин Владимир Прокопьевич* (род. в 1924 г.), фольклорист, доктор филологических наук, профессор Московского государственного университета, автор многих книг о фольклоре.
- Белінский Виссарион Григорьевич* (1811—1848), выдающийся литературный критик, автор работ о творчестве А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, других писателей первой половины XIX века.
- Били́бин Иван Яковлевич* (1876—1942), русский график, театральный художник, иллюстратор русских народных и пушкинских сказок. Его иллюстрации отличаются неповторимым орнаментом и особым стилем.
- Боклѣвский Петр Михайлович* (1816—1897), русский график, иллюстратор произведений Н. В. Гоголя, А. Н. Островского и других русских писателей.
- Васнецов Виктор Михайлович* (1848—1926), русский живописец, автор жанровых картин («С квартиры на квартиру»), картин на темы русской истории, былин, сказок («После побоища...», «Алёнушка», «Богатыри»), автор декораций к пьесам («Снегурочка» А. Н. Островского), росписи Владимирского собора в Киеве.
- Васнецов Юрий Алексеевич* (1900—1973), график, автор иллюстраций к сказкам, детским книгам («Ладушки», «Радуга-дуга» и др.).
- Гѣрцен Александр Иванович* (1812—1870), русский писатель и философ. Автор романа «Кто виноват?», повестей «Доктор Крупов», «Сорока-воровка», большого историко-биографического повествования «Былое и думы».
- Гудзий Николай Калинникович* (1887—1965), доктор филологических наук, профессор, академик Академии наук Украины, известный исследователь древнерусской литературы.
- Иванов Андрей Иванович* (1775—1848), русский живописец; в своих произведениях воплотил идеи гражданственности, патриотизма («Подвиг молодого киевлянина»).
- Карамзін Николай Михайлович* (1766—1826), русский писатель, историк. Автор повестей «Бедная Лиза», «Наталья»,

боярская дочь», многотомного труда «История государства Российского».

Конашёвич Владимир Михайлович (1888—1963), русский график, автор пейзажей, своеобразных иллюстраций к сказкам А. С. Пушкина, Х. К. Андерсена.

Корóвин Валентин Иванович (род. в 1932 г.), литературовед, доктор филологических наук, профессор, автор многочисленных книг для детей и взрослых о творчестве писателей XVIII, XIX, XX веков, статей о русской литературе, учебников для школьников и студентов.

Корóвин Константин Алексеевич (1861—1939), живописец, тонкий мастер пейзажной живописи («Зимой», «У балкона» и др.). Художника называли «Моцартом живописи». Его картины сравнивали с великими творениями австрийского музыканта.

Кругло́в Юрий Георгиевич (1945—2010), доктор филологических наук, профессор, академик Российской академии образования, известный учёный-фольклорист. Автор книг о русском народном поэтическом творчестве.

Куи́нджи Архип Иванович (1841—1910), русский живописец. Для его пейзажей характерна панорамность, романтичность, эффект освещения («Берёзовая роща», «Ночь на Днепре» и др.).

Кукры́ныксы, псевдоним по первым слогам фамилий трёх художников (М. В. Куприянов, П. Н. Крылов, Н. А. Соколов), авторы иллюстраций к произведениям М. Горького, А. П. Чехова, М. Е. Салтыкова-Щедрина и др.

Ла́птев Алексей Михайлович (1905—1965), русский график, автор жанровых картин и иллюстраций к произведениям И. А. Крылова, Н. В. Гоголя и др.

Левита́н Исаак Ильич (1860—1900), русский живописец-пейзажист. Его поэтические пейзажи часто называют пейзажами настроений — они вызывают чувства грусти, тревоги, радости («Золотая осень», «У омута», «Над вечным покоем», «Март» и др.).

Ма́врина Татьяна Алексеевна (1902—1996), художница, автор ярких, броских пейзажей и иллюстраций к русским народным сказкам и сказкам А. С. Пушкина. Её иллюстрации полны юмора, радостного ощущения жизни.

- Михальская Нина Павловна (1925—2009)*, литературовед, доктор филологических наук, профессор, автор многих книг, статей, учебников по зарубежной литературе.
- Мясоедов Григорий Григорьевич (1834—1911)*, русский живописец. Картины художника отличаются правдивым изображением жизни крестьян («Земство обедает», «Косцы» и др.).
- Непринцев Юрий Михайлович (1909—1996)*, русский живописец, автор жанровых картин («Отдых после боя», «Ленинградцы»).
- Плástов Аркадий Александрович (1893—1972)*, русский живописец, автор жанровых и пейзажных картин, изображающих русскую деревню; большое значение придавал названию картин («Летом», «Купание коней», «Жатва», «Сенокос», «Полдень» и др.).
- Полéнов Василий Дмитриевич (1844—1927)*, русский живописец, автор пейзажных и жанровых картин, выражающих единение человека с природой; его картины яркие и праздничны («Московский дворик», «Бабушкин сад» и др.).
- Рéпин Илья Ефимович (1844—1930)*, русский живописец, автор жанровых картин, портретов («Бурлаки на Волге», «Крестный ход в Курской губернии», «Пушкин на лицейском экзамене» и др.).
- Рубó Франц Алексеевич (1856—1928)*, живописец, автор документально точных, грандиозных по масштабу батальных панорам («Оборона Севастополя», «Бородинская битва» и др.).
- Саврáсов Александр Кондратьевич (1830—1897)*, русский живописец, один из родоначальников реалистического пейзажа; передаёт поэтическую красоту городских и сельских пейзажей.
- Чернышёвский Николай Гаврилович (1828—1889)*, русский писатель, литературный критик. Автор романов «Что делать?», «Пролог».
- Эйхенбаум Борис Михайлович (1886—1959)*, литературовед, доктор филологических наук, автор многочисленных книг и статей о М. Ю. Лермонтове, Н. В. Гоголе и других писателях.

Литературные места России

*Краткие сведения
о некоторых литературных местах,
связанных с именами русских писателей XX века*

Сергей Александрович Есенин

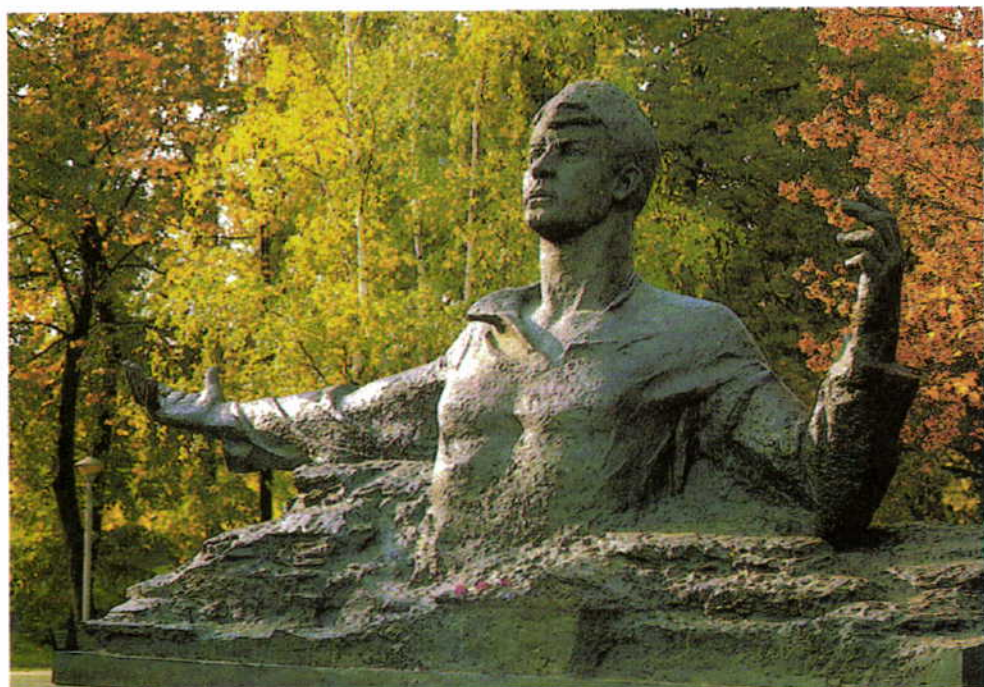
СЕЛО КОНСТАНТИНОВО

(Рязанская область)

Константиново — родина великого русского поэта Сергея Александровича Есенина. Здесь он родился 3 октября 1895 года. Первые три года Сергей жил в доме бабушки Аграфены Панкратовны Есениной, а затем у деда по материнской линии Фёдора Андреевича Титова. «Оглядываясь на весь пройденный путь, — запишет в 1921 году слова Есенина профессор И. Н. Розанов, — я всё-таки должен сказать, что никто не имел

Дом родителей С. А. Есенина в селе Константинове

Памятник С. А. Есенину в Рязани. *Скульптор А. Кибальников*

для меня такого значения, как мой дед. Ему я больше всего обязан. Это был удивительный человек. Яркая личность, широкая натура, „умственный мужик“».

В доме деда в пять лет Сергей научился читать. Вместе с бабушкой Есенин совершает паломничества в соседние монастыри. В песенном селе Константиново он знакомится с частушками, сказаниями, легендами, сказками. «Влияние на моё творчество в самом начале имели деревенские частушки», — вспоминал поэт.

Красота неброской среднерусской природы, берёзовых рощ, заливных приокских лугов узнаётся и в первых юношеских стихотворениях поэта («Вот уж вечер. Роса...», «Там, где капустные грядки...», «Берёза» и др.), и в стихах последних лет жизни: «Как бы ни был красив Шираз, Он не лучше рязанских раздолий...»

В наши дни в Константиново, в музей-заповедник, едут многочисленные поклонники поэзии Сергея Есенина, чтобы по-

сетить «низкий дом с голубыми ставнями», в котором жили Есенины, побывать в школе, в которой учился будущий поэт, познакомиться с экспозицией литературного музея, испытать чувство радости, стоя на высоком берегу Оки, откуда открывается широкая панорама лугов, полей, лесов так любимой поэтом Родины.

Сайт музея в Интернете: <http://www.museum-esenin.ru/M1644>

Виктор Петрович Астафьев

ДЕРЕВНЯ ОВСЯНКА

(Красноярский край)

Овсянка — родина выдающегося русского писателя В. П. Астафьева. Рано оставшийся без матери мальчик воспитывался в семье деда и бабушки. Образ бабушки Катерины Ивановны — один из самых ярких и светлых во всём литературном

Дом В. П. Астафьева в деревне Овсянке

наследии писателя (рассказы «Конь с розовой гривой», «Фотография, на которой меня нет» и др.). Воспоминания детства легли в основу многих произведений писателя.

В последние годы жизни В. П. Астафьев вновь вернулся в Овсянку. Здесь ему особенно хорошо писалось. В Овсянке, благодаря заботе и настойчивости писателя, была построена одна из лучших в крае сельских библиотек.

Многие любители русской литературы едут в Овсянку, чтобы отдать дань уважения писателю.

Сайт музея в Интернете: <http://www.kkkm.ru/indeks.php/museum-expositions/museum-expositions-ostafev>

Краткий словарь литературоведческих терминов

Автобиография (гр. *autos* — сам, *bios* — жизнь, *grapho* — пишу) — литературно-прозаический жанр, описание автором собственной жизни. Литературная автобиография — попытка вернуться в собственное детство, юность, воскресить и осмыслить наиболее значительные отрезки жизни и жизнь как единое целое.

Аллегория (гр. *allēgoria* — иносказание) — иносказательное изображение предмета, явления с целью наиболее наглядно показать его существенные черты.

Амфибрахий (гр. *amphi* — кругом, *brachys* — краткий) — трёхсложный размер стиха с ударением на втором слоге (— — —).

Анализ произведения в литературоведении (гр. *analysis* — разложение, расчленение) — исследовательское прочтение художественного текста.

Анапест (гр. *anápaistos* — отраженный назад, обратный дактилю) — трёхсложный размер стиха с ударением на третьем слоге (— — —).

Аннотация — краткое изложение книги, рукописи, статьи.

Антитеза (гр. *antithesis* — противоположение) — противопоставление образов, картин, слов, понятий.

Архаизм (гр. *archaios* — древний) — устаревшее слово или словосочетание, грамматическая или синтаксическая форма.

Афоризм (гр. *aphorismos* — изречение) — обобщённая глубокая мысль, выраженная в лаконичной, краткой, художественно заострённой форме. Афоризм сродни пословице, но в отличие от неё принадлежит определённом лицу (писателю, учёному и т. д.).

Баллада (прованс. *ballar* — плясать) — стихотворение, в основе которого чаще всего лежит историческое событие, предание с острым, напряжённым сюжетом.

Басня — краткий нравоучительный стихотворный или прозаический рассказ, в котором есть аллегория, иносказание. Действующими лицами в басне чаще всего выступают живот-

ные, растения, вещи, в которых проявляются, угадываются человеческие качества и взаимоотношения. (Басни Эзопа, Лафонтена, А. Сумарокова, И. Дмитриева, И. Крылова, пародические басни Козьмы Пруtkова, С. Михалкова и др.)

Бестселлер (англ. best — лучший и sell — продаваться) — книга, имеющая особый коммерческий успех, пользующаяся читательским спросом.

«*Библиотека поэта*» — серия книг, посвящённая творчеству крупнейших поэтов, отдельным поэтическим жанрам («Русская баллада», «Русские былины» и др.). Основана М. Горьким в 1931 году.

Библия (гр. biblia — букв.: книги) — собрание древних текстов религиозного содержания.

Былина — жанр русского фольклора, героико-патриотическая песня о богатырях и исторических событиях.

Вопленицы (плакальщицы) — исполнительницы причитаний (И. Федосова, М. Крюкова и др.).

Герой литературного произведения, литературный герой — действующее лицо, персонаж литературного произведения.

Гипербола (гр. hyperbolē — преувеличение) — чрезмерное преувеличение свойств изображаемого предмета. Вводится в ткань произведения для большей выразительности, характерна для фольклора и жанра сатиры (Н. Гоголь, М. Салтыков-Щедрин, В. Маяковский).

Гротеск (фр. grotesque, ит. grottesco — причудливый, от grotta — грот) — предельное преувеличение, основанное на фантастике, на причудливом сочетании фантастического и реального.

Дактиль (гр. dactylos — палец) — трёхсложный размер стиха с ударением на первом слоге (— — —).

Двусложные размеры — ямб (— — —), хорей (— —).

Деталь (фр. détail — подробность) — выразительная подробность в произведении. Деталь помогает читателю, зрителю острее и глубже представить время, место действия, внешний

облик персонажа, характер его мыслей, почувствовать и понять авторское отношение к изображаемому.

Диалог (гр. dialogos — разговор, беседа) — разговор двух или нескольких лиц. Диалог — основная форма раскрытия человеческих характеров в драматургических произведениях (пьесах, киносценариях).

Жанр (фр. genre — род, вид) — вид художественного произведения, например басня, лирическое стихотворение, повесть.

Завязка — событие, знаменующее начало развития действия в эпических и драматических произведениях.

Идея (гр. idea — идея) — основная мысль художественного произведения.

Инверсия (лат. inversio — перестановка) — необычный порядок слов. Инверсия придаёт фразе особую выразительность.

Интерпретация (лат. interpretatio — объяснение) — истолкование литературного произведения, постижение его смысла, идеи.

Интонация (лат. intonare — громко произношу) — выразительное средство звучащей речи. Интонация даёт возможность передать отношение говорящего к тому, что он говорит.

Ирония (гр. eironeia — притворство, насмешка) — выражение насмешки.

Композиция (лат. compositio — составление, соединение) — расположение, т. е. построение, произведения.

Крылатые слова — широкоупотребительные меткие слова, образные выражения, известные изречения исторических лиц.

Кульминация (лат. culmen (culminis) — вершина) — момент наивысшего напряжения в художественном произведении.

Культура речи — уровень речевого развития, степень владения нормами языка.

Легенда (лат. legenda — букв.: то, что следует прочесть) — произведения, созданные народной фантазией, где сочетается реальное и фантастическое.

Летопись — памятники исторической прозы Древней Руси, один из основных жанров древнерусской литературы.

Литературовед — специалист, изучающий закономерности историко-литературного процесса, анализирующий творчество одного или нескольких писателей.

Литературоведение — наука о сущности и специфике художественной литературы, о закономерностях литературного процесса.

Метафора (гр. *metaphora* — перенос) — переносное значение слова, основанное на сходстве или противопоставлении одного предмета или явления другому.

Монолог (гр. *monos* — один и *logos* — речь, слово) — речь одного человека в художественном произведении.

Неологизмы (гр. *neos* — новый и *logos* — слово) — слова или словосочетания, созданные для обозначения нового предмета или явления, или индивидуальные новообразования слов.

Ода (гр. *ōdē* — песня) — торжественное стихотворение, посвящённое какому-то историческому событию или герою.

Олицетворение — перенесение человеческих черт на неодушевлённые предметы и явления.

Описание — вид повествования, в котором изображается картина (портрет героя, пейзаж, вид комнаты — интерьер и пр.).

Пейзаж (фр. *paysage*, от *pays* — местность) — картина природы в художественном произведении.

Повесть — один из видов эпического произведения. Повесть больше по объёму и по охвату жизненных явлений, чем рассказ, и меньше, чем роман.

Подтекст — подспудный, неявный смысл, не совпадающий с прямым смыслом текста.

Портрет (фр. *portrait* — изображение) — изображение внешности героя в произведении.

Пословица — краткое, крылатое, образное народное изречение, имеющее поучительный смысл.

Поэма (гр. *poiēma* — творение) — один из видов лироэпических произведений, для которых характерны сюжетность, со-

бытийность и выражение автором или лирическим героем своих чувств.

Предание — жанр фольклора, устный рассказ, который содержит сведения, передающиеся из поколения в поколение, об исторических лицах, событиях прошлых лет.

Притча — небольшой рассказ, иносказание, в котором заключено религиозное или моральное поучение.

Прóза (лат. *proza*) — литературное нестихотворное произведение.

Псевдо́ним (гр. *pseudos* — вымысел, ложь и *опута* — имя) — подпись, которой автор заменяет своё настоящее имя. Некоторые псевдонимы быстро исчезали (В. Алов — Н. В. Гоголь), другие вытеснили настоящую фамилию (Максим Горький вместо А. М. Пешков), даже передавались наследникам (Т. Гайдар — сын А. П. Гайдара); иногда псевдоним присоединяется к настоящей фамилии (М. Е. Салтыков-Щедрин).

Разв'язка — один из элементов сюжета, заключительный момент в развитии действия в художественном произведении.

Расска́з — небольшое эпическое произведение, повествующее об одном или нескольких событиях в жизни человека.

Рема́рка — (фр. *remarque*) — 1) замечание автора текста (книги, рукописи, письма), уточняющее или дополняющее какие-либо детали; 2) в драматургии, театре — пояснение, указание драматурга для читателя, постановщика и актёра в тексте пьесы.

Реце́нзия — один из жанров критики, отзыв на художественное произведение с целью его оценки и разбора. Отзыв содержит некоторые сведения об авторе произведения, формулировку темы и главной мысли книги, рассказ о её героях с рассуждениями об их поступках, характерах, взаимоотношениях с другими лицами. В отзыве отмечаются и самые интересные страницы книги. Важно раскрыть и позицию автора книги, его отношение к героям, их поступкам.

Ритм (гр. *rhythmos* — такт, соразмерность) — повторение каких-либо однозначных явлений через равные промежутки

времени (например, чередование ударных и безударных слогов в стихе).

Риторика (гр. *rhitorike*) — наука об ораторском искусстве.

Рифма (гр. *rhythmos* — соразмерность) — созвучие окончаний стихотворных строк.

Сати́ра (лат. *satira* — букв.: смесь, всякая всячина) — беспощадное, уничтожающее осмеяние, критика действительности, человека, явления.

Ска́зка — произведение устного народного творчества, занимательный рассказ о необыкновенных, часто фантастических событиях и приключениях. Сказки бывают трёх видов. Наиболее древние — это сказки о животных и волшебные. Гораздо позже появились бытовые сказки, в которых часто осмеивались людские пороки и описывались занятые, иногда необычные жизненные ситуации.

Сравне́ние — изображение одного явления с помощью сопоставления его с другим.

Средства художественной выразительности — художественные средства (например, аллегория, метафора, гиперболла, гротеск, сравнение, эпитет и др.), помогающие нарисовать человека, событие или предмет ярко, конкретно, наглядно.

Стихотворе́ние — написанное стихами произведение, преимущественно небольшого объёма, часто лирическое, выражающее душевные переживания.

Строфа́ (гр. *strophē* — поворот) — группа стихов (строк), составляющих единство. Стихи в строфе связаны определённым расположением рифм.

Сюже́т (фр. *sujet* — предмет, содержание, событие) — ряд событий, описанных в художественном произведении, положенных в его основу.

Тема (гр. *thema*) — круг жизненных явлений, изображённых в произведении; круг событий, образующих жизненную основу произведения.

Трагедия́ (гр. *tragōdia* — букв.: козлиная песнь) — вид драмы, противоположный комедии, произведение, изображаю-

щее борьбу, личную или общественную катастрофу, обычно оканчивающуюся гибелью героя.

Трёхсложные стихотворные размеры — дактиль (—́ — —), амфибрахий (— —́ —), анапест (— — —́).

Устное народное творчество, или *фольклор*, — искусство устного слова, создаваемое народом и бытующее в широких массах. Наиболее распространённые виды фольклора — пословица, поговорка, сказка, песня, загадка, былина.

Фантастика (гр. phantastikē — способность воображать) — разновидность художественной литературы, в которой авторский вымысел простирается до создания вымышленного, нереального, «чудесного» мира.

Хорей (гр. choreios, от choros — хор) — двусложный размер стиха с ударением на первом слоге (—́ —).

Художественное произведение — произведение искусства, изображает события и явления, людей, их чувства в яркой, образной форме.

Цитата — дословная выдержка из какого-либо текста или дословно приводимые чьи-то слова.

Эпиграф (гр. epigraphē — надпись) — короткий текст, помещаемый автором перед текстом сочинения и выражающий тему, идею, настроение произведения.

Эпитет (гр. epitheton — букв.: приложенное) — образное определение предмета, выраженное преимущественно прилагательным.

Юмор (англ. humour — нрав, настроение) — изображение героев в смешном виде. Юмор — смех весёлый и доброжелательный.

Ямб (гр. iambos) — двусложный размер с ударением на втором слоге (— —́).

Содержание

Из русской литературы XX века	3
И. А. Б у н и н	—
Проверьте себя	4
«Косцы»	—
Происхождение моих рассказов. <i>Из заметок</i>	
И. А. Бунина	10
Размышляем о прочитанном	—
Литература и изобразительное искусство	—
Совершенствуем свою речь	11
Фонохрестоматия. Слушаем актёрское чтение	—
Обогащаем свою речь	—
В. Г. К о р о л е н к о	12
Проверьте себя	—
«В дурном обществе»	13
Размышляем о прочитанном	48
Литература и изобразительное искусство	49
Обогащаем свою речь	—
Учимся читать выразительно	50
Проект	—
С. А. Е с е н и н	51
«Я покинул родимый дом...»	52
Фонохрестоматия. Слушаем актёрское чтение	53
«Низкий дом с голубыми ставнями...»	—
Фонохрестоматия. Слушаем актёрское чтение	54
Размышляем о прочитанном	—
Проект	55
П. П. Б а ж о в	56
Проверьте себя	57
«Медной горы Хозяйка»	—
Размышляем о прочитанном	68
Обогащаем свою речь	—
Литература и изобразительное искусство	69
Проект	71

К. Г. Паустовский	72
Проверьте себя	—
«Тёплый хлеб»	73
Размышляем о прочитанном	82
Обогащаем свою речь	—
Совершенствуем свою речь	83
«Заячьи лапы»	—
Размышляем о прочитанном	88
Фонохрестоматия. Слушаем актёрское чтение	—
Обогащаем свою речь	89
С. Я. Маршак	90
«Двенадцать месяцев». <i>Избранные картины</i> ..	91
Размышляем о прочитанном	107
Проект	—
Фонохрестоматия. Слушаем актёрское чтение	—
Обогащаем свою речь	108
<i>Прочитайте, это интересно!</i>	—
<i>Сказки народные и литературные</i>	109
Размышляем о прочитанном	111
Творческое задание	—
А. П. Платонов	112
Проверьте себя	—
«Никита»	113
Размышляем о прочитанном	121
Фонохрестоматия. Слушаем актёрское чтение	122
Совершенствуем свою речь	—
В. П. Астафьев	123
Проверьте себя	—
<i>Судьба рассказа «Васюткино озеро»</i>	124
«Васюткино озеро»	—
Размышляем о прочитанном	152
Литература и изобразительное искусство	—
Обогащаем свою речь	—
Творческое задание	153
Поэты о Великой Отечественной войне	
(1941—1945 гг.)	154
<i>Только доблесть бессмертно живёт</i>	—
Обогащаем свою речь	155

А. Т. Твардовский.....	156
«Рассказ танкиста».....	—
Размышляем о прочитанном.....	158
Литература и изобразительное искусство.....	—
Фонохрестоматия. Слушаем актёрское чтение....	159
Учимся читать выразительно.....	—
Совершенствуем свою речь.....	—
К. М. Симонов.....	160
«Майор привёз мальчишку на лафете...».....	—
Размышляем о прочитанном.....	161
Учимся читать выразительно.....	162
Фонохрестоматия. Слушаем актёрское чтение....	—
Писатели и поэты XX века о Родине, родной природе и о себе	163
И. А. Бунин. «Помню — долгий зимний вечер...».....	—
Фонохрестоматия. Слушаем актёрское чтение....	164
Д. Б. Кедрин. «Алёнушка».....	—
Фонохрестоматия. Слушаем актёрское чтение....	165
А. А. Прокофьев. «Алёнушка».....	—
Фонохрестоматия. Слушаем актёрское чтение....	167
Н. М. Рубцов. «Родная деревня».	—
Фонохрестоматия. Слушаем актёрское чтение....	168
Дон-Аминадо. «Города и годы».....	—
Фонохрестоматия. Слушаем актёрское чтение....	169
Размышляем о прочитанном.....	170
Литература и изобразительное искусство.....	—
Обогащаем свою речь.....	171
Проект.....	—
Писатели улыбаются.....	172
Саша Чёрный.....	—
«Кавказский пленник».....	173
«Игорь-Робинзон».....	182
Размышляем о прочитанном.....	188
Творческое задание.....	—
Совершенствуем свою речь.....	—

Ю. Ч. К и м.....	189
«Рыба-кит».....	—
Совершенствуем свою речь.....	190
Учимся читать выразительно.....	191
О талантливом читателе.....	—
Размышляем о прочитанном.....	—
Проверьте себя. Итоговые вопросы.....	192
 Из зарубежной литературы.....	193
Р. Л. С т и в е н с о н.....	—
«Вересковый мёд». Шотландская баллада.	
Перевод. С. Маршака.....	194
Размышляем о прочитанном.....	197
Учимся читать выразительно.....	198
Д. Де ф о.....	199
«Робинзон Крузо». Отрывок. Перевод	
М. Шишмарёвой.....	200
Размышляем о прочитанном.....	213
Творческое задание.....	—
Фонохрестоматия. Слушаем актёрское чтение.....	214
Х. К. А н д е р с е н.....	215
«Снежная королева». Перевод А. Ганзен.....	216
Размышляем о прочитанном.....	248
Литература и изобразительное искусство.....	—
Мастер снов и сказок.....	249
Размышляем о прочитанном.....	250
Марк Твен.....	251
«Приключения Тома Сойера». Отрывок.	
Перевод К. Чуковского.....	252
Размышляем о прочитанном.....	268
Фонохрестоматия. Слушаем актёрское чтение.....	—
Дж. Лондон.....	269
«Сказание о Кише». Перевод Н. Георгиев-	
ской.....	270
Размышляем о прочитанном.....	280
Литература и изобразительное искусство.....	—

Справочные материалы	281
Стихи, и как читать их вслух.....	—
Несколько советов известного чтеца Якова Михайловича Смоленского	—
Учимся читать выразительно.....	283
Словарь имён	285
Литературные места России	288
С. А. Есенин. Село Константиново.....	—
В. П. Астафьев. Деревня Овсянка.....	290
Краткий словарь литературоведческих терминов	292

Учебное издание

**Коровина Вера Яновна, Журавлев Виктор Петрович,
Коровин Валентин Иванович**

ЛИТЕРАТУРА

5 класс

Учебник для общеобразовательных учреждений
с приложением на электронном носителе

В двух частях

ЧАСТЬ 2

Зав. редакцией *В. П. Журавлев*

Редактор *Е. И. Правоторова*

Художник *Ю. В. Христич*

Художественный редактор *А. П. Присекина*

Технический редактор и верстальщик *Н. В. Лукина*

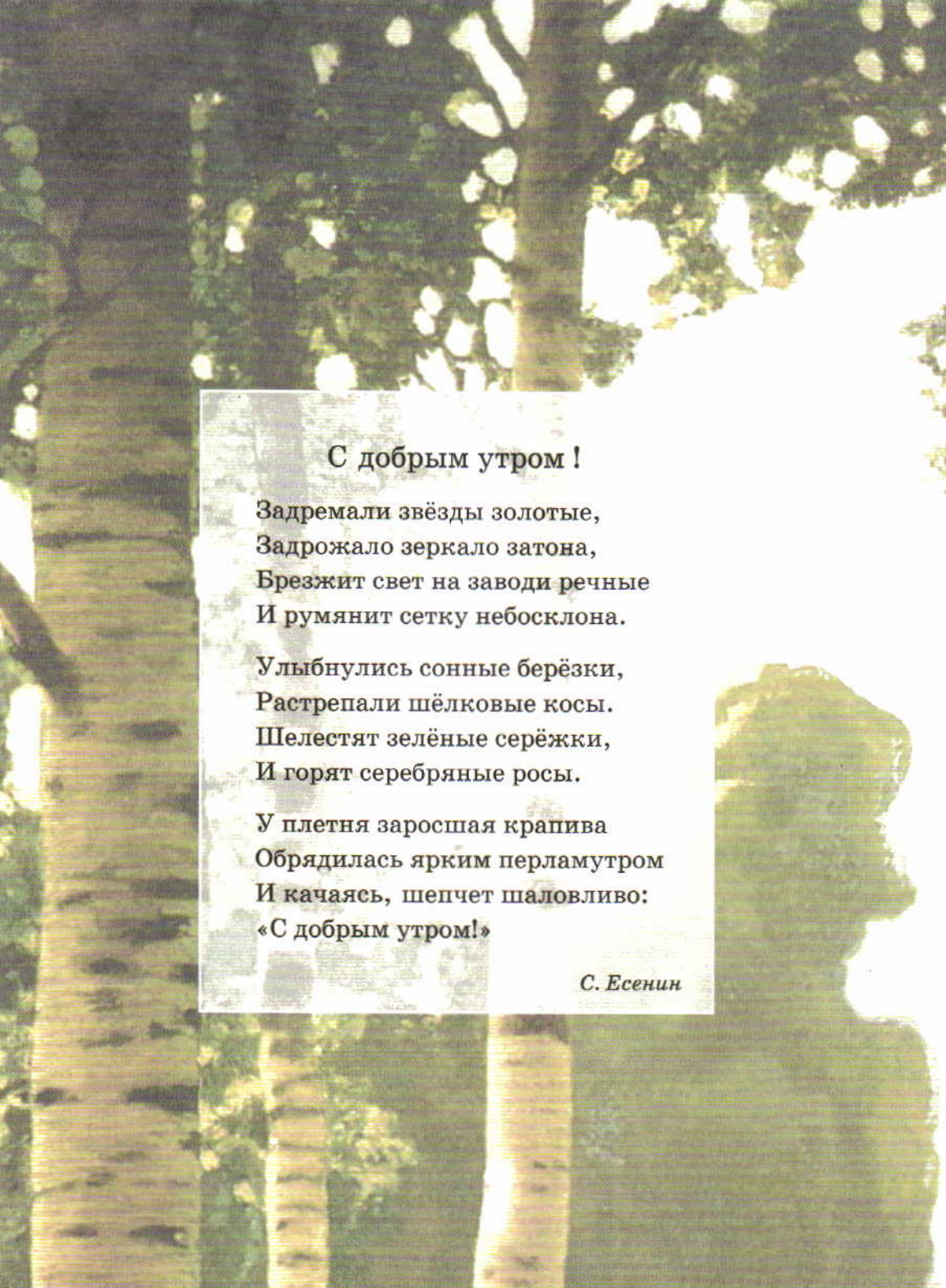
Корректоры *Н. Э. Тимофеева, Т. А. Лебедева*

Налоговая льгота — Общероссийский классификатор продукции ОК 005-93—953000. Изд. лиц. Серия ИД № 05824 от 12.09.01. Подписано в печать 28.08.12. Формат 70×90 $\frac{1}{16}$. Бумага офсетная. Гарнитура Школьная. Печать офсетная. Уч.-изд. л. 16,04 + 0,48 форз. Тираж 50 000 экз. Заказ № 3188.

Открытое акционерное общество «Издательство «Просвещение».
127521, Москва, 3-й проезд Марьиной рощи, 41.

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленных издательством материалов в ОАО «Тверской ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР». 170040, г. Тверь, проспект 50 лет Октября, 46.

С добрым утром !

Задремали звёзды золотые,
Задрожало зеркало затона,
Брезжит свет на заводи речные
И румянит сетку небосклона.

Улыбнулись сонные берёзки,
Растрепали шёлковые косы.
Шелестят зелёные серёжки,
И горят серебряные росы.

У плетня заросшая крапива
Обрядилась ярким перламутром
И качаясь, шепчет шаловливо:
«С добрым утром!»

С. Есенин